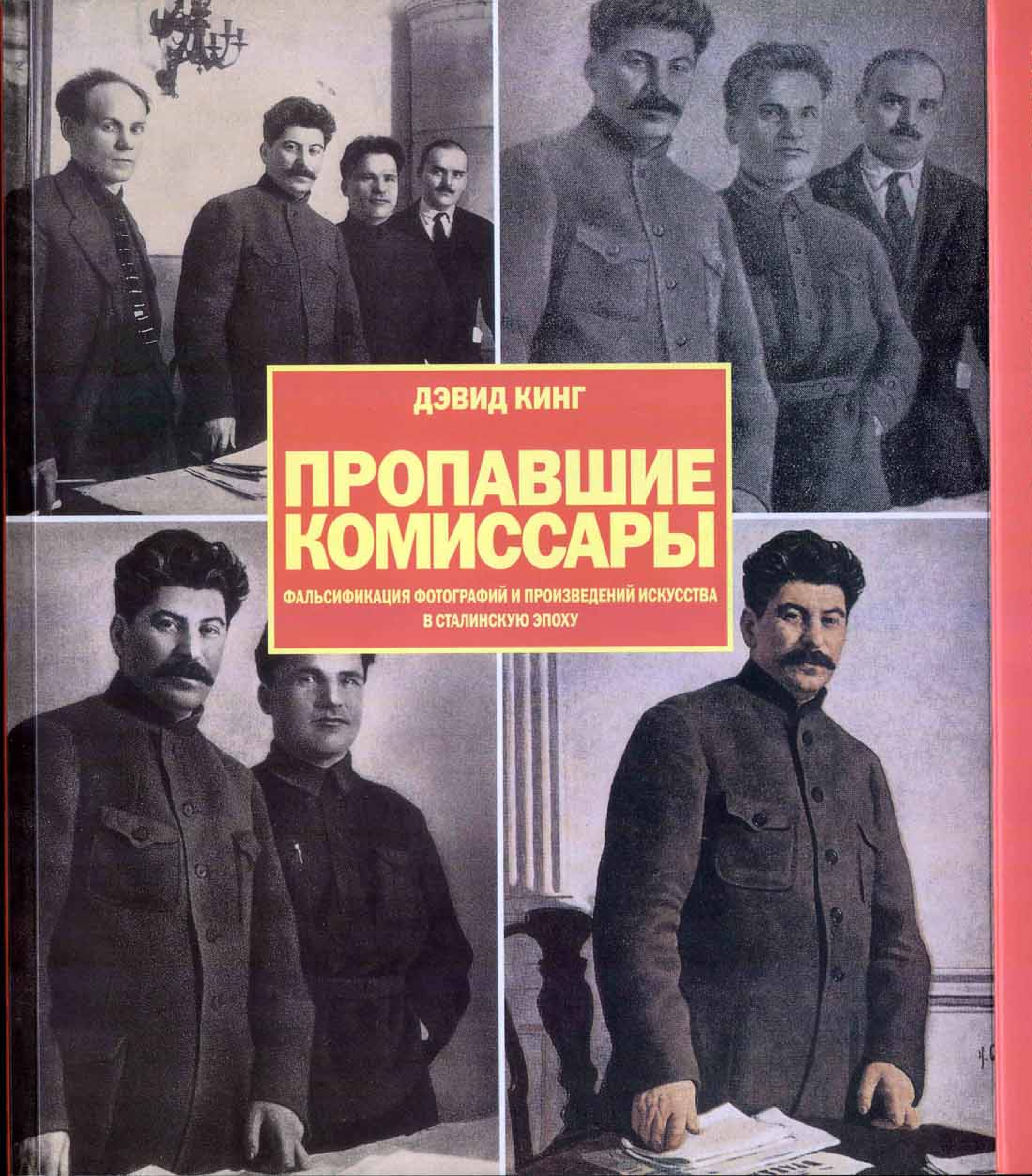

«О ретушировании и подчистке фотографий у нас писали много, но лучшее издание на эту тему из всех, что я видела, — фотоальбом Дэвида Кинга "Пропавшие комиссары". Центральный сюжет — оруэлловский: искажение Сталиным советской истории через видоряд.

...Кинг воспроизводит, когда это возможно, оригинальный снимок и его отретушированный вариант, а иногда и несколько. Скажем, люди исчезают с фотографии один за другим, по мере их исчезновения из жизни или с политической арены. На одном отпечатке, например, стёрли 27 человек, чтобы ничто не мешало Ленину остаться наедине с Горьким. Облупленные балясины Дворца Урицкого в Питере на снимке отремонтировали; в жизни Ленин стоял одной ногой в каком-то мусоре, — мусор подчистили, так что нога В.И. не касается земли. Ботинки и вождю, и писателю начистили — любо-дорого посмотреть. Подорожники пропололи, а сорную траву загримировали под здоровые стебли какого-то растения с неясной ботанической принадлежностью — так, вообще флора...

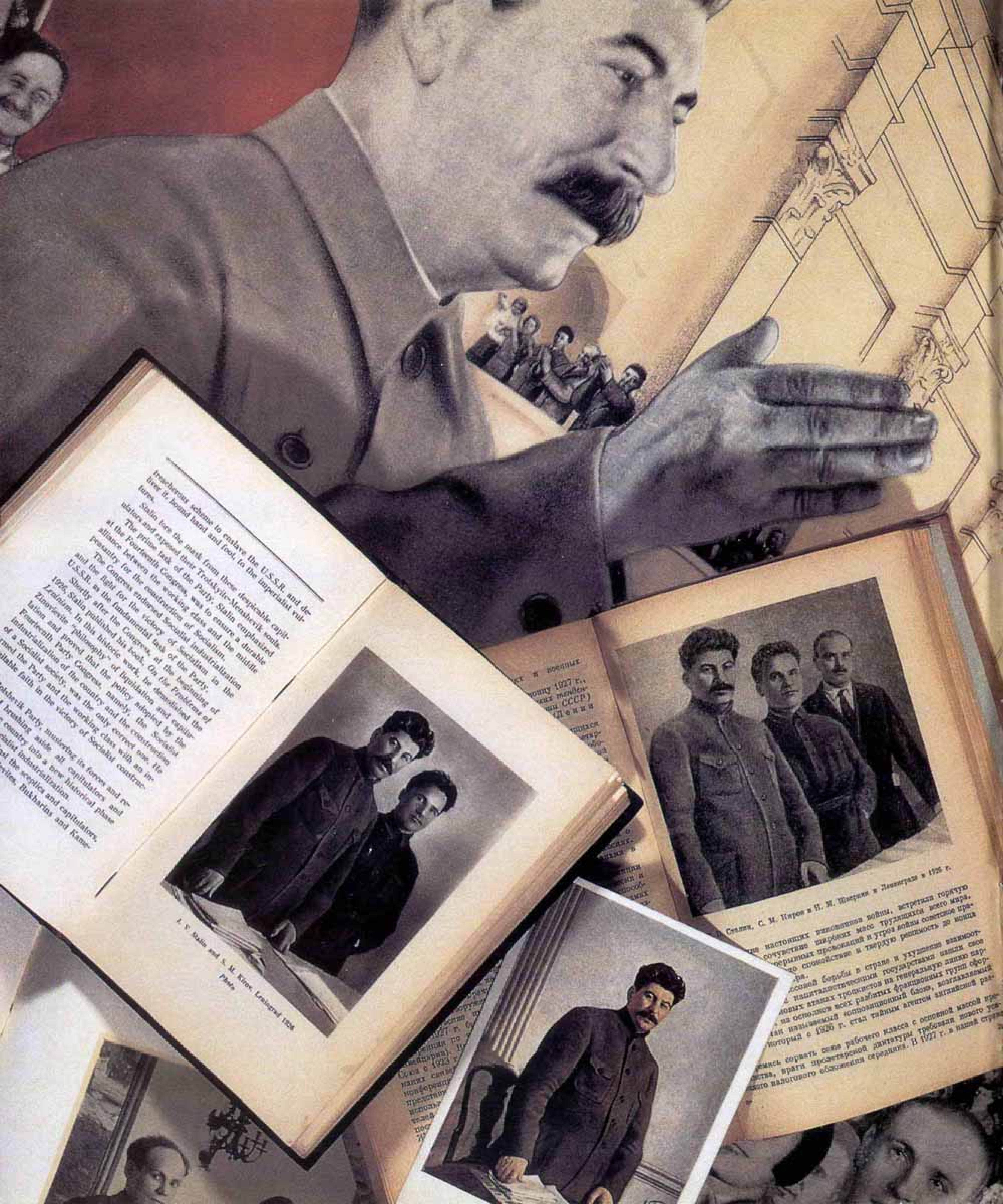
...А в 1920-м году Ленин и Крупская поехали открывать электростанцию в Кашине и сфотографировались с группой кулаков (на заднем плане) и детей (на переднем). Через 19 лет со снимка были стёрты ВСЕ взрослые и часть детей. Понятно, почему. Смотришь и думаешь: вот этот смеётся, а его больше нет. Этот смотрит испуганно — и его нет... И дальше — обвалом, по всей книге: этих нет, и этих уничтожили, и вон тех, и тех...

...Сталин, невежественный, ущемлённый, закомплексованный, понимал важность изображения, правильной подачи образа. Все фотографии, где он малорослый, рябой, темнолицый, коротконогий, притулился к группе более породистых товарищей, уже исправлены. Товарищи стёрты и в реальности, и в виртуальности, он один делал революцию, душил врага, возводил плотины на реках, освещал электрическим светом страну, вёл народ и так далее; всё сам. Сам и людей убивал. Исчезновение семьи, частной собственности и человека.

...Самые страшные страницы альбома — те, где лица замазаны. Пиджак, плечи, воротник, галстук, — а над ними круглая или квадратная непроглядная тьма. Дыра. Провал. И имя вымарано. Только внизу: "...Bilan hamda proletar... bolgan bolsevikar partiasi..." — мёртвый след, подобный надписи надгробной на непонятном языке».

Татьяна Толстая,
«Несгодные лица»

THE COMMISSAR VANISHES
На строительных площадках семи союзных республи
и заводах—поставщиках оборудования, на тр
ИДЕТ БОИ ЗА ПУСК 518
НОВЫЕ ЗАДАЧИ
ХОЗЯЙСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
АВГУСТ 18 1933 г. ПЯТНИЦА № 227 (5753)
АВДА
ПРИКАЗ
ВПЕРЕ
ЛЕНИ

treacherous scheme to enslave the U.S.S.R. and deliver it bound hand and foot, to the imperialist vultures.
Stalin tore the mask from these despicable capitulators and exposed their Trotskyite-Menshevik souls.
J. V. Stalin and S. M. Kirov, Leningrad 1926
Photo
Сталин, С. М. Киров и Н. М. Шверник в Ленинграде в 1926 г.

ДЭВИД КИНГ

ПРОПАВШИЕ КОМИССАРЫ

ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ФОТОГРАФИЙ И ПРОИЗВЕДЕНИЙ ИСКУССТВА В СТАЛИНСКУЮ ЭПОХУ

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ ПРЕДОСТАВЛЕН ДЭВИДОМ КИНГОМ

ПРЕДИСЛОВИЕ: СТИВЕН Ф. КОЭН

МОСКВА, 2005
ИЗДАТЕЛЬСТВО «КОНТАКТ-КУЛЬТУРА»

Оригинальное английское издание:
The Commissar Vanishes
Metropolitan Books
Henry Holt and Company, Inc.
New York, 1997

Дизайн: Дэвид Кинг

Редакция русского издания:
Павел Снопков, Александр Шклярук

Кинг Д. Пропавшие комиссары. —
М.: Контакт-Культура, 2005. — 204 с., ил.
ISBN 5-93882-023-5

Издательство ООО «Контакт-Культура»
Лицензия ИД № 00310 от 22.10.99
(095) 202-9798; www.plakat.ru
Тираж 3000 экз.
Отпечатано в ООО «Офсетная типография № 21»
(095) 252-0074; www.ofset21.ru

На странице справа: первый портрет Сталина работы Николая Андреева (1 апреля 1922 г.). Сталин только что избран на пост Генерального секретаря Центрального Комитета Российской Коммунистической партии (большевиков). Эту должность он занимал более тридцати лет.

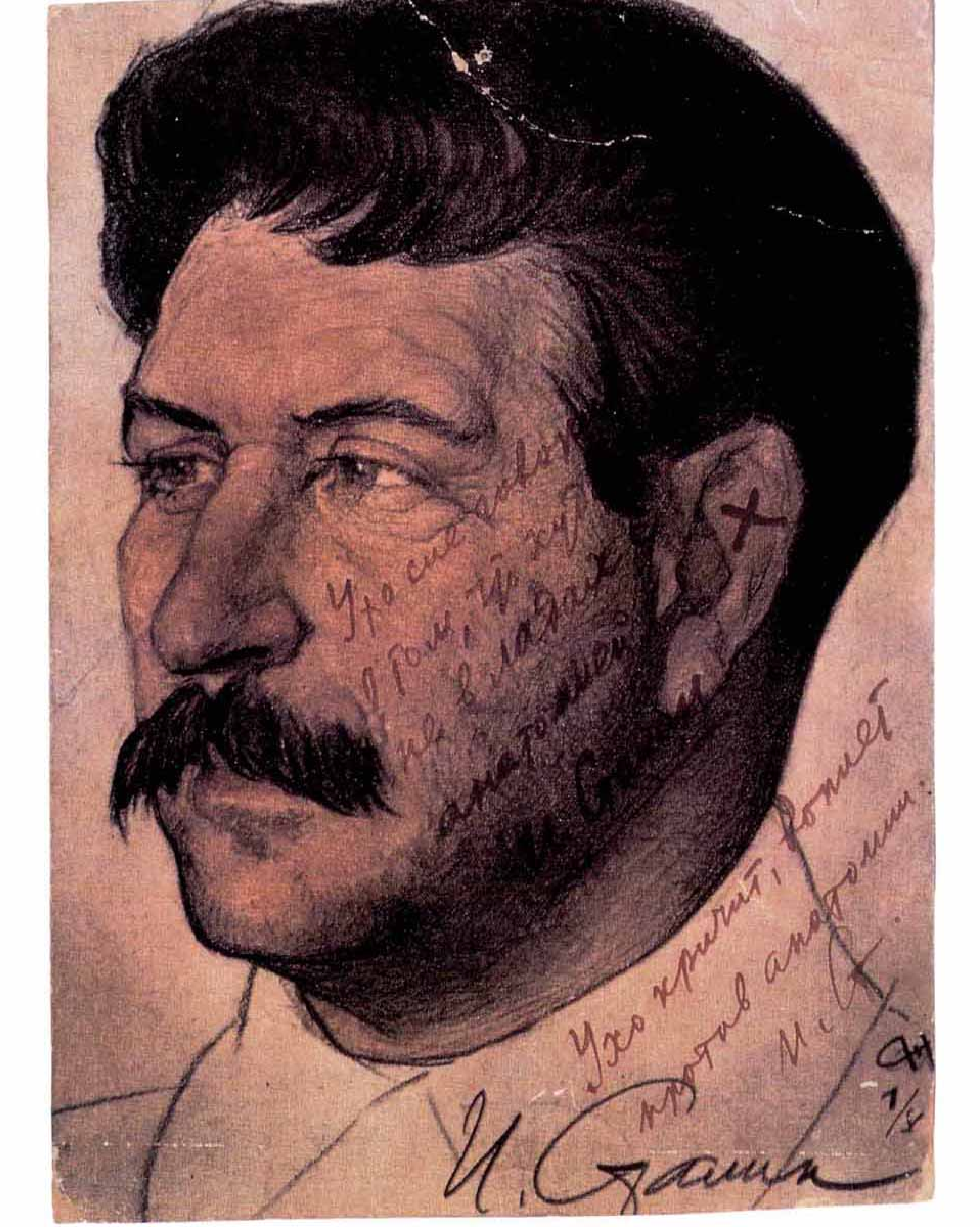
Будущий диктатор красными чернилами начертал на рисунке зловещие слова: «Ухо сие говорит о том, что художник не в ладах с анатомией. И. Сталин. Ухо кричит, вопиет против анатомии. И. С.»

На стр. 6–7: Зинаида Орджоникидзе (слева), окруженная членами Политбюро, пытается осмыслить самоубийство своего мужа Серго 19 февраля 1937 года. Днем раньше, в пылу спора, Орджоникидзе обвинил Сталина, который был когда-то его другом, в тирании и беззаконии. Позже вечером Орджоникидзе — народный комиссар тяжелой промышленности, «любимец партии» — вернулся в свою московскую квартиру и застрелился. Слева направо: Зинаида Орджоникидзе, Молотов (виден частично), Ежов, Сталин, Жданов, Каганович, Микоян и Ворошилов.

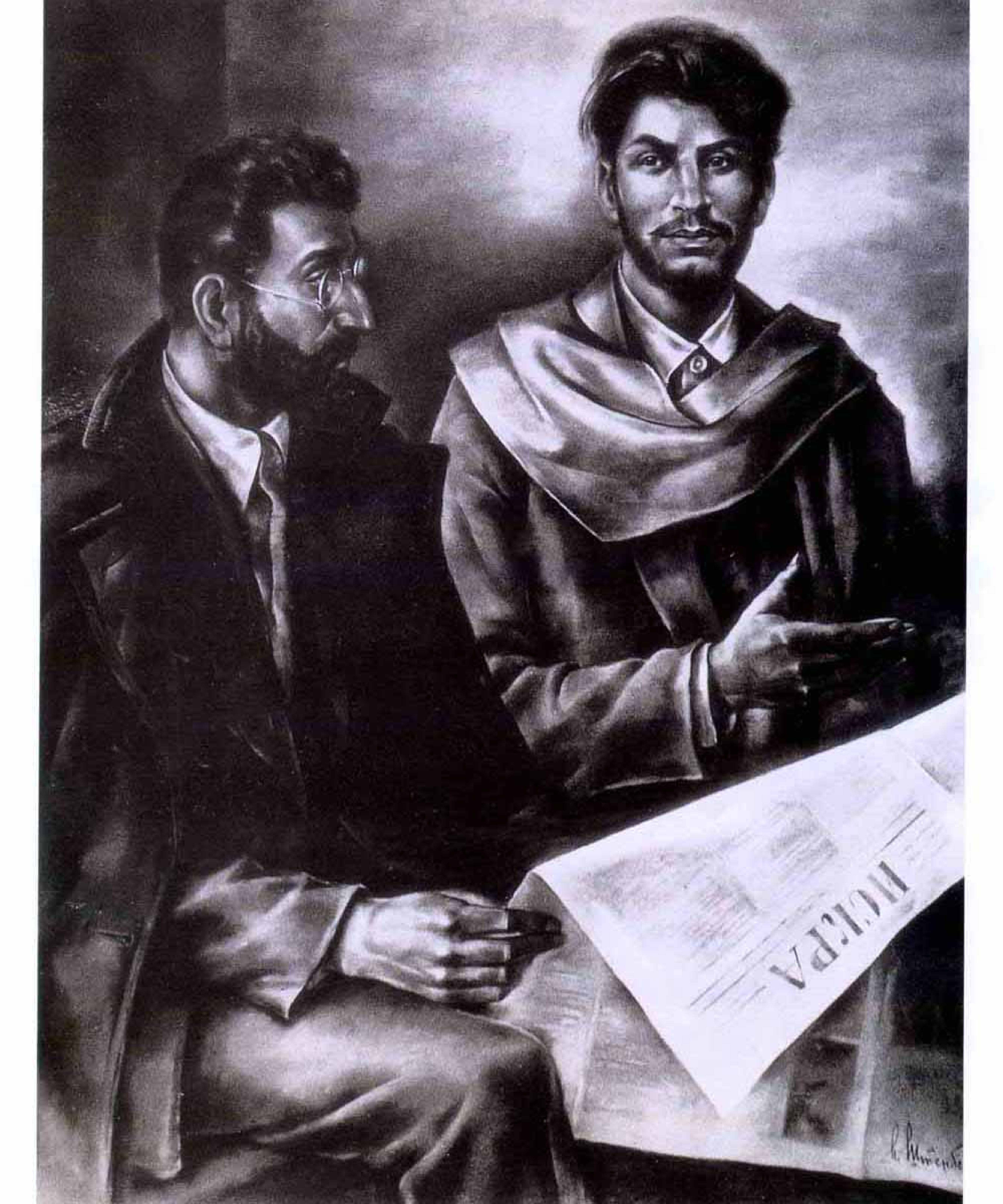
Мы любили обмакивать палец в чернильницу с сажей,
разведенной в воде, и порой были в этом весьма старательны.
Однажды я замазала самого товарища Кагановича,
я ликвидировала его, потому что фамилия у него была —
как у какого-нибудь отщепенца. Тогда мне было всего одиннадцать лет.
Сильва Дарел

Нынче и с женой-то свободно поговоришь
разве что ночью, под одеялом.
Исаак Бабель

Список делался все длиннее,
перечень обреченных на сожжение книг все рос.
Нам пришлось сжечь даже книгу Сталина «Об оппозиции».
При новом руководстве даже ее надо было прятать.
Евгения Гинзбург

Ухо кричит, вопиет
против анатомии.
И. Ст.
И. Сталин

ИСКРА

ПРЕДИСЛОВИЕ

В эпоху деспотического правления Сталина, господство которого в Советском Союзе продолжалось с 1929-го по 1953 год, лгали даже фотодокументы. В уникальной, поражающей воображение книге Дэвида Кинга те же фотографии, оригиналы которых даются рядом с отретушированными вариантами, служат великолепным средством раскрытия истины.

Сталинская цензура по отношению к фотографиям была, конечно, лишь частью гораздо более широкой установки на систематическую фальсификацию самой истории. Начиная с середины 30-х годов в Советском Союзе нельзя было публиковать, показывать, публично высказывать практически ничего, что могло бы бросить малейшую тень на авторитет Сталина как вождя советского народа и прогрессивных сил всего мира. Культ личности Сталина включал в себя три главных компонента, каждый из которых привел к гибели миллионов ни в чем не повинных людей: это коллективизация, превратившаяся в беспощадную войну против российского крестьянства, длившуюся с 1929-го по 1933 год; кровавый полицейский террор, развернутый против членов партии и простых граждан: он достиг кульминации в 30-е годы, но продолжался и потом, вплоть до смерти Сталина, до 1953 года; наконец, это катастрофический политический и военный курс, осуществляемый Сталиным и его подручными до и после германской агрессии 1941 года.

В том-то и заключался расчет фальсификаций: они должны были навязать нации отношение к катастрофическим сталинским авантюрам как к великим свершениям, заставить людей превозносить, обожествлять создателей сталинской советской системы, не допуская даже мысли о каких-либо альтернативных путях и решениях. Всех, кто был не согласен с культом Сталина, немедленно объявляли преступниками, стирая из истории даже память о них; особенно это касалось всех коммунистов несталинского или недостаточно сталинского толка, которые в первые послереволюционные годы руководили коммунистической партией и новым советским государством. Дэвид Кинг показывает нам всего лишь, как происходило исчезновение комиссаров на документах. О том, почему это происходило, в России ожесточенные споры идут до сих пор.

Взявшись осветить пять десятилетий официальной фальсификации и ревностного утаивания фактов, Дэвид Кинг выполняет в своей книге огромную, героическую работу, практически в одиночку разрабатывая целый археологический пласт. Тридцать лет разыскивая и собирая по всему миру фальсифицированные советские фотографии, он скопил легендарную частную коллекцию, которой может полюбоваться каждый, от ученых-историков, которым требуются для их книг заслуживающие доверия фотодокументы, до голливудских кинорежиссеров, разыскивающих аутентичные детали для воссоздания колорита той или иной эпохи. Книга «Пропавшие комиссары» представляет только малую часть коллекции Дэвида Кинга, но и здесь материал подобран удивительно изобретательно и точно, позволяя и специалистам, и широкой аудитории почувствовать политическую атмосферу прошлого.

Читатели, я полагаю, хотели бы знать, какие бесчисленные человеческие, семейные трагедии прячутся за всеми этими изуродованными, фальсифицированными фотографиями. Но время для этого еще не пришло. Когда я писал биографию Николая Бухарина, одного из отцов-основателей советского государства, прошедшего суровые испытания и казненного в 1938 году, я разыскивал архивные документы тех лет — и, конечно, обратился к его вдове, Анне Лариной, с просьбой предоставить мне хотя бы одну фотографию ее мужа, сделанную в 20-е или 30-е годы, — но не получил ничего. У Лариной отняли решительно все, когда она была арестована, вслед за мужем, в 1937-м; она умерла в 1996 году, так никогда и не увидев ни одной его вещи. Их сын, Юрий Ларин, вырос приемышем, в чужой семье, и никогда не видел общей фотографии своих родителей.

Недавнее событие, не слишком отличающееся от историй, рассказанных Дэвидом Кингом, опечалило меня, пожалуй, еще сильнее. На десятом году нашей близкой дружбы, старшая дочь одного знаменитого советского лидера, уничтоженного Сталиным, неожиданно принесла мне семейный альбом своей матери. При этом она пристально следила за моей реакцией. Толстый, в кожаном переплете альбом, потертый за десятилетия тайного хранения, я открывал с большим волнением, надеясь увидеть в нем фотографии ее отца и других прославленных коммунистов, сделанные еще до террора. Некоторые из них действительно были там, давая определенную информацию о семье; но изображение самого отца было безжалостно вырезано, ножницами или бритвой. Только его рука, плечо, локоть, ухо или нога в ботинке оставались на некоторых фотографиях, где-нибудь сзади, так, чтобы не касаться фигур, которые пока еще были у Сталина в милости.

Я тотчас же догадался, почему мать моей подруги пошла на такую экзекуцию: обуреваемая страхом после ареста главы семьи, она предприняла отчаянную попытку отвести угрозу от себя и своей юной дочери. Моя подруга знала то, что теперь знал и я, но мы никогда не перемолвились с ней об этом ни словом. Она была очень предана своей матери, которая прошла через сталинские лагеря и умерла в очень пожилом возрасте в 1989 году. И дочь хранила тайну своей матери шестьдесят лет: я воспринял ее решение показать мне этот альбом как акт особого доверия. Но я очень хотел бы, чтобы у ее матери сохранилась хотя бы одна единственная нетронутая фотография. И еще я пожалел, что теперь уже никогда не смогу забыть то, что увидел.

Стивен Ф. Коэн, Нью-Йорк, апрель 1997 г.

На стр. 8: «Товарищ Сталин и Ладо Кецховели». Дышащий едва ли не религиозным благоговением рисунок Ирины Штенберг был выполнен в 1939 году, когда культ Сталина достиг своего апогея. Будущий «Вождь и Учитель» (справа) изображен здесь вместе с тем человеком, который на рубеже веков познакомил его с азами марксизма. В 1903 г. Кецховели был застрелен тюремщиком.

ТЯЖЕЛЫЕ СОВЕТСКИЕ УТРАТЫ

Работавшие в Советской России фоторетушеры, как и их коллеги в Голливуде, затрачивали немало времени, исправляя самые разные физические недостатки и помогая кинокамере приукрашивать действительность. Изрытое оспой лицо Иосифа Сталина требовало от ретушера исключительно высокой квалификации. Но в период «больших чисток», разразившихся в конце 30-х годов, появилась новая форма фальсификации документов. Сталину мало было уничтожать своих политических противников физически: параллельно с физической ликвидацией искоренялись все формы их визуального бытия.

Фотографии, предназначенные для публикации, ретушировали; потом, с помощью краскораспылителя и скальпеля, с них удаляли изображения людей, прежде широко известных. В музеях и картинных галереях со стен время от времени снимали полотна — и спустя некоторое время вновь выставляли их на всеобщее обозрение, но уже без скомпрометированных лиц. Книги заклейменных политиков и писателей ссылались в отделы специального хранения, имеющиеся в государственных библиотеках и архивах, — или просто уничтожались.

Советская индустрия на всех парах устремлялась вперед, и параллельно двигался к вершине своего обожествления Сталин: выполненные в духе социалистического реализма произведения живописи, скульптуры, тщательно отретушированные фотографии прославляли его как «великого вождя и учителя» советского народа. Они внушали людям далекую от всякой реальности мысль о том, что Сталин — единственный истинный друг, товарищ и наследник Ленина, руководитель большевистской революции, создатель Советского Союза. И страна покорно склонилась перед Сталиным.

Советские граждане, опасаясь, как бы их, не дай бог, не обвинили в хранении «антисоветских», «контрреволюционных» материалов — последствия в этом случае могли быть самыми тяжкими, — вынуждены были с помощью ножниц или туши портить свои книги и фотографии. От сталинских времен почти не осталось публикаций, которые не несли бы на себе отпечаток этого политического вандализма. Один из устрашающих его примеров читатель увидит на последующих страницах. Стоит сказать несколько слов о несчастном герое этой незаурядной истории.

Исаак Абрамович Зеленский шестнадцатилетним юношей, в 1906 г., вступил в партию большевиков, играл активную роль в революции 1917 года. В 1922 г. стал полноправным членом Центрального Комитета ВКП(б). Ему, в то время возглавлявшему московскую партийную организацию, была поручена организация похорон Ленина. А спустя несколько месяцев Сталин обвинил Зеленского в том, что тот «недостаточно ненавидит Каменева и Зиновьева», которые в тот период, в борьбе за власть, развернувшейся после смерти Ленина, стали противниками будущего диктатора. Зеленский был послан на семь лет в Ташкент, где занимал пост секретаря Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б). В 1931 г. его вернули в Москву, посадив на руководство

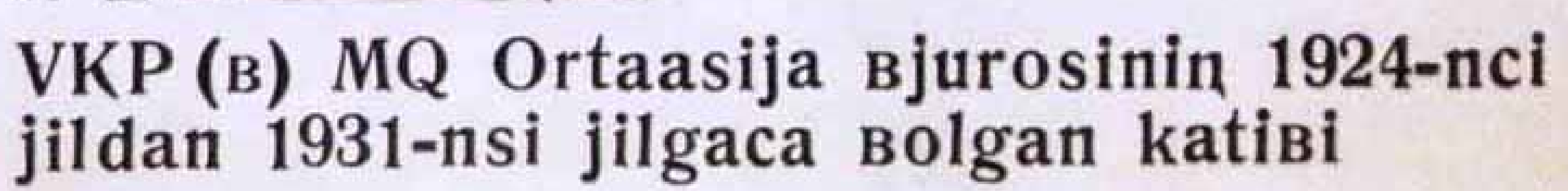
На стр. 10: Рисунок с изображением Льва Троцкого, выполненный в 1923 году Сергеем Пичугиным. После политического падения Троцкого этот портрет необходимо было скрыть от человеческих глаз. Художник наклеил на свой рисунок кусок белого картона и «преступное сходство» было случайно обнаружено членами его семьи лишь 75 лет спустя.
На стр. 12–13: Портрет Исаака Зеленского (*слева*) из книги «Десять лет Узбекистана». Так этот портрет выглядит в экземпляре узбекского издания, принадлежавшем Александру Родченко, вымаранный самим художником (*справа*).

И. ЗЕЛЕНСКИЙ

секретарь Средазбюро ЦК ВКП(б) с 1924 по 1931 г.

[redacted]

VKP (ʙ) MQ Ortaasija ʙjurosininꞑ 1924-nci jildan 1931-nsi jilgaca ʙolgan katiʙi

Центросоюзом (Центральным союзом потребительских обществ СССР). Энтузиаст, революционер превратился к тому времени в типичного аппаратчика. Он был одним из тех, кто всей душой защищал и отстаивал сталинизм.

Тем не менее, в 1937 году по приказу Сталина его арестовали и объявили «врагом народа». Прокурором СССР в то время был Андрей Януарьевич Вышинский, которого ненавидела и боялась вся страна; в четырех больших показательных процессах, состоявшихся во второй половине 30-х годов, он занимал крайне жесткую позицию, с готовностью взяв на себя роль «рупора» Сталина. На всех процессах он требовал вынесения смертного приговора старым большевикам, обеспечившим победу Октябрьской революции 1917 года (в которой сам он, будучи меньшевиком, не участвовал). Обвинения были в высшей степени абсурдными, но следователи-садисты с помощью пыток добивались у арестованных признания, а суд, при отсутствии независимой защиты, на основании одних лишь этих признаний выносил обвинительный приговор.

И вскоре Вышинский и Зеленский стояли друг против друга как обвинитель и обвиняемый. Это был последний открытый процесс; он состоялся в марте 1938 года в здании Центрального совета профсоюзов. На скамье подсудимых сидели двадцать обвиняемых во главе с Николаем Бухариным. Зеленского обвиняли в том, что с 1911 года он был тайным агентом царской охранки, а пост руководителя Центросоюза использовал для того, чтобы саботировать распределение продовольствия. Зеленский якобы уничтожил пятьдесят вагонов с яйцами; кроме того, он «подсыпал в масло, предназначенное для народных масс, гвозди и стекло, с той целью, чтобы подорвать здоровье советских людей». Вместе с другими обвиняемыми Зеленский был приговорен к смерти и казнен. А Вышинского, в награду за проявленное усердие, Сталин в 1939 году сделал членом ЦК.

Обезображенный портрет Зеленского (см. *стр. 13*) попал мне в руки в 1984 году. Прекрасно помню тот вечер. Я шел по улице Кирова, плохо освещенной даже по тогдашним московским меркам, в студию Александра Родченко. Через темную подворотню я попал в узкий двор-колодец; на десятом этаже одного из домов, обступивших этот мрачный двор, и устроил когда-то студию Родченко. Лифт не работал; я поднимался пешком.

Родченко, работавший в области живописи, графики и фотографии, был одним из выдающихся представителей русского авангарда, история которого, начинаясь в эпоху революций, завершилась в 30-е годы. Талантливой художницей была и жена Родченко, Варвара Степанова. В 20-е годы их студия дала приют редакции литературно-художественного журнала «Леф», главным редактором которого был поэт-революционер Маяковский.

Умер Родченко в 1956 году. Студия служила жильем для трех поколений его семьи; но в 1984 году я нашел ее почти в нетронутом состоянии. Полотна мэтра стояли, прислоненные к стене, словно он только-только закончил их. В белом свете голых, без абажуров, электрических лампочек высокие буфеты и книжные полки отбрасывали на стену резкие тени. На потрескавшейся штукатурке, на книгах — книгах Родченко — лежала густая пыль. Пришел я сюда затем, чтобы заглянуть в эти книги; как ни странно, я был первым посторонним человеком, попросившим разрешения взять их в руки.

В 30-е годы Родченко обратился к фотографии, а также к оформлению книг и журналов. На стеллажах его студии на улице Кирова я увидел огромные фотоальбомы, в том числе — «Первая Конная» и «Красная Армия»; рядом лежали новаторские фотоработы к разным номерам знаменитого журнала «СССР на стройке». А в стороне, поодаль от других, лежал еще один том, под названием «Десять лет Узбекистана».

Раскрыв эту книгу, я почувствовал себя так, словно вдруг очутился на месте, где было совершено ужасное преступление. После сталинской «чистки», которой подверглось узбекское руководство в 1937 году (спустя три года после выхода книги), значительную часть парадных фотопортретов тамошних функционеров в альбоме надо было срочно уничтожать. В осуществляемой под лозунгом «бдительности» истребительной войне против «врагов народа» сталинисты навязали стране концепцию «личной ответственности», из которой вытекало, что одно лишь упоминание имени кого-либо из арестованных и «исчезнувших», равно как и тайное хранение их портретов, автоматически влекло за собой тюремное заключение. Доносчики же были всюду. По русской пословице, даже у стен были уши.

Родченко ответил на «чистки» по-своему, как художник, невольно став родоначальником новой «художественной формы», которая графически отражала действительную судьбу жертв. Залитые чернилами портреты одного из руководителей советской тайной полиции Якова Петерса (см. *стр. 147*) или Акмаля Икрамова, возглавлявшего партийную организацию Узбекистана, воспринимаются как пугающие символы. Исаак Зеленский под рукой Родченко умер во второй раз: лицо его закрыто громадной кляксой, густая чернильная полоса не позволяет прочесть само его имя.

Осквернение книги, на которое был вынужден пойти Родченко, — лишь один из подобных примеров периода массового террора и последовавшей за ним эпохи. В библиотеках бывшего Советского Союза до сих пор можно встретить следы политического вандализма, скрывающегося под маской «бдительности». Из многих книг с политической, культурной или научной тематикой, увидевших свет в первые два десятилетия советской власти, цензоры выдирали целые главы; на фотографии же «врагов народа» они набрасывались с какой-то иррациональной яростью. Учителя в школах давали ученикам указание самим убирать из учебников тех, кому там было уже не место. Многие десятилетия советской власти прошли под знаком этой коллективной паранойи.

Значительная часть изданий просто исчезала с книжных полок. По решению ЦК ВКП(б) от 7 марта 1935 года, например, изо всех библиотек СССР изымались произведения Троцкого. Запрет на его имя, никем не отмененный вплоть до конца 80-х годов, доходил до того, что среди книг, попавших в черный список, оказались даже материалы, направленные против самого Троцкого. Как это ни парадоксально, нелегальной литературой становились книги вроде: «Троцкисты: враги народа» или «Троцкистско-бухаринское отребье».

На стр. 15: Ленин (в центре), рядом с ним Лев Каменев (слева) и Григорий Зиновьев (справа), среди членов делегации Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Москва, 31 октября 1922 г. Самое впечатляющее в этой фотографии — то, что на ней присутствует и Андрей Вышинский (в центре): он — в черной косоворотке с тремя белыми пуговицами. В большевистской партии он менее двух лет; в последующие два десятилетия с его легкой руки будут уничтожены многие из тех, кто запечатлен на снимке.

Слева: «Сводный список», издание 1973 года. Рядом — репортаж о знаменитом шахтинском деле 1928 года. Предисловие к книге написано Вышинским; оформление обложки — работа Родченко.

Составленное цензурным ведомством, с грифом «Для служебного пользования», специальное издание под названием «Сводный список книг, подлежащих исключению из библиотек и книготорговой сети» представляло собой массивный том в несколько сотен страниц, на которых мелким шрифтом перечислялись в алфавитном порядке запрещенные книги. Один мой хороший друг, в 60-х годах директор букинистического магазина в Ленинграде, рассказывал, как раз в два месяца к ним являлась женщина, представлявшая цензурное управление; эта почтенная дама, внешностью больше напоминающая дворничиху, часами рылась в книжных завалах, время от времени заглядывая в последний — естественно, он регулярно обновлялся — вариант «Сводного списка». Издания, которые признавались нежелательными, попадали в специальный «мусоросборник», стоящий за магазином.

Далее судьба содержимого этого «мусоросборника» была такова: в самом удачном случае редкие и пользующиеся спросом книги оседали в частных, и без того сказочно богатых, библиотеках, что, однако, было вовсе не безопасным для коллекционеров и страстных любителей истории. Чаще же всего книги отправлялись в цеха переработки макулатуры. В 60-е годы, в разгар «макулатурной кампании», под ножами бумагоизмельчительных машин погибло огромное количество культурных ценностей, среди которых были и редкие рукописи, и прекрасно оформленные издания. Ссылаясь на нехватку газетной бумаги, власти выработали практику, по которой старые книги и газеты принимались «на вес», по несколько рублей за килограмм, либо в обмен на экземпляр какого-нибудь модного романа. Чем толще была книга, тем больше она стоила. Вот почему так редки сегодня огромные альбомы художественных фотографий, издававшиеся в России в 20–30-х годах.

Путь других документов, признанных опасными для советской власти, заканчивался в государственных архивах. У архивов этих было двойное предназначение: во-первых, хранить материалы; во-вторых, изымать их из обращения. В хранилищах «закрытых материалов» — «спецхранах» — тонули магнитофонные ленты, печатные издания, кинокопии, фотографии, произведения живописи, рисунки, плакаты, личные письма. В эту бездонную бочку сваливали все, что государство считало «нежелательным» для своих граждан. В сталинские времена эта система была настолько отлажена, что на любые расспросы, после многочасового ожидания, следовала или какая-нибудь сказка про белого бычка, или недоуменное пожимание плечами, или сухое: «Нельзя!»

Прошло уже семнадцать лет после смерти Сталина, когда я, необычно морозной зимой 1970 года, впервые оказался в читальном зале Архива кино- и фотодокументов. Сколько я ни пытался выяснить, нет ли в архиве фотографий Троцкого, каждый раз мне отвечали сурово: «А зачем вам Троцкий? Для революции Троцкий — фигура незначительная. Сталин — другое дело!» В огромных темно-зеленых коробках лежали сотни портретов: Толстого, Тургенева и других; Троцкого же не было ни одного. Тогда я и решил собирать собственную коллекцию.

Почти за три десятилетия коллекция моя выросла в целую библиотеку — кстати сказать, доступную всем. Библиотека эта содержит изобразительные материалы о всех значительных этапах советской истории, но особое внимание уделяется альтернативам сталинизма. Откуда эти документы? В основном — из Советского Союза. В течение многих лет Коммунистический Интернационал распространял свои материалы, фотографии и печатные издания, по всему миру. Эту деятельность активно использовала в 20–30-х годах советская пропагандистская машина. Попавший в те времена на Запад огромный в количественном отношении материал в значительной степени еще доступен и сегодня. Когда Горбачев в конце 80-х годов смягчил порядок выезда советских граждан за рубеж, на Запад опять попало много книг, фотографий и других документов, которые в течение долгих лет хранились тайно. Но нужно заметить, что российские законы все еще запрещают вывозить из страны без официального разрешения что-либо, кроме изданий, увидевших свет в наши дни.

Фальсификация документов в сталинскую эпоху стала настолько повседневным делом, что на основе отретушированных фотографий можно писать историю советской власти. Такая попытка и предпринята в этой книге. Фотографии следуют друг за другом в хронологическом порядке, то есть, как правило, привязаны к тому времени, когда они были изготовлены. Отретушированные, «исправленные» варианты приводятся — с небольшими исключениями — рядом с исходной фотографией или несколькими страницами ниже. Наряду с фотоснимками и другими изобразительными документами, играющими ключевую роль для понимания того или иного «исторического события», демонстрируются и некоторые материалы, которые особенно ярко иллюстрируют культ личности Сталина, хотя ценностью обладают лишь в политическом, культурном или эстетическом плане. Перед нами проходят все новые и новые факты фальсификации; тот или иной снимок выглядит подчас настолько странным, что сразу понимаешь: это не что иное, как подделка. Зато поиски исходного варианта иногда занимают многие годы.

Фальсификация фотографий, публикуемых в книгах, журналах, газетах, началась в России еще до 1917 года; но лишь с 1935 года, после убийства главы ленинградской парторганизации

Слева: Биография Сталина (издание 1939 г.) с металлической чеканкой на обложке. Идея оформления обложки взята со стофутовой гранитной статуи работы Сергея Меркурова у начала канала Москва – Волга.
Внизу: Плакат, опубликованный в Москве в 1933 г.
На стр. 18–19: композиция «Сталин и массы» в книге «Ударники» (1930 г.). Фигура Сталина явно вмонтирована в фотографию; но и изображение «масс» выдает незамысловатый трюк ретушера. Если присмотреться, можно видеть, что некоторые фрагменты толпы фигурируют здесь трижды.

Сергея Кирова, стала явлением советской повседневности. Конечно, тут не нужно представлять себе какой-нибудь небоскреб, где целая армия стахановцев-ретушеров, вооружившись ножницами и краскораспылителями, трудится от зари до зари, стремясь выполнить норму по заданию «Министерства подделок и фальсификаций». Ретуширование происходило в разных подходящих для этого местах. Указания же шли и шли, исподволь, одно за другим. Достаточно было случайно оброненных слов, уловленных чутким ухом какого-нибудь редактора, или вполне вежливого телефонного звонка «сверху» — дескать, насчет того-то и того-то, каким бы знаменитым он ни был, хорошо бы убрать всякую информацию — и изобразительную, и словесную.

В те времена фальсификация фотографий была, надо полагать, одной из самых приятных задач художественных отделов в издательствах: ведь работа это была куда более тонкая, чем грубые приемы цензоров типа «вырви и сожги». Острым скальпелем вырезались контуры фигур или предметов, соприкасающихся на снимке с подлежащей удалению личностью. Затем фигуры приклеивались на нужное место. Вырезанные контуры тщательно подправлялись краской или чернилами, такая же работа проделывалась с фоном — и вот уже не было видно никаких следов вмешательства. Таким методом из двух или более фотографий создавали еще одну, новую. Или с помощью краскораспылителя (который был не чем иным, как пульверизатором с чернилами) закрашивали лицо и фигуру несчастной жертвы. Если контуры устраняемого предмета или человека смягчить краскораспылителем, следы грубого вмешательства скальпеля или бритвы становятся практически незаметны.

Вместо ретуши очень часто прибегали к простой «ампутации». Обрезка лишних частей фотографии, снижающих ее эстетический эффект, прием довольно распространенный, но в Советском Союзе он выполнял функцию политическую. Однако удаление недругов (нередко, впрочем, и друзей) Сталина было лишь частью задачи. Другая часть — добавление, или накладывание на фотографию фигуры генсека, требовала куда более высокой квалификации. Фотографий Сталина, начиная с 1879 года, официальной даты его рождения, (на самом деле он родился в 1878 г., то есть без лжи не обошлось и тут), до 1922-го, когда он занял пост Генерального секретаря, было очень мало, менее дюжины. И Сталин, решивший утвердить себя в народном сознании знаменосцем коммунистического движения, мобилизовал целую армию художников и скульпторов, которые должны были компенсировать эту вопиющую несправедливость. Импрессионизм, экспрессионизм, абстрактное искусство — ни одно из этих направлений Сталин не считал достойным для воплощения своего образа. Опорой своего культа он избрал реализм — социалистический реализм. Искусство превратилось в промышленную отрасль: одной из главных его задач стало возвеличение Сталина, возведение его в мифологический ранг, изображение его в качестве участника тех исторических событий, рядом с которыми его и близко не было. На службу его культу была поставлена и скульптура. Изваянные из бронзы и мрамора монументы Сталина символизировали его неуязвимость перед наскоками всякой «троцкистско-зиновьевской сволочи». Это было тем более удобно, что настоящий Сталин, человек из плоти и крови, мог оставаться при этом вне поля зрения обычного человека. Статуи Сталина, несокрушимые, незыблемые и вечные, как бы и представляли собой истинного Сталина.

Качество отретушированных фотографий, предназначенных для размножения и публикации — как и качество всего того, что производилось до возникновения компьютерных технологий, — зависело от мастерства человека, выполняющего задачу, а также от времени, отведенного на ее выполнение. Почему же все-таки техника ретуширования в советских книгах и журналах чаще всего была такой примитивной? Может быть, сталинисты хотели наглядно продемонстрировать читателям, как происходит в действительности процесс устранения человека, хотели, чтобы читатели ощущали это как зловещее, грозное предупреждение? Или ретушер, устраняя какого-нибудь очередного комиссара, сознательно оставлял крохотный след — своего рода тайный знак, что задавленная истина в один прекрасный день даст о себе знать, что насилие обернется когда-нибудь против тех, кто его совершает?

Дэвид Кинг, Лондон, 1997 г.

ОЧИСТИМ ПАРТИЮ ОТ КЛАССОВО-ЧУЖДЫХ И ВРАЖДЕБНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ, ПЕРЕРОЖДЕНЦЕВ, ОППОРТУНИСТОВ, ДВУРУШНИКОВ, КАРЬЕРИСТОВ, ШКУРНИКОВ, БЮРОКРАТОВ И МОРАЛЬНО РАЗЛОЖИВШИХСЯ ЛЮДЕЙ.

Руководители Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в последний раз встретились в этом составе в феврале 1897 г., вслед за тем, как провели месяцы в заключении, под следствием. Уже после того, как была сделана эта фотография, царская охранка выслала на три года в Сибирь всех членов группы, созданной Лениным и Мартовым. Мартов умер от туберкулеза в 1923 году, находясь в изгнании в Берлине. Большевики, знавшие его давно, вспоминали о нем, как о «наиболее самоотверженном их противнике». Верхний ряд, слева направо: Александр Мальченко, Петр Запорожец, Анатолий Ванеев. Нижний ряд: Василий Старков, Глеб Кржижановский, Владимир Ульянов (Ленин) и Юлий Мартов.

На этом варианте фотографии, опубликованном в 1939 г., Мартов присутствует, Мальченко же, который на первой фотографии стоял слева, исчез.

В те времена, когда был сделан снимок, Мальченко был студентом технического института; мать его не раз давала приют Ленину. В 1900 г., вернувшись из ссылки, молодой человек отошел от политики. Он перебрался в Москву и после революции служил в различных государственных учреждениях, занимая руководящие инженерные должности. Однако в 1929 г., в разгар травли технической интеллигенции, он был арестован как «вредитель» и 18 ноября 1930 г. казнен. Следующие тридцать лет Мальченко отсутствовал на всех репродукциях этой фотографии. В 1958 году он был реабилитирован и после этого вновь появился на фотодокументах.

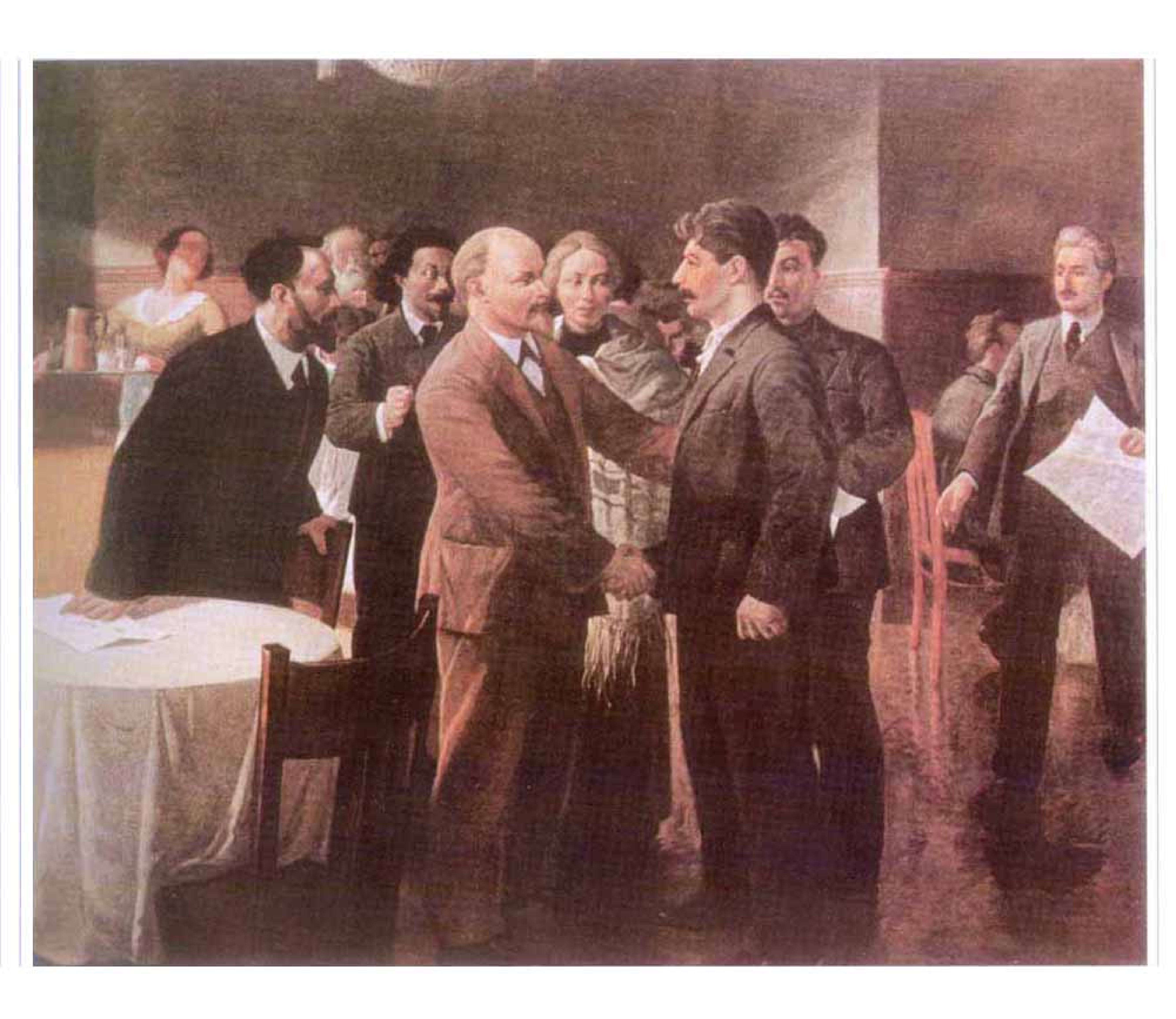
Справа: фотография Мальченко, сделанная ОГПУ в 1930 году, за несколько месяцев до расстрела.

Художественное полотно Ивана Алексеевича Вепхвадзе «Первая встреча Ленина и Сталина на конференции РСДРП в Таммерфорсе, Финляндия, в декабре 1905 года», созданное в 1930 г., было провозглашено шедевром современной живописи. На картине запечатлены и другие персонажи, которым довелось стать свидетелями этого «исторического события»: Красин, Ярославский, Крупская и Цюрупа (справа, в некотором отдалении). Тут же стоит горничная, принесшая завтрак. Она настолько потрясена судьбоносным смыслом происходящего, что находится в полуобморочном состоянии и, кажется, вот-вот уронит поднос. Слева, за отдельным столиком, сидит неизвестный господин интеллигентного вида, который тоже заинтересованно поднял взгляд от своей газеты.

Репродукция картины часто публиковалась в книгах, альбомах, периодических изданиях, однако посторонний наблюдатель, сидевший за соседним столиком, во многих случаях напрочь отсутствует (см. репродукцию *на стр. 23*). Причину подобной предосторожности едва ли удастся сформулировать рационально. Вепхвадзе был также ревностным проводником культа Берии в Грузии. В конце 1953 года, узнав о бесславном конце всесильного временщика, бывший придворный художник в приступе паники, не жалея сил, уничтожил в своей студии многочисленные портреты, на которых был запечатлен грозный шеф тайной полиции.

ПРИЗРАЧНАЯ КОЛОННА

Справа, на стр. 25: за шахматной доской, апрель 1908 г., остров Капри, Италия. Ленин провел там неделю у писателя Максима Горького (стоит, подперев рукой подбородок). Горький жил на острове в эмиграции в 1906–1913 гг.

Верхний ряд на фотографии, слева направо: Владимир Базаров, Горький, Зиновий Пешков, Наталья Богданова. Сидят: Иван Ладыжников, Ленин и Александр Богданов.

Из тех, кто фигурирует на снимке, многие позже оказались среди оппонентов Ленина, а затем и Сталина. Горький основал газету «Новая жизнь» левого направления. Он выступил против вооруженного переворота 1917 года, собрав вокруг себя небольшевистскую группу левого толка.

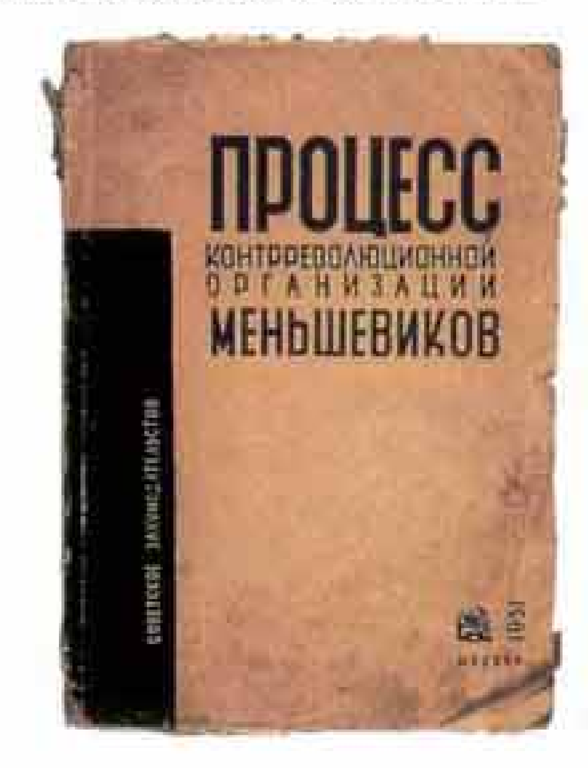
Человек мягкий и уступчивый, Базаров в 1931 году был привлечен к суду по делу о мнимом заговоре меньшевиков. Просидев 18 месяцев в тюрьме, он получил затем изменение приговора и был выслан на поселение в Саратов. В 1935 году ему разрешили вернуться в Москву. Его случай прекрасно иллюстрирует абсурдность и непоследовательность сталинского «правосудия». На самом деле Базаров был «еретиком от марксизма», он никогда не отказывался от возможности критиковать Ленина и ленинизм. Его эрудиция и ум далеко превосходили интеллектуальный уровень почти всех большевиков. Тем не менее он не подвергся репрессиям даже в 1937–1938 годах; умер он от легочной инфекции, в сентябре 1939 г.

Зиновий Пешков (за спинами Горького и Богдановой) — брат Якова Свердлова, возглавившего созданную после Октябрьской революции 1917 г. исполнительную власть большевиков, — крещеный еврей. Горького он чтил как отца настолько, что даже взял его фамилию (настоящее имя Горького — Алексей Максимович Пешков). Позже Зиновий Пешков эмигрировал во Францию, в офицерском ранге участвовал в Первой мировой войне, под Верденом потерял руку. Некоторое время служил во французском иностранном легионе, в 30-х годах был военным советником в Китае, у Чан Кайши. Дружил с генералом де Голлем, после 1945 г. работал во Втором бюро (французская тайная полиция). Скончался в 1966 г. во Франции, в возрасте 82 лет, генералом в отставке.

За шахматной доской, справа — Александр Богданов, давний оппонент Ленина. В 1909 г. — спустя год после того, как был сделан этот снимок — организовал на Капри партийную школу, в которой проводил идею о социализме как своего рода религии — «религии рабочего класса». У Ленина это вызывало «протест, смешанный с возмущением» По его инициативе Богданов был исключен из большевистской партии. После 1917 г. Богданов стал теоретиком Пролеткульта; его догматические представления о пролетарской культуре в ту эпоху пользовались большой популярностью. В 1923 г. некоторое время находился под арестом, поскольку поддерживал отношения с оппозиционно настроенными рабочими-коммунистами. Он организовал первый в Советском Союзе институт переливания крови; в 1928 году, проведя на самом себе неудачный эксперимент, скончался. За ним стоит его жена, Наталья.

Горький вспоминал, что Ленин, проиграв партию, «был зол и подавлен».

Слева: обложка сборника протоколов *Процесса контрреволюционной организации меньшевиков* (Москва, 1931).

Вверху: в 1939 году в Москве издали массивный альбом под названием «Ленин». В нем появилась и фотография, которую мы видели на предыдущей странице, но Владимира Базарова на ней уже не было. Та же судьба ждала Зиновия Пешкова, который на первом снимке стоял за Горьким и Натальей Богдановой. *Справа:* На этом варианте снимка, опубликованном в 1960 г. московским Институтом марксизма-ленинизма, Зиновий Пешков присутствует снова. Базарова нет по-прежнему; вместо него возникла странная призрачная колонна. И совершенно непонятно, откуда и почему в трех различных вариантах фотографии появилось, потом исчезло, потом вновь появилось (на переднем плане, в правом нижнем углу) женское колено в юбке.

РАСКОЛ БОЛЬШЕВИКОВ И МЕНЬШЕВИКОВ — В ОЧЕРЕДНОЙ РАЗ И НАВСЕГДА

В октябре 1908 года Лев Троцкий предложил маленькой группе украинских социалистов, живших в Вене, издавать вместе с ним газету «Правда». Несмотря на недостаток средств, газета стала весьма популярной в России, куда ее привозили по нелегальным каналам. На ее страницах широко освещалась, в частности, борьба между большевиками и меньшевиками; однако в 1912 г., на Пражской конференции, Ленин объявил о фактическом приходе к власти в РСДРП большевистской фракции. Вскоре большевики начинают издавать в Петербурге собственную ежедневную газету, дав ей такое же название — «Правда». Сотрудник ее был мало кому известный большевик Иосиф Джугашвили (Сталин). Троцкий, в бешенстве от такого коварства, вскоре вынужден был ликвидировать собственную «Правду». А перед большевистской газетой открылись широкие перспективы.

Вверху: Троцкий в последний раз читает в Вене свою газету. Фотография была опубликована в «Альбоме по истории ВКП(б)», изданном Музеем революции СССР в Москве в 1928 г.

Вверху справа: экземпляр того же альбома, бывший владелец которого замазал чернилами лицо Троцкого до неузнаваемости.

СИБИРСКОЕ ЛЕТО

Летом 1915 г., за два года до начала революции, Сталин принял участие в конференции ссыльных большевиков, созванной в селе Монастырское (Сибирь, Туруханский край). Конференцию созвали для обсуждения судебного процесса над пятью членами IV Государственной думы, которых арестовали и сослали зимой 1914–1915 гг. за то, что они голосовали против участия России в Первой мировой войне. В заднем ряду стоят: Сурен Спандарян (второй слева), Сталин (в черной шляпе с широкими полями), Лев Каменев (с усами), Григорий Петровский (в шляпе, с бородкой), Яков Свердлов (с бородкой, в белой рубахе), Филипп Голощекин (в кожаной куртке). Сидят, слева направо: Федор Самойлов, Вера Швейцер (жена Спандаряна), Алексей Бадаев и Николай Шагов.

Грубость и вспыльчивость Сталина мало способствовали успешному ходу конференции; если бы не решительная позиция армянского марксиста из Баку Спандаряна (спустя год он умер от тяжелой болезни), совещание было бы сорвано. Вдова Спандаряна в 1937 году написала воспоминания об этом периоде; ей пришлось преувеличить роль Сталина и его деятельности в период ссылки — о роли же своего бывшего мужа она едва упомянула.

С 1913 года Сталин отбывал ссылку в глухом углу Туруханского края; бежать оттуда он даже не пытался. Товарищей по ссылке поражали его коварство и жестокость.

Вверху: один из вариантов предыдущей фотографии, обнаруженный в московском Центральном Государственном Архиве. Здесь уже не фигурирует Каменев, который вместе со своим другом, Григорием Зиновьевым, был одним из самых близких соратников Ленина, однако в октябре 1917 года охарактеризовал подготавливаемый большевиками переворот как «акт отчаяния». Несмотря на это, он стал первым большевиком — руководителем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. После смерти Ленина, начиная с конца 20-х годов, Каменева несколько раз исключали из партии, какое-то время он находился в ссылке в Сибири. В 1935 году, после убийства Кирова, его приговорили к пяти годам тюремного заключения.

В августе 1936 года, во время второго московского процесса, его дело пересмотрели, Каменева приговорили к расстрелу и вскоре казнили. Его первую жену, младшую сестру Троцкого, Ольгу Давыдовну, и двух старших сыновей также уничтожили в ходе «чисток».
На стр. 33, вверху: этот, второй вариант той же фотографии был опубликован в массивном альбоме «Сталин», изданном в 1939 году, к шестидесятилетию диктатора. На сей раз с фотографии исчезли еще пять человек, в результате чего стали видны новые детали: кусты, изгородь, изба на заднем плане.

Сильно отретушированный, с мягкими контурами вариант той же фотографии (*на стр. 33, внизу слева*), где фигурирует уже один лишь Сталин, появился еще в одном альбоме под названием «Сталин», вышедшем тоже в 1939 году.
На стр. 33, внизу справа: та же, но не тронутая ретушью, фотография, которая семьдесят пять лет хранится в Центральном Государственном Архиве и ни разу нигде не публиковалась.

МАСКИРОВКА ПО-ЛЕНИНСКИ

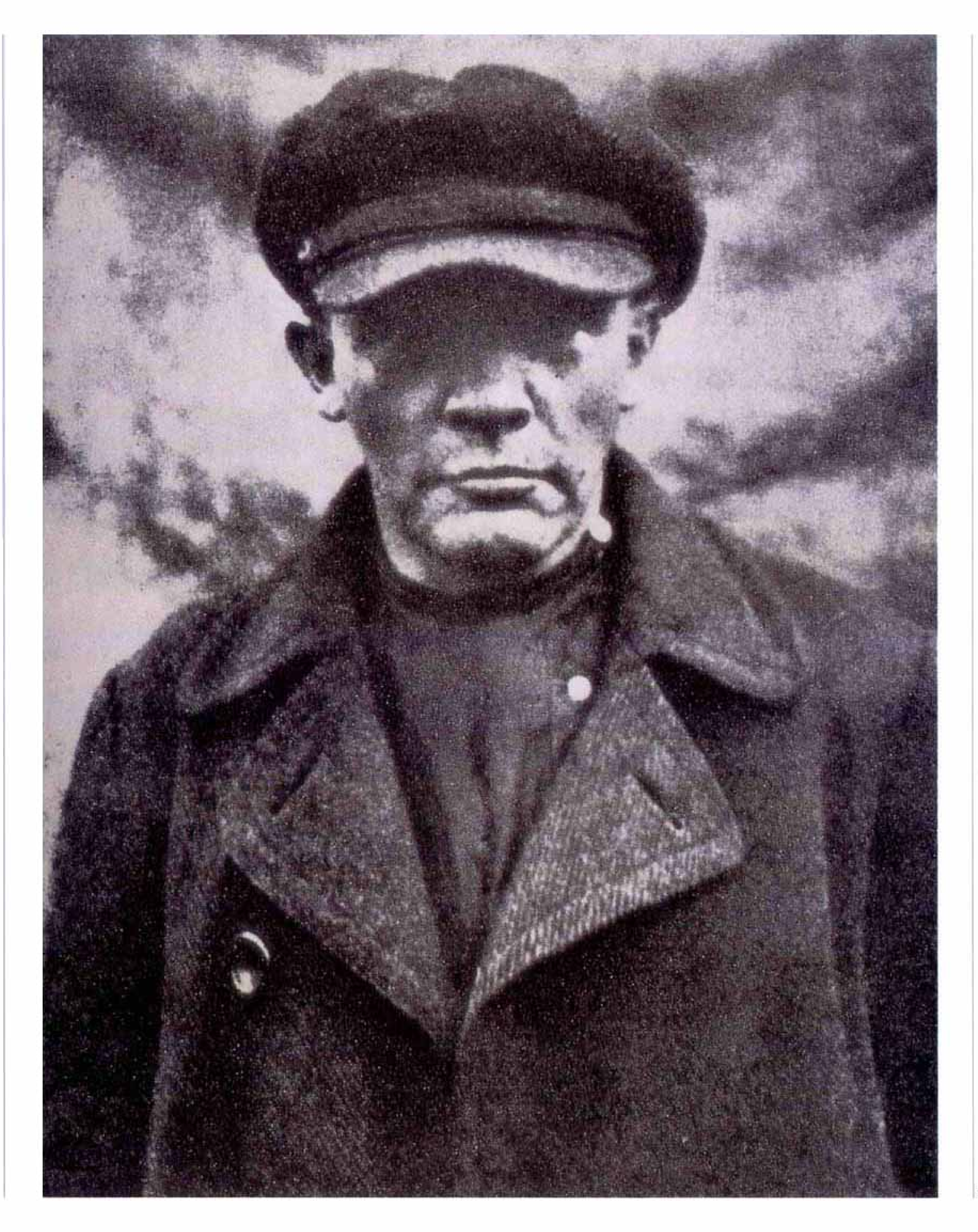
Вверху: солдаты, вышедшие на демонстрацию в первые дни Февральской революции 1917 г., Петроград, Литейный проспект. В 1917 году такие открытки появлялись тысячами. На заднем плане видна вывеска ювелирного магазина «Часы. Золото и серебро». Что написано на флаге, прочесть невозможно.
Внизу: появившийся в том же году вариант той же фотографии; но на вывеске ювелирного магазина уже другая надпись: «В борьбе обретешь ты право свое». Черный флаг стал белым, и на нем — четкая надпись: «Долой монархию! Да здравствует республика!»

Этот известный снимок (*внизу*), на котором Ленин изображен без бороды, в парике и в одежде рабочего, был сделан на станции Разлив, на берегу Финского залива 29 июля 1917 г., когда Ленину, скрывавшемуся от тайной полиции Керенского, нужно было выправить паспорт для бегства в Финляндию. Вместе с Зиновьевым Ленин прятался недалеко от станции, в шалаше, принадлежавшем рабочему по имени Николай Емельянов. В это время он начал писать работу «Государство и революция», где разрабатывал стратегию разрушения всех буржуазных учреждений. В 1927 году шалаш — чтобы

сохранить его для вечности — накрыли мраморным павильоном. А тот факт, что рабочий оказал Ленину помощь в революционный период, вовсе не означал гарантию спокойной жизни: в 1935 году вся семья Емельяновых была арестована, двух старших сыновей расстреляли, сам же Николай Емельянов много лет провел в лагерях.

Справа, на стр. 35: еще одна фотография того же периода. Ленин здесь представлен не в столь выгодном виде. Опубликована лишь однажды, в издании «В. И. Ленин в фотоискусстве».

СЕРЫЙ ДЫМ

Николай Суханов, известный летописец русской революции, исключительно красочно описал торжественный прием, который 16 апреля 1917 года оказали большевики вернувшемуся в Россию Ленину. «Заря всемирной социалистической революции занялась!» — якобы воскликнул Владимир Ильич, и оркестр на Финляндском вокзале Петрограда заиграл «Марсельезу».

Двадцатью годами позже Михаил Соколов, основываясь на ярком рассказе очевидца Суханова, запечатлел знаменательное событие на полотне (*справа*). Одна деталь тут сильно «хромает»: это — фигура Сталина в тамбуре, за спиной Ленина, приветственно поднявшего руку с кепкой. Сталин действительно отправился вместе с группой своих товарищей большевиков на маленькую пограничную станцию, чтобы встретить Ленина; однако в Петрограде его приветствовал уже не он. Эта почетная задача была доверена президиуму столичного Совета, членом которого Сталин не был.

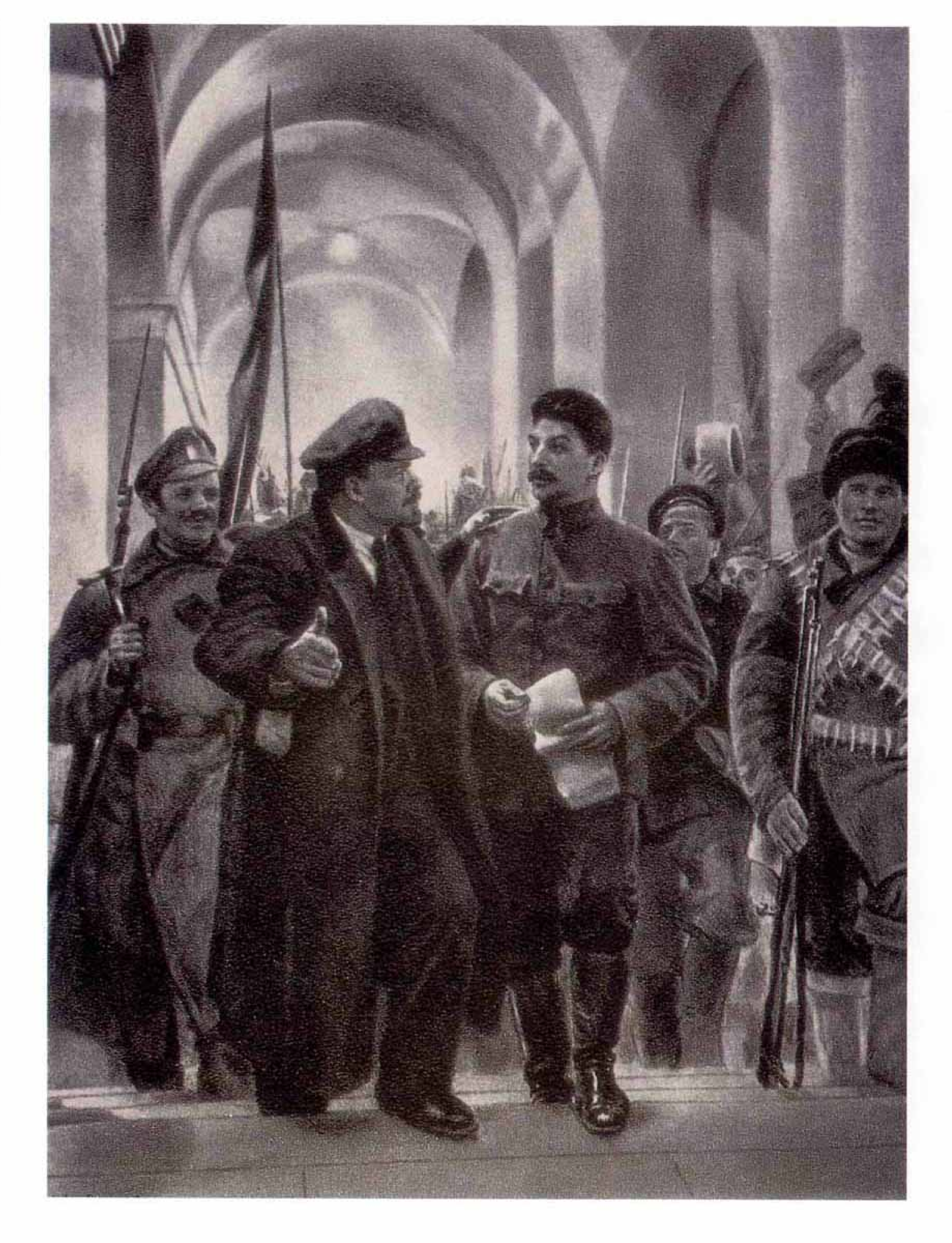
Суханов так характеризует деятельность Сталина в 1917 году: «серый дым, который временами светлеет, но не оставляет следа». Эти строки появились в 1923 году в журнале «Красная новь». Цензура тут же изъяла номер из обращения. Годы спустя, когда Сталин достиг вершин власти, он ощутил необходимость дополнить эту, смущающую его сторону своего образа. И мобилизовал целую армию пропагандистов, художников и писателей, чтобы те создали убедительные доказательства того, что именно он — Сталин — являлся главным организатором революции, ближайшим соратником и единственным достойным наследником Ленина, великим оратором и непобедимым полководцем Гражданской войны. Суханов в 1931 г. был арестован ОГПУ, потом отпущен, потом, в 1939 году, снова арестован. Умер Суханов в 1940 г. в лагерях.

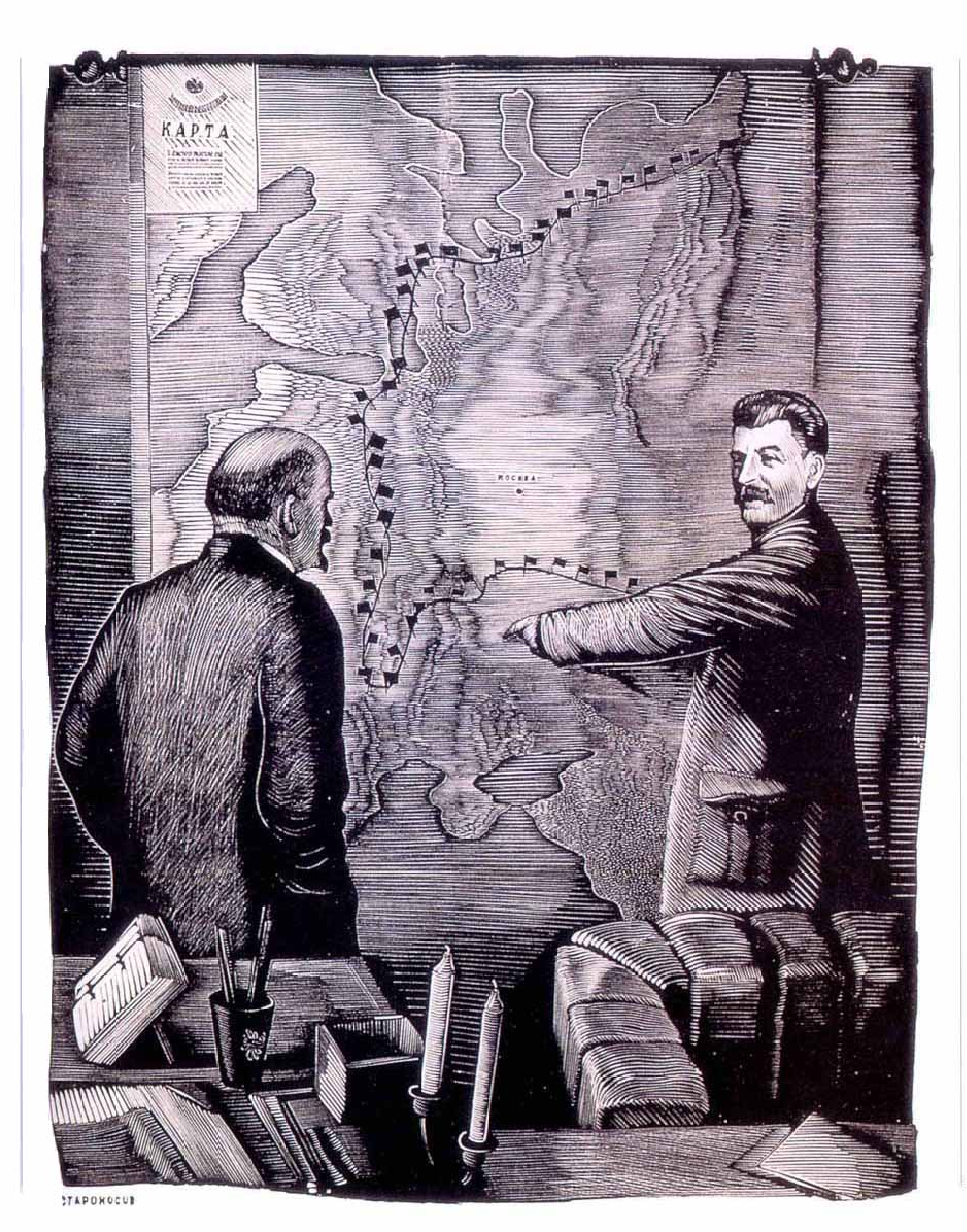
Внизу: редакторы популярного журнала «Огонек» не посчитали революцию достаточно важным событием, чтобы отразить ее на обложке; хотя внутри был дан подробный отчет о происшедшем. Блюстители пуританской морали после революции приняли меры, чтобы эту обложку больше никто не увидел. Эта копия была найдена в Лондоне.

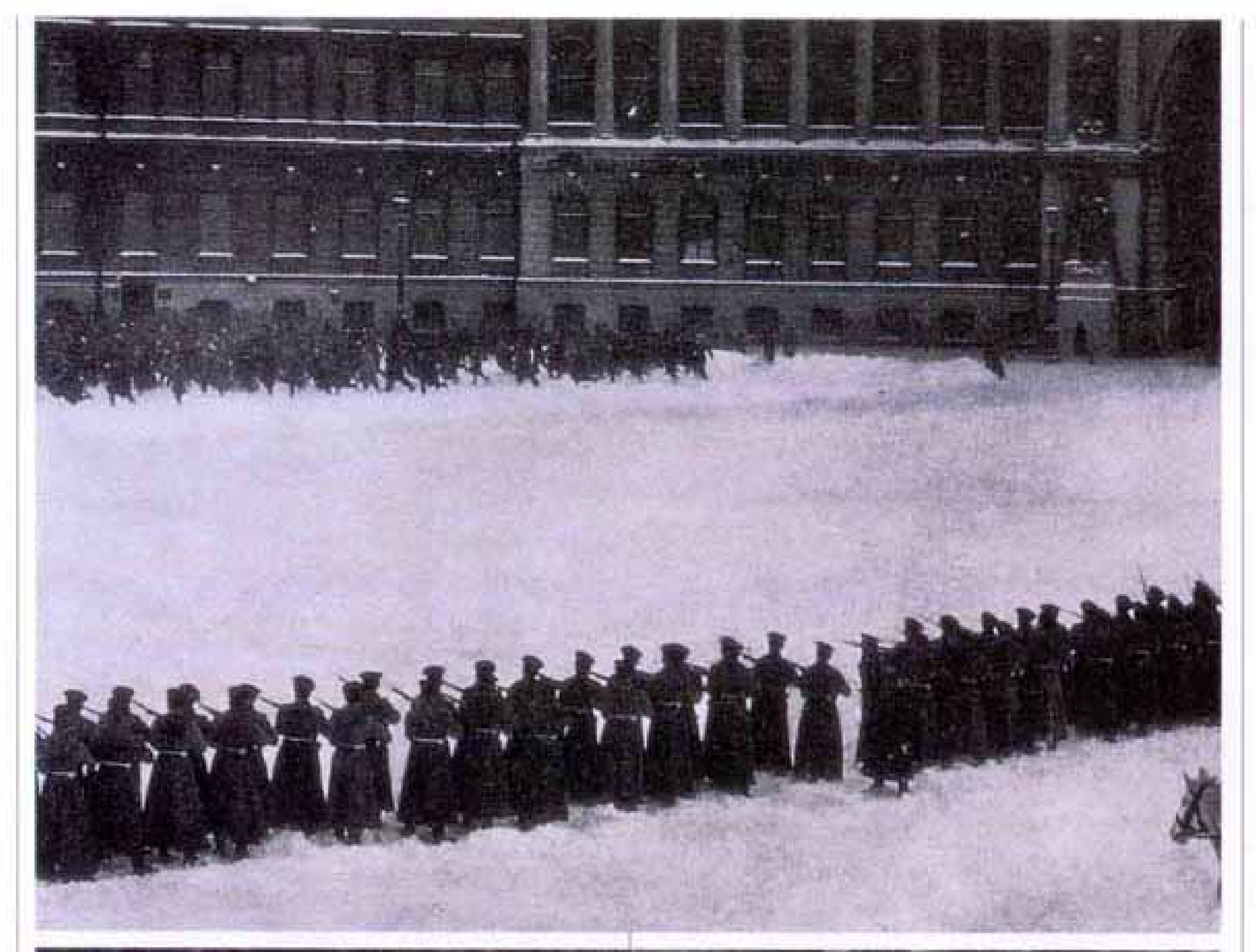
На стр. 38: рисунок углем, выполненный Евгением Кибриком, — красноречивое свидетельство того, что и он внес свой вклад в дело сталинской фальсификации произведений искусства. Картина «Ночью 24 октября Ленин приезжает в Смольный» была написана в 1947 году. Петроградский Смольный институт благородных девиц во время Октябрьской революции был большевистским штабом, именно отсюда председатель Революционного Комитета Троцкий руководил восстанием. Сталина в ночь восстания в Смольном не было вообще.

На стр. 39: гравюра, созданная в 1936 г., принадлежит Петру Староносову, который получил известность как посредственный иллюстратор волшебных сказок. Сталин, стоя перед огромной картой, с видом превосходства объясняет что-то Ленину; по-видимому, речь идет о продвижении белогвардейских армий. Ленин — что ему еще остается? — смущенно молчит.

КАРТА
МОСКВА
СТАРОНОСОВ

ЗАДАЧИ ПРОПАГАНДЫ

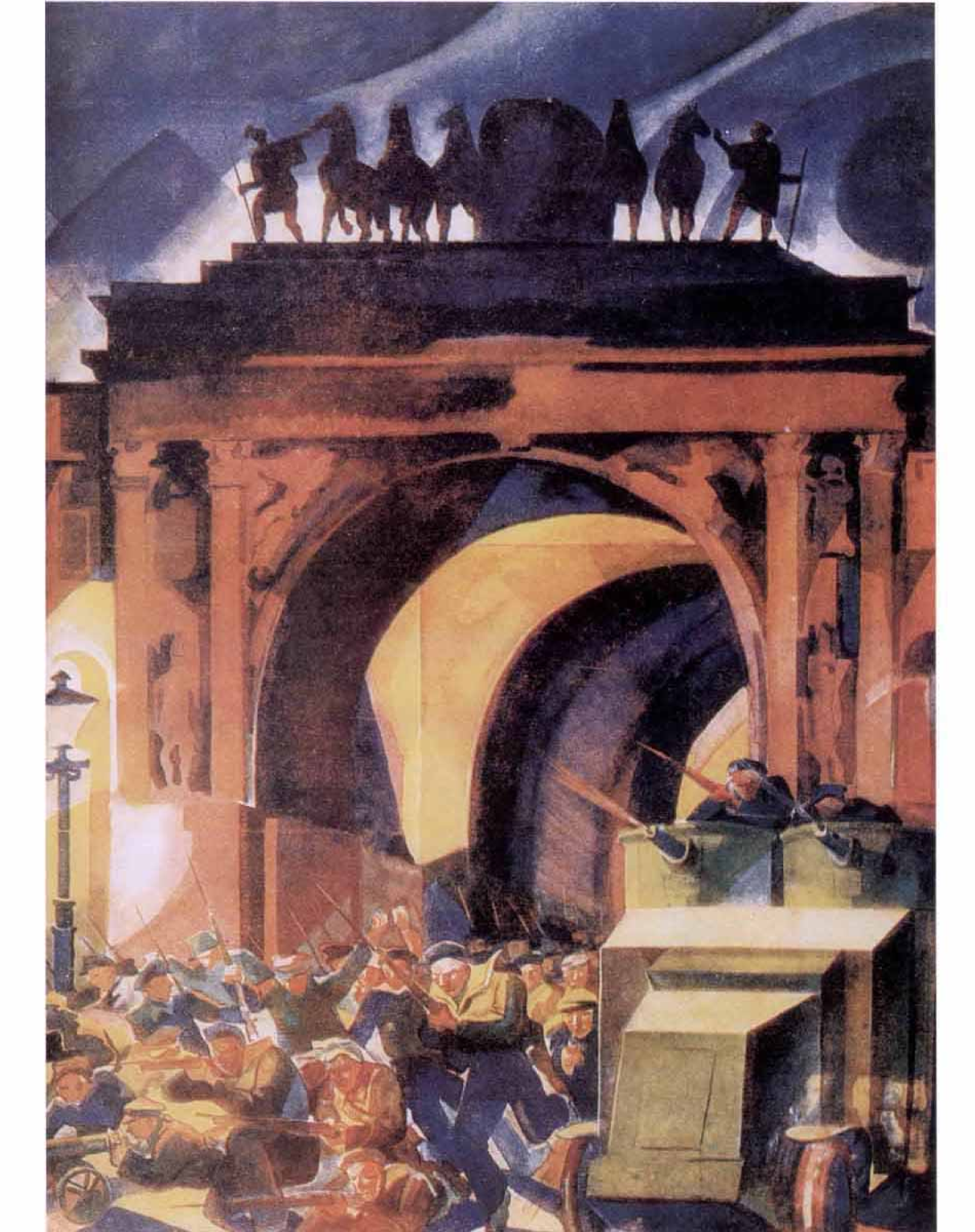
Ленин ясно видел огромные пропагандистские возможности киноискусства, что и не удивительно: произведения советского кино с самого начала пользовались признанием во всем мире. Но события революций 1905 и 1917 годов кино практически не зафиксировало. Кинопленка представляла собой в те времена большой дефицит, обращаться с неуклюжими кинокамерами было очень трудно, к тому же медленная скорость съемки невероятно усложняла фиксирование драматических ночных событий.

Эти знаменитые фотографии (*слева*), ставшие не только в Советском Союзе, но и на Западе культовыми документами революции, — подделка. Верхний снимок, отражает события 9 января 1905 г., когда поп Гапон повел многотысячную мирную демонстрацию по улицам Санкт-Петербурга к Зимнему дворцу, дабы подать царю Николаю II петицию с просьбой о конституции. Толпу встретил град пуль, несколько сотен людей были убиты и ранены. «Кровавое воскресенье» стало увертюрой к восстанию против самодержавия. Однако в действительности эти исторические мгновения не были запечатлены кинокамерой: то, что мы видим здесь, всего лишь кадр из киноленты Вячеслава Вышковского «9 января», снятой в 1925 году.

Драматическая фотография внизу вошла в историю как документ, запечатлевший штурм Зимнего дворца в октябре 1917 года. Однако «штурм» не снимался ни на фото-, ни на кинопленку: ведь он происходил ночью. В действительности фотография эта увековечила один из тех театральных спектаклей под открытым небом, которые по поручению большевиков ежегодно устраивали известные художники Юрий Анненков и Натан Альтман.

Сталин, который с середины 20-х годов уделял серьезное внимание кино, часто любил ставить кинорежиссеров в неприятные ситуации. Шедевр Сергея Эйзенштейна «Октябрь» призван был украсить торжества, устроенные по случаю десятилетия революции. Сталин посмотрел фильм еще до премьеры и приказал вырезать все, что относилось к Троцкому. Куски, вырезанные из ленты «Октябрь», позже служили богатым сырьем для «документальных» съемок.

Справа, на стр. 41: картина Рудольфа Френца «Октябрьская ночь», прославляющая революцию 1917 года. Это полотно, созданное до 1932 года, куда выразительнее, чем появившиеся позже произведения социалистического реализма.

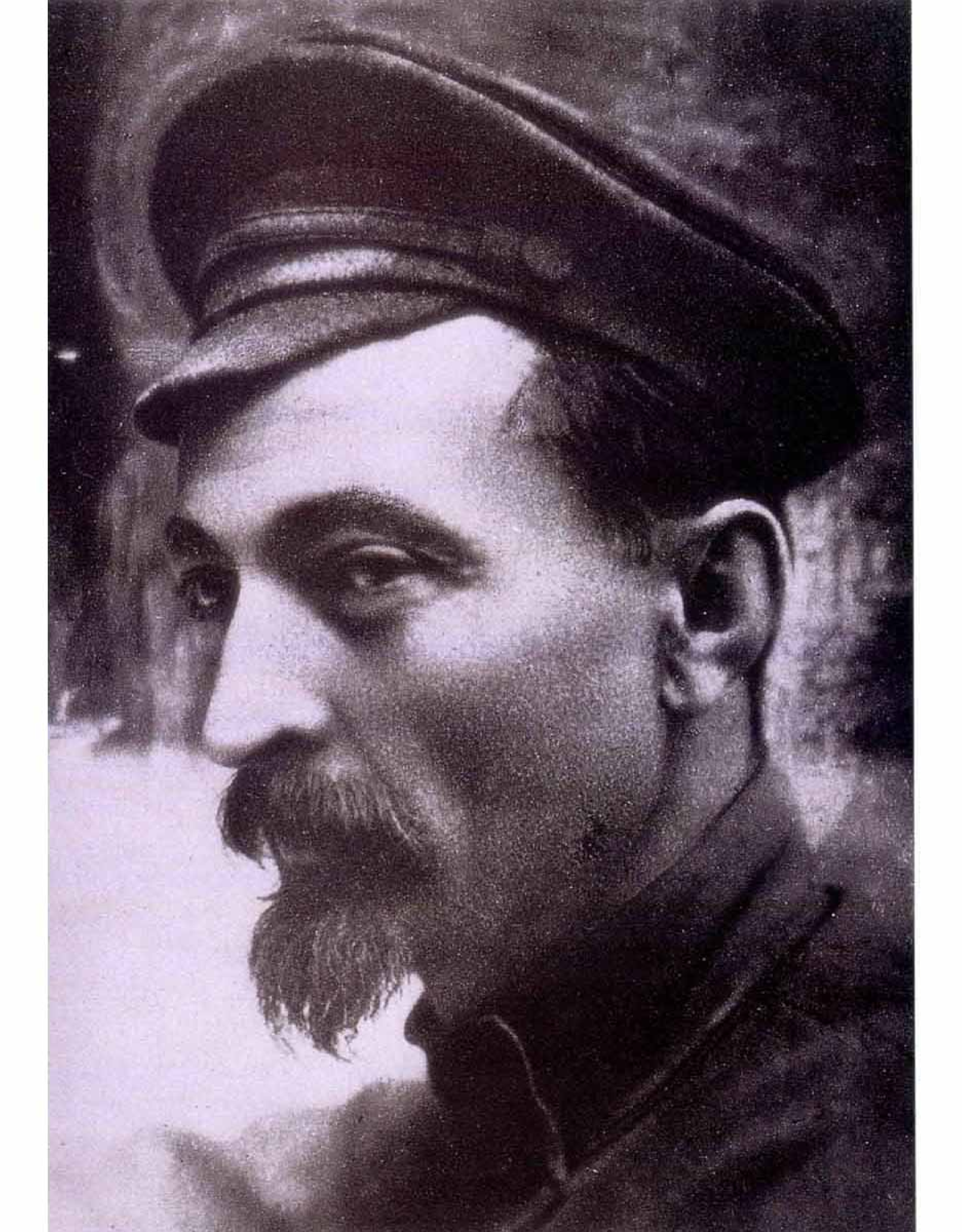

ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ КОМИССИЯ

Картина Н. Толкунова «Совет Народных Комиссаров 7 декабря 1917 года вручает Дзержинскому постановление об организации ЧК» — классический пример социалистического реализма 50-х годов. Главный мотив картины — утверждение идеи иерархического руководства; однако перенятый из XIX века стиль не оставляет пространства для творческого раскрытия содержания. Трудно сказать, действительно ли Сталин, чья напыщенная фигура находится в центре композиции, присутствовал в судьбоносный момент рождения ленинской политической полиции. Контингент ЧК (Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем) Дзержинский набирал главным образом не из русских, прежде всего — из латышей, известных своей дисциплинированностью, равно как и тем, что они были не слишком разборчивы в средствах. Слева сидит Свердлов, глава большевистского государства, в марте 1919 г. умерший от воспаления легких. Годы спустя работники НКВД вскрыли в Кремле его личный сейф; по какой-то загадочной причине там обнаружилось большое количество золота, серебра, бриллиантов, а также фальшивые паспорта — на случай, если большевикам снова придется уходить в подполье. Сын Свердлова, Андрей, позже стал сотрудником НКВД, а затем адъютантом Л. Берии; в 30-х гг. он прославился как один из самых жестоких следователей. Однако во время антисемитской кампании, развернувшейся после войны, он тоже угодил в тюрьму.

Справа, на стр. 43: фотографический портрет Феликса Эдмундовича Дзержинского, изготовленный в 1919 г. Моисеем Наппельбаумом и впоследствии отретушированный.

ВСѢМ СОВѢТАМ
РАБОЧИХ, КРЕСТ., КРАСНОАРМ. ДЕПУТ.
ВСѢМ АРМІЯМ, ВСѢМ, ВСѢМ, ВСѢМ.

Нѣсколько часов тому назад совершено злодѣйское покушеніе на тов. ЛЕНИНА. Роль тов. Ленина, его значеніе для рабочаго движенія Россіи, рабочаго движенія всего міра извѣстны самым широким кругам рабочих всѣх стран.

Спокойствіе и организація! Всѣ должны стойко оставаться на своих постах! Теснѣе ряды!

Предсѣдатель В. Ц. И. К. Я. Свердлов.

СУРОВОЕ ВОЗМЕЗДИЕ

Справа: Ленин покидает 1-й Всероссийский съезд работников просвещения, состоявшийся 28 августа 1918 г. в Москве (фотография неотретушированная). Двумя днями позже, когда он выходил с рабочего митинга на одном из московских заводов, на него было совершено покушение: он получил тяжелые ранения в шею и в плечо. Это — последняя фотография Ленина перед покушением.

На месте преступления была схвачена эсерка Фаня Каплан (*фото вверху слева*), которая якобы призналась в содеянном, объяснив свой поступок таким образом: «Я стреляла в Ленина, ибо убеждена, что он — предатель... который на десятилетия отбросил назад дело социализма».

Официальное сообщение о покушении, оформленное в виде листовки (*слева, в середине*), было составлено Яковом Свердловым. Текст, написанный, судя по дате, 30 августа 1918 года, в 10 час. 40 мин. вечера, обвинял в покушении «правых эсеров, наймитов англичан и французов», — хотя допрос подозреваемых только начался. Сообщение продолжалось так: «На покушения, направленные против его вождей, рабочий класс ответит еще большим сплочением своих сил, ответит беспощадным массовым террором против всех врагов революции».

За несколько часов до этого покушения, едва не стоившего Ленину жизни, был убит руководитель петроградской ЧК Моисей Урицкий. Хотя между двумя этими инцидентами так и не удалось установить никакой связи, большевики объявили о начале красного террора. Были арестованы и расстреляны несколько сотен подозрительных лиц. Один из руководителей ЧК, Яков Петерс, руководивший допросами Фани Каплан, заявил: «Тому, кто столкнется с красным террором, будет не до шуток!» Сам он впоследствии тоже окончил жизнь в застенках НКВД.

По делу Каплан было принято решение: расстрелять без суда. Осуществил казнь комендант Кремля Павел Мальков (*слева внизу*). Много лет спустя он рассказывал: «Расстрел человека, особенно женщины — дело нелегкое. Это тяжелая, очень тяжелая обязанность...» Мальков получил приказ расстрелять женщину во дворе Кремля у гаража; работающие двигатели должны были заглушить выстрелы. Террористка должна была исчезнуть бесследно. Приказ был выполнен 4 сентября 1918 г.

В дальнейшем виновность Каплан подвергалась довольно обоснованным сомнениям: у нее было настолько слабое зрение, что едва ли она способна была осуществить покушение.

МОЖЕТ, ЭТО САМОЛЕТ?

Впервые после покушения Ленин официально появился перед общественностью 7 ноября 1918 г., на площади Революции в Москве, где открывали памятник Марксу и Энгельсу. Фотография, сделанная по этому случаю (*справа*), в своем первоначальном виде была опубликована лишь в 1970 году.

Один из отретушированных вариантов (*вверху*) был опубликован в 30-е годы, в сопровождении подписи, которая только сбивала с толку: «В. И. Ленин, Я. М. Свердлов и В. А. Аванесов наблюдают за полетом самолета на демонстрации 7 ноября 1918 года». Именно Варлам Аванесов, высокопоставленный сотрудник ЧК, двумя месяцами раньше дал приказ расстрелять Фаню Каплан.

Второй, отретушированный вариант (*вверху*) вошел в коллекцию фотографий о жизни Владимира Ильича, изданную в 1939 г. Центральным Музеем В. И. Ленина. Умершего в 1930 г. Аванесова убрали, оставив лишь Ленина со Свердловым.

ПРАВАЯ РУКА ЛЕНИНА

Григорий Зиновьев (*слева, на стр. 48, со шляпой в руке*) сидит рядом с Яковом Свердловым (на нем полосатый галстук) на V Всероссийском съезде советов, состоявшемся в июле 1918 г. в Москве. Фотография, на которой лицо Зиновьева, объявленного врагом народа, грубо исчеркано, недавно обнаружена в одном из советских архивов.

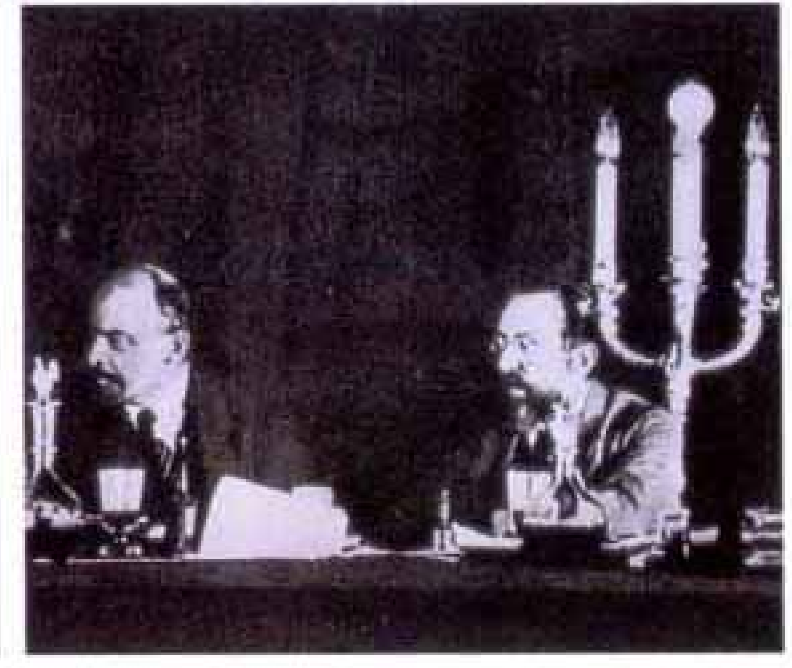
До революции меньшевики называли Зиновьева «цепным псом Ленина». Однако именно он, вместе с Каменевым, протестовал против плана поднять в октябре 1917 г. вооруженное восстание. Ленин так отзывался об их акции: «... можно ли себе представить поступок более изменнический, более штрейкбрехерский?» После убийства Урицкого и едва не удавшегося покушения на жизнь Ленина, Зиновьев, председатель Петроградского совета депутатов, испугавшись за судьбу революции, провозгласил в Петрограде красный террор. В 1925 году он, вместе с Львом Каменевым, возглавил «ленинградскую оппозицию», которая сплачивала силы против Сталина.

В 1927 г. Зиновьева исключили из партии, дважды отправляли в ссылку. В 1936 г., как главного обвиняемого прошедшего в Москве показательного процесса, расстреляли.

Женщина в белой шляпе — Роза Берзина, жена Яна Антоновича Берзина. Видный латышский коммунист в 20-е годы был советским послом в разных странах Европы; в 1938 г. расстрелян на Лубянке. Судьба Розы Берзиной неизвестна.

КЛЕВЕТНИЧЕСКАЯ КАМПАНИЯ

Григорий Зиновьев был не только политическим руководителем Петрограда и всего Северо-запада России: с 1919 по 1926 г. он возглавлял работу Коминтерна. Фотография, которую вы видите вверху, сделана в 1920 г. в московском Кремле: Зиновьев и Ленин углубились в беседу. Справа от них — Джачинто Серрати и Анжелика Балабанова. Серрати, лидер итальянских социалистов, симпатизируя коммунистам, в то же время критиковал их за то, что они провоцируют раскол в его партии. Против него была развязана грубая клеветническая кампания, его исключили из Коминтерна; Балабанова выступила в защиту Серрати. Позже Зиновьев так объяснял ей, почему они нападали на Серрати: «Мы выступали против него, компрометировали его именно из-за его заслуг. Только такими способами можно было оторвать от него массы». В 1921 году Балабанова эмигрировала из СССР.

Слева: приводимую выше фотографию опубликовали в Москве спустя пятьдесят лет. Зиновьева и Балабановой на ней уже нет; остались Ленин, Серрати да подсвечник.

КАНОНИЗАЦИЯ ЛЕНИНА

Справа: Совет Народных Комиссаров (Совнарком). Фотография запечатлела возвращение Ленина к работе через два месяца после покушения. Тот факт, что он чудом выжил после попытки убийства, окружил его своеобразным мифическим ореолом. Вождь стал, можно сказать, святым в глазах большевиков. Фотографию сделал в Кремле 17 октября 1918 г. Петр Оцуп, один из лучших фоторепортеров революционной эпохи. Почти все присутствующие здесь соратники Ленина (среди них Лев Троцкий — в правом дальнем углу, на очках у него блики света) позже были уничтожены Сталиным. *Вверху:* когда в 1970 г. фотографию опубликовали в альбоме, посвященном Ленину, рядом с ним осталось лишь три наркома из тридцати трех, фигурирующих на фотографии. Остальные, вплоть до наступления эпохи Горбачева, были преданы забвению.

Двое из них поддаются идентификации. Мужчина с бородой — Лев Карахан, большевик, дипломат; расстрелян в период «чисток» 1937 года. Петр Стучка (слева сзади) был в правительстве Ленина наркомом юстиции. Умер в 1932 г., был похоронен в кремлевской стене. Но мести Сталина ему все равно не удалось избежать: в 1937 году его прах убрали из стены, посмертно обвинив в подрыве советской правовой системы. В июне 1918 года именно Стучка узаконил в молодом советском государстве смертную казнь.

„Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ“.

СТАРЫЕ БОЛЬШЕВИКИ

Делегаты VIII съезда РКП(б), состоявшегося в Москве в марте 1919 года. Ленин выступил на съезде с речью, в которой заявил, что сосуществование советского государства рядом с империалистическими государствами — вещь немыслимая: «В конце концов либо мы их, либо они — нас».

Фотография, которую вы видите здесь, в таком виде не публиковалась в Советском Союзе на протяжении семидесяти лет. Из двадцати поддающихся идентификации делегатов одиннадцать по указанию Сталина были расстреляны, еще трое (Михаил Томский, Адольф Иоффе и Михаил Лашевич) покончили с собой, в знак протеста против его политики. На снимке (первый ряд слева направо): Иван Смилга, Василий Шмидт, Сергей Зорин. Средний ряд, слева направо: Григорий Евдокимов, Сталин, Ленин, Михаил Калинин, Петр Смородин. Верхний ряд: Павел Мальков, Эйно Рахья, Сеид Галиев, Петр Залуцкий, Яков Дробнис, Томский, Моисей Харитонов, Иоффе, Давид Рязанов, Алексей Бадаев, Леонид Серебряков и Лашевич. После смерти Свердлова председателем Центрального Исполнительного Комитета стал Калинин.

Справа, вверху: на самом известном отретушированном варианте фотографии фигурируют лишь Сталин, Ленин и Калинин — словно члены некоего триумвирата. Потом был убран и Калинин, так что фотография создает иллюзию, будто Сталина связывали с Лениным какие-то особо тесные отношения (*в центре*). Когда же фотография вновь появилась в толстом альбоме 1938 года «Первая Конная» (под редакцией Родченко), не осталось следа и от Ленина (*внизу*).

ПРОПАВШИЕ КОМИССАРЫ

Справа: руководители русской революции Ленин и Троцкий (в центре, на ступеньках) на праздновании второй годовщины Великого Октября, на Красной площади в Москве (фото Л. И. Леонидова). Отретушированный вариант (*вверху* и увеличенный фрагмент *ниже*) опубликован в 1967 г., в книге «В. И. Ленин в фотоискусстве». Троцкого на снимке уже нет. Нет и Каменева, который (в кожаной кепке и в очках) стоял слева от Ленина.

Ничего не осталось и от мужчины с черной бородой, который на исходной фотографии стоял немного ниже Троцкого: это — Арташес Халатов; в 1917 году он примкнул к большевикам, потом руководил советским книгоиздательством. В 1930-е годы, вместе с тысячами других высокопоставленных советских чиновников, был перемолот мясорубкой сталинских «чисток».

Мужчина, который, сунув руки в карманы, стоит перед Халатовым, — Максим Литвинов; он присоединился к революционному движению в 1889 г., стал одним из главных организаторов большевистской партии. Во время революции 1905 г. тайно привозил в Россию оружие. Издавал первую легальную газету большевиков. Незадолго до того, как была сделана фотография, Литвинов с женой, англичанкой Айви, вернулся из Лондона, где после революции руководил советским представительством. Там он был арестован, затем его обменяли на британского шпиона Брюса Локкарта. В 1930–1939 гг. — нарком иностранных дел. Умер в 1951 г. В прощальном письме, адресованном Сталину, в завуалированной форме критиковал внешнюю политику, осуществляемую диктатором.

Справа: в 30-е годы парижские сторонники Троцкого, потерявшие всякую надежду на то, что идея марксизма в России когда-нибудь воплотится в жизнь, создали, по инициативе сына Троцкого, Льва Седова, IV Интернационал в противовес политике Сталина. Они же издали — не вполне умело пользуясь сталинской практикой фальсификации — эту открытку с подписью «Лев Троцкий» и датой: 12.XI.1935. Фото — один из подвергнутых ретуши вариантов фотографии 1919 года.

Справа, внизу: фрагмент одиннадцатой картины, «Мировая война», из серии Диего Риверы "Project of America", которую он написал для Новой рабочей школы в Нью-Йорке. Когда школа прекратила свое существование, восемнадцать картин, из двадцати одной попали в Пенсильванию, в правление Международного профсоюза швей-работниц (Форест парк). Когда руководству профсоюза надоело любоваться Лениным и Троцким, они продали четыре картины частному коллекционеру в Мексике; тринадцать картин были уничтожены пожаром в 1969 году.

Справа, на стр. 57: в 1987 г. московское издательство «Прогресс» выпустило альбом «Портрет Ленина: еще несколько штрихов». Эта серия из четырех снимков опубликована в альбоме опять же в сильно урезанном виде: с правого края торчит загадочный локоть — локоть Троцкого.

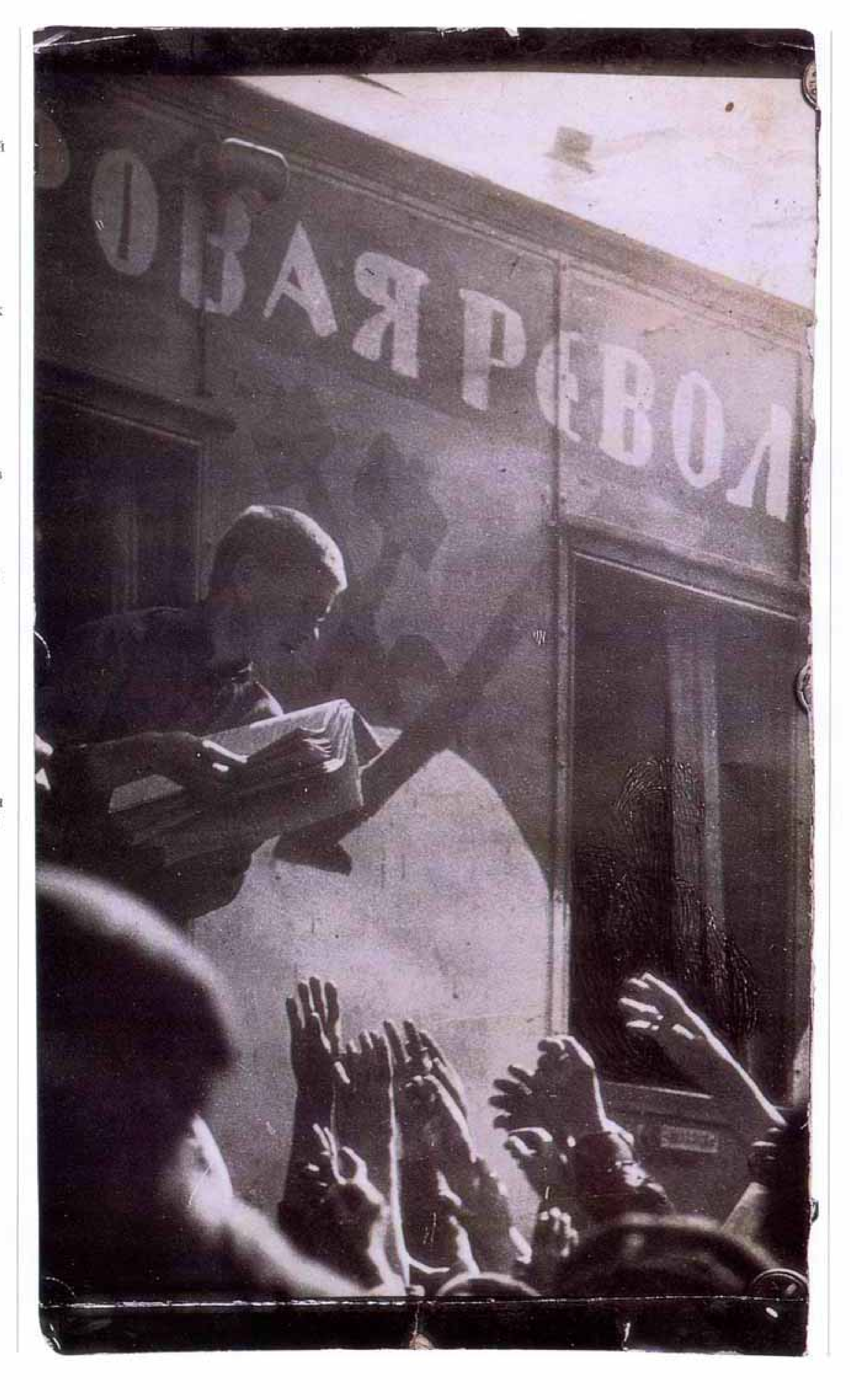

ПОЕЗД-ПРИЗРАК

На стр. 59: после Октябрьской революции, в годы гражданской войны, по бурлящей, вздыбленной России разъезжали туда-сюда агитационные поезда, задача которых была — убеждать население присоединяться к красным в их борьбе против белогвардейцев, поддерживаемых капиталистами Запада. Энтузиасты-революционеры, ставшие живописцами и карикатуристами, превращали размалеванные своим «творчеством» вагоны, в зависимости от случая, то в кинотеатр, то в библиотеку, то в телеграфное отделение, то в типографию, то в конференц-зал. В этих поездах распечатывали последние сводки с фронтов, чтобы тут же распространять их среди населения. По городским улицам тряслись трамваи агитпропа; на реках нередко встречались и агитпароходы. *Справа:* на фотографии — юноша-активист из персонала знаменитого поезда «Мировая революция»: он раздает газеты нетерпеливо тянущей к нему руки толпе. Если присмотреться к стеклу в окне вагона, в правой части фотографии, мы увидим там нечто призрачное и непонятное: очевидно, это плоды небрежной работы неумелого ретушера, пытавшегося спрятать чье-то лицо в окне.

ЧАПАЕВ: ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА

Командиры и комиссары 25-й Уфимской стрелковой дивизии на Урале, 9 июня 1919 г. В центре — Василий Иванович Чапаев (с перевязанной головой), легендарный полководец, погибший в том же году. Слева от него — Дмитрий Андреевич Фурманов, бывший анархист, здесь — политкомиссар и писатель; по его роману «Чапаев» в 30-е годы был снят художественный фильм. В таком виде фотография была опубликована в журнале «Прожектор» (март 1926 г.), затем, в 1932 г., в фотоальбоме «Чапаев».

Этот вариант (*справа*) показанной на предыдущей странице фотографии был обнаружен в советских архивах недавно. Благодаря ретуши и обрезке группа из сорока одного человека сократилась до тридцати, но при этом лица четырех из одиннадцати устраненных командиров перекочевали на чужие туловища (см. три выделенных фрагмента *в нижней части этой страницы*). Размытые, мягкие контуры — характерный признак стиля советской ретуши конца 30-х годов. Такое существенное сокращение группы объясняется сталинской «чисткой» 1937 года, не обошедшей и ряды Красной Армии: жертвами ее стали более 25 000 командиров и комиссаров.

Внизу: одна из иллюстраций фотоальбома «Чапаев»: мы видим части 217-го Пугачевского полка 25-й Чапаевской дивизии. Поскольку цензоры сочли надпись на знамени не соответствующей духу времени, в публикации 1932 года она была закрашена черной краской.

ГЕРОИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Командиры Красной Армии (*слева*) в перерыве между боями (дело происходит во время Гражданской войны) обсуждают какие-то важные вопросы. Слева направо: Семен Буденный, Михаил Фрунзе, Климент Ворошилов. Сталинская пропагандистская машина — как об этом свидетельствует и эта фотография — возвела всех троих в ранг легендарных героев. На самом деле, снимок сделан в фотоателье: персонажи лежат на помосте, покрытая грязью дорога у них за спинами — намалеванная декорация. *Вверху:* это трогательное фото времен Гражданской войны с молодцеватым красным кавалеристом наверняка было изготовлено для того, чтобы послать домой семье. Снимок тоже сделан в фотоателье; но есть в нем нечто такое, от чего становится не по себе: лошадь явно недавно вышла из-под рук таксидермиста.

ОСЛОЖНЕНИЯ НА КАВКАЗЕ

Вверху, слева: три выдающихся партийных деятеля — Сергей Киров, Михаил Левандовский и Константин Мехоношин (Баку, в 1920 г.). Многие из политических «чисток» в большевистской партии были организованы Кировым.
Справа, внизу: эта фотография появилась в книге с биографией Кирова (1936), но уже без Мехоношина; руку Левандовского пришлось подретушировать. В 1918 г. Троцкий послал Мехоношина комиссаром на Царицынский фронт, чтобы тот исправил ошибки Сталина. Левандовский, который лишь недавно присоединился к большевикам, в 1920 г. стал командующим Северокавказским фронтом. Ранее он руководил Кавказской Краснознаменной армией — воинской силой, которая пыталась действовать независимо от Москвы. Сталин едва не лопался от злобы. Ведь ни он, ни его соратник Ворошилов во время Гражданской войны не стали даже членами Реввоенсовета. Сталин это надолго запомнил, и месть его была страшной: в 1937 г. и Мехоношин, и Левандовский, вместе с другими военачальниками, когда-либо встававшими у него на дороге, были беспощадно уничтожены.
Вверху, справа: Сталин на Царицынском фронте в 1918 г.
Справа, на стр. 67: возвращаемся в фотоателье. Семен Буденный, устроившийся на бутафорском камне, и присевший рядом с ним Климент Ворошилов словно бы выбирают путь к Ростову-на-Дону в 1920 г. Обращает на себя внимание и нарисованный акварелью задник. Этот шедевр фотоискусства был опубликован в 1935 г. в журнале «Красный конник».

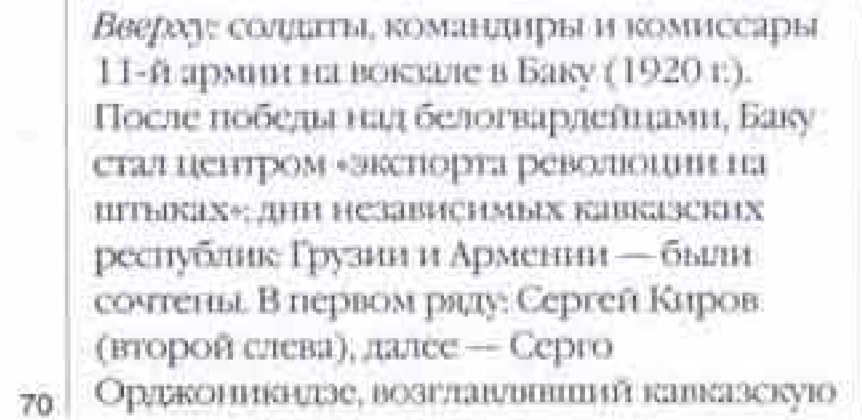
БОЛЬШИЕ ЗАТРУДНЕНИЯ НА КАВКАЗЕ

Слева: Командиры 2-го Кавказского кавалерийского корпуса (снимок сделан в Армавире, Северный Кавказ) в марте 1920 года, перед отправлением на Таманский полуостров. Им предстояло участвовать в операции по переброске Красной Армии в Крым через Керченский пролив, чтобы зайти в тыл войскам Врангеля и разгромить их. На фотографии три члена группы стоят вокруг их начальника, комкора Г. Гая (родился в 1887 году в Армении). Прославленный герой Гражданской войны, он служил в 24-й Железной стрелковой дивизии, воевал на Западном фронте, участвовал в Польской кампании 1920 года (*вверху*). В начале 30-х годов он возглавлял кафедру военной истории в Военной академии им. Н. Жуковского в Москве. В 1935 году его арестовали и приговорили к пяти годам лагерей. 11 декабря 1938 года он был расстрелян.

«РЕВОЛЮЦИОННЫЕ МАССЫ»

Вверху: солдаты, командиры и комиссары 11-й армии на вокзале в Баку (1920 г.). После победы над белогвардейцами, Баку стал центром «экспорта революции на штыках»: дни независимых кавказских республик Грузии и Армении — были сочтены. В первом ряду: Сергей Киров (второй слева), далее — Серго Орджоникидзе, возглавлявший кавказскую парторганизацию; на правом фланге, с черной бородкой, Анастас Микоян, единственный выживший из легендарных бакинских комиссаров, которых белые казнили в 1918 г.

Справа, вверху: на этом, основательно урезанном и отретушированном варианте фотографии, появившемся в 1939 г. в журнале «СССР на стройке», остались Киров и Орджоникидзе.

В другом номере того же журнала (*справа, внизу*) рядом с двумя комиссарами на фотоснимке появился и Микоян; однако, по сравнению с первоначальным вариантом фотографии, он передвинут по крайней мере на восемь мест ближе. А солдат, которые заполняли задний план, здесь заменили обязательные «революционные массы».

Ленин и Михаил Калинин беседуют с делегатами 1-го Всероссийского съезда трудящихся казаков в московском здании центра профсоюзов 1 марта 1920 г.

Когда этот снимок, сделанный известным мастером фотографии Моисеем Наппельбаумом, опубликовали в альбоме «В. И. Ленин в фотоискусстве», выпущенном в Москве в 1967 году, голова мужчины в левом верхнем углу оказалась довольно грубо закрыта бумагой.

На стр. 73, вверху: другая, похожая по композиции фотография была опубликована в 1927 году, в издании «Ленин. Альбом — сто фотографических снимков». Здесь видно, что спрятанный на предыдущем снимке крупный бородатый мужчина, который с напряженным вниманием слушает Ленина, — это Д. П. Ефимов. Тот же снимок появляется в коллекции ленинских документов в 1970 г., но в сильно урезанном виде (*на стр. 73, внизу*), вследствие чего Ефимов вновь исчез из поля зрения.

На фотографиях, опубликованных в издании «Ленин. Альбом — сто фотографических снимков», Ленин чаще всего находился в компании противников Сталина. В книге была всего-навсего одна фотография, на которой фигурировал и Сталин; немудрено, что вскоре после появления она была изъята из продажи.

В московском Институте марксизма-ленинизма о книге в 1970 году сказали, что ее «практически невозможно найти», хотя издана она была десятитысячным тиражом. К счастью, сохранилось довольно много экземпляров, которые в свое время попали на Запад.

ПРАКТИЧЕСКИ НЕВОЗМОЖНО НАЙТИ

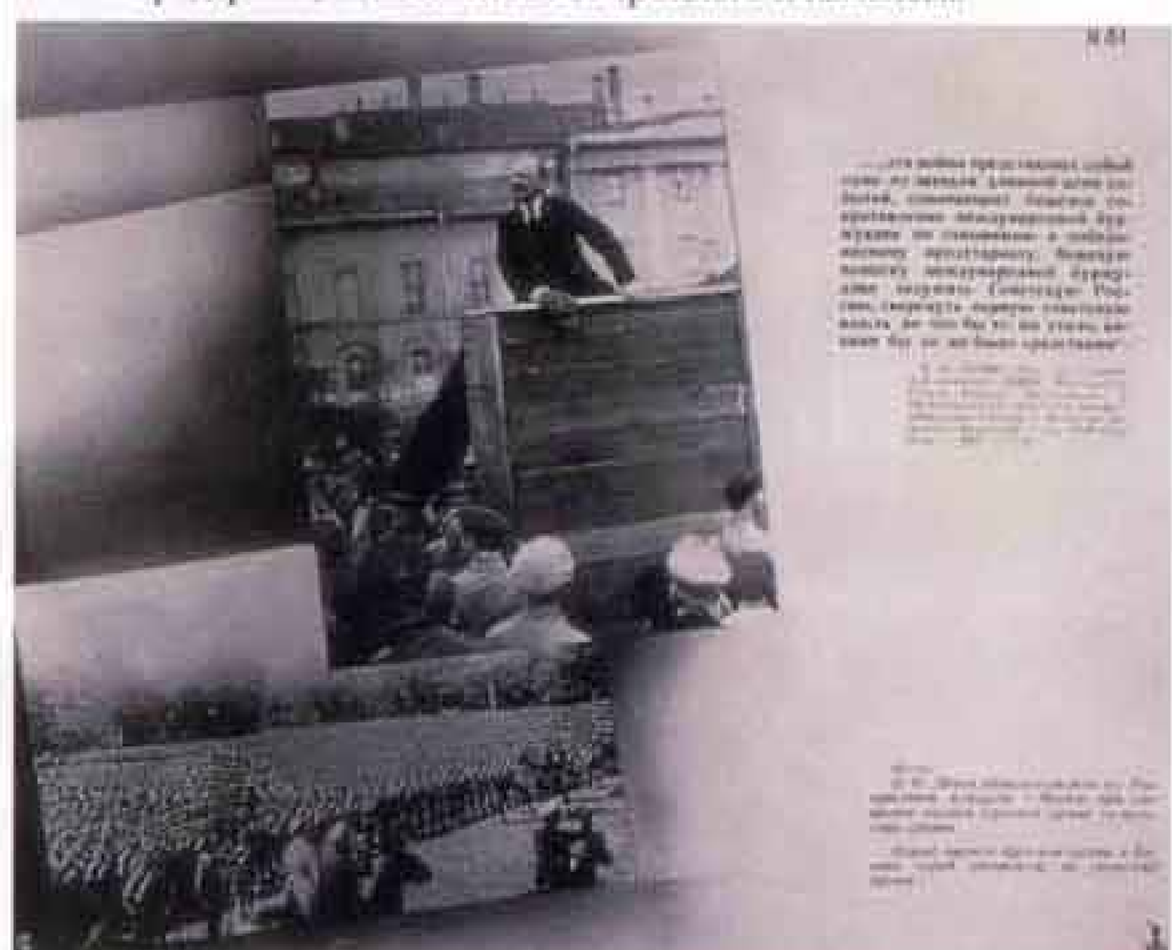
«РЕЗИНОВОЕ БРЕВНО»

Вверху: 1 мая 1920 г. Ленин на коммунистическом субботнике в Кремле. После окончания Гражданской войны сотни тысяч рабочих принудительно участвовали по субботам в бесплатной работе: это был один из способов восстановления хозяйства страны. Взяв за основу не очень выразительную фотографию (Ленин держит конец бревна), которую вы видите над текстом справа, М. Соколов создал в 1927 г. жанровую картинку. Репродукция картины, распространяемая по всему Советскому Союзу, скоро стала известна под именем «Резиновое бревно».
Внизу, слева: вы видите более раннюю картину В. Мешкова на ту же тему, но гораздо более выразительную; на советский вкус она была слишком экспрессионистской, а потому бесследно исчезла.
Слева, на стр. 74: в тот день Ленин нашел время и на то, чтобы положить немного раствора в фундамент памятника Марксу на Театральной площади. Сзади стоит простуженный Каменев.

ШАГ ВПЕРЕД, ПЯТЬ ШАГОВ НАЗАД

На снимке Г. П. Гольдштейна (*слева*) Ленин выступает с речью на площади перед московским Большим театром (5 мая 1920 г.). Слушающие его солдаты с митинга отправляются прямо на Польский фронт, чтобы разбить вторгшуюся на Украину армию Пилсудского. Справа возле трибуны стоит на ступеньках Троцкий, за ним, слегка им загораживаемый, Каменев. История фальсификации этого снимка (вместе с вариантами, представленными на следующих страницах) — возможно, самый яркий образец сталинской подделки документов. Фотография эта, обошедшая весь мир, стала еще при жизни Ленина, в период, когда Троцкий был на вершине власти, таким же символом революционной России, как серп и молот или красное знамя. После падения Троцкого фотография никогда больше в Советском Союзе в своем исконном виде не публиковалась.

В сотнях и сотнях изданий, где ее можно встретить, она присутствует (даже в эпоху Горбачева) в искаженном, отретушированном виде (как показывают и приведенные ниже примеры) — уж очень нужно было власть предержащим избавиться от Троцкого и Каменева.

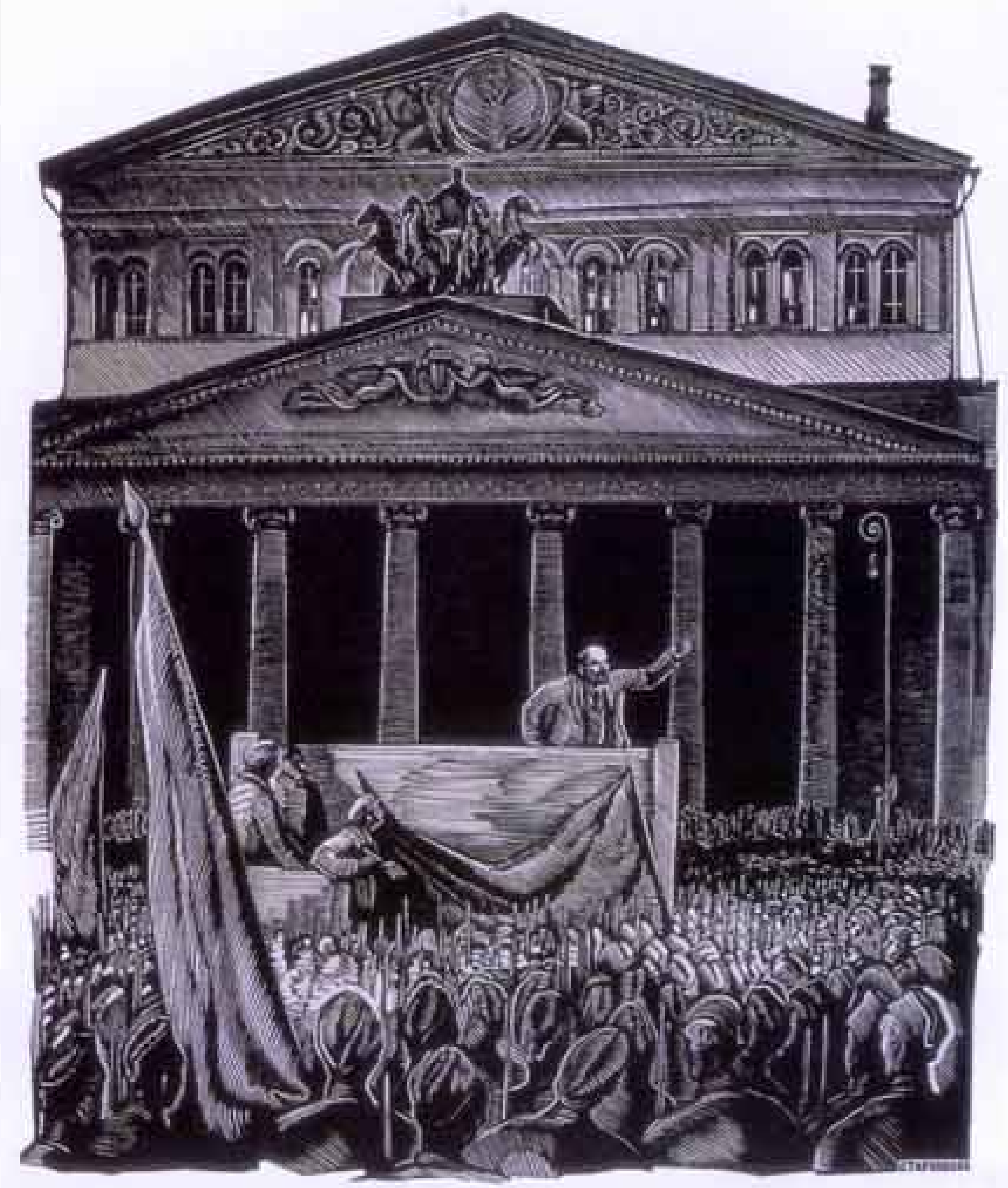
Вверху: еще один, тоже часто публиковавшийся снимок Гольдштейна, сделанный там же, но, видимо, спустя несколько минут. Здесь Троцкий и Каменев видны в профиль.

Ниже вы видите фотомонтаж, выполненный в несколько авангардном духе; он был издан, в форме открытки, в честь 10-й годовщины русской революции. Очевидно, это последний опубликованный вариант, на котором Троцкий еще присутствует: 14 ноября 1927 года он был исключен из большевистской партии. На позднейших вариантах (один из них приводится *справа*) вместо Троцкого и Каменева видны лишь пять ступенек.

Слева: следующий этап фальсификации фотоснимка Гольдштейна уводит нас в мир искусства. В 1933 году задачу увековечения знаменитой сцены возложили на прославленного мэтра социалистического реализма, живописца Исаака Бродского. На изготовленном им огромном апологетическом полотне место, где стояли Троцкий и Каменев, занимают два журналиста. Картина стала одним из главных экспонатов Центрального музея Ленина в Москве. С нее делались копии для многих других советских музеев; репродукции картины достигали миллионных тиражей.
Вверху: фотокорреспондент «Правды» А. Гаранин в 1940 г. запечатлел момент, когда молодые солдаты, командиры и комиссары Красной армии и Флота благоговейно созерцают произведение Бродского.
Ниже: Исаак Бродский. Этот выдающийся представитель социалистического реализма в 1934 году стал директором Всероссийской Академии художеств. Умер в 1939 году.

Слева: еще один снимок, сделанный тогда же, 5 мая, на площади у Большого театра, но под другим углом. Как раз выступает Троцкий; Каменев и Ленин смотрят куда-то в пространство. Фотография взята из альбома, изданного специально для иностранных делегатов 2-го конгресса III Интернационала (1920 г.). Автор фотографии неизвестен. Если у кого-то находили такую фотографию в сталинскую эпоху, для владельца это было чревато — в лучшем случае — арестом и лагерем. Преступлением считалось, даже если люди шептались о существовании таких документов... На заднем плане возвышается Большой театр.
Вверху: Автор этой страшноватой гравюры художник-график Петр Николаевич Староносов хорошо почувствовал, какая сила таится в величественной громаде Большого театра. Гравюра, созданная в 1936 году, появилась в альбоме «Ленин». Разумеется, Троцкого и Каменева возле Ленина, страстно обличающего козни Пилсудского, даже не видно.

На фотографии, сделанной в июле 1920 г., запечатлен Временный Польский революционный комитет (Польревком), игравший активную роль в неудавшейся попытке на штыках принести в Польшу социализм. Репродукция с этой фотографии была напечатана на памятной открытке с подписью: «Феликс Дзержинский, Ю. Мархлевский, Феликс Кон и члены Ревкома».

Польревком, состоявший из польских революционеров, прибывших из Москвы, объявил своей целью «будущую Польскую Советскую Социалистическую Республику». Произошло это 28 июля 1920 г., когда Красная Армия заняла Белосток. Цель эта не была достигнута. Тактическая ошибка — и не в последнюю очередь грубейший промах Сталина — заключалась в том, что красные слишком форсировали события и потому вскоре вынуждены были позорно отступить. *Справа, на соседней странице:* грубо отретушированный вариант (*вверху*) той же фотографии, с которой уже бесследно исчезли члены Ревкома. Снимок был опубликован 25 октября 1928 г. в журнале «Огонек». Соответственно была подправлена и подпись: «На Западном фронте. Слева направо: И.И. Скворцов-Степанов, Ф. Дзержинский, Ю. Мархлевский, Ф. Кон, М. Шипов».

В 1951 г. одновременно в Москве и Варшаве были изданы, на русском и польском языках, два огромных мемориальных альбома, посвященных жизни Дзержинского. Представленная здесь фотография была опубликована — конечно, с несколько лучшей ретушью, чем в «Огоньке» — в обоих альбомах. Однако в русском варианте (*в центре*) не нашлось места для М. Шипова, в польской же книге (*внизу*) отсутствует Скворцов-Степанов.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ В ТРЕХ СОСНАХ

РЯДОМ С ЛЕНИНЫМ

Ленин и группа делегатов 2-го конгресса Коммунистического Интернационала 19 июля 1920 г. на ступеньках петроградского дворца им. Урицкого. Фотография (*слева*) взята из альбома, предназначенного для иностранных делегатов конгресса.

Поддающиеся идентификации персонажи (слева направо): Лев Карахан (в шляпе, с бородкой), Карл Радек (с папиросой во рту), Николай Бухарин (держит папиросу в руке), Михаил Лашевич (в униформе), Максим Пешков (за колонной), Ленин, Горький, Сергей Зорин (в шляпе), Зиновьев (в белом галстуке), М. Н. Рой (в черном галстуке и пиджаке), Мария Ульянова (сестра Ленина) и Абрам Беленький (впереди, в летней шляпе).

Спустя несколько месяцев после того, как была сделана эта фотография, Горький уехал в Италию. Когда он вернулся в Советский Союз в 1928 году, Ленин уже четыре года как лежал в Мавзолее. А фотографию уже тогда — с 1924 года! — распространяли в основательно урезанном и отретушированном виде (*вверху*): с нее удалили всех, кроме Горького и Ленина. Сталин, который в те годы покровительствовал Горькому, считал очень полезным показать лишний раз, как близок был когда-то друг нового вождя старому.

Справа: групповой снимок, показанный на предыдущей странице, и в 80-е годы все еще мог публиковаться лишь в отретушированном виде. Правда, бросается в глаза и одно существенное отличие: здесь вновь появляются Михаил Лашевич и Сергей Зорин, которые относились к лагерю сторонников соперника Сталина, Зиновьева; вернулся на фотографию и сын Горького (выглядывает из-за колонны). Максима Пешкова в 1934 году отравил тогдашний шеф НКВД Генрих Ягода, который был до безумия влюблен в прелестную жену Пешкова, Тимошу. Лашевич покончил с собой шестью годами раньше; Зорина расстреляли в 1937 году. Горький скончался в 1936 году. Обстоятельства его смерти до сих пор скрыты покровом тайны; государство устроило ему пышные похороны и поместило его прах в Кремлевской стене.

А что произошло с теми, кого можно опознать на первой фотографии? Выдающийся дипломат Карахан расстрелян. Радека, известного революционера и журналиста, убил в лагере, в 1939 году, какой-то уголовник. Правда, по новой версии, его расстреляли гораздо раньше. Очень популярный в партии Бухарин, самый, пожалуй, человечный из большевиков, был казнен 13 марта 1938 года, после третьего московского показательного процесса. Зиновьева, который в момент, когда была сделана фотография, был председателем Коминтерна и председателем Петроградского совета, приговорили к смерти на втором большом московском процессе и вскоре расстреляли.

Мария Ульянова, как и ее друг, Бухарин, работала в «Правде»; в 1937 году она умерла от опухоли мозга.

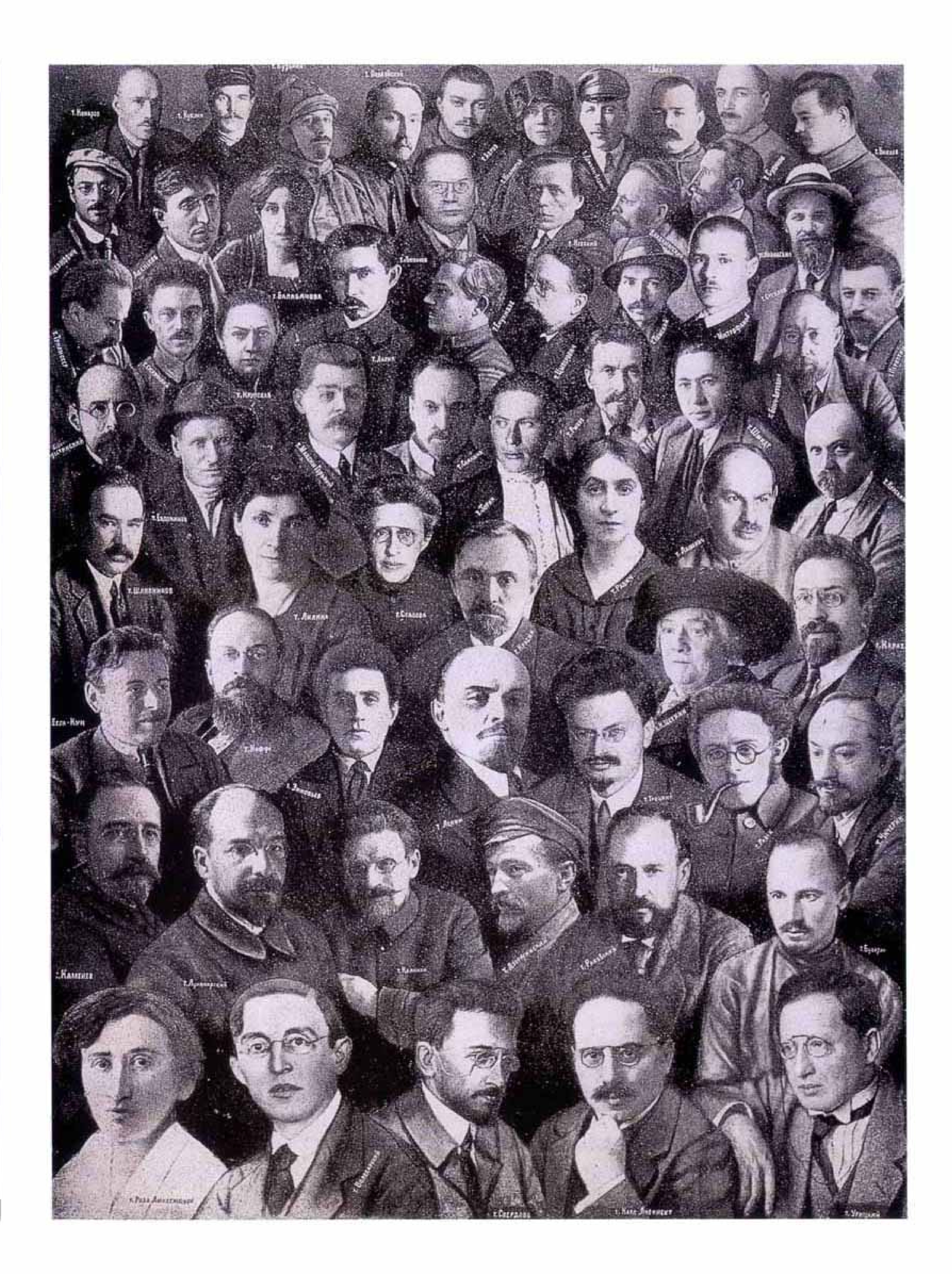
Известный индийский коммунист М. Н. Рой в 1920 году, на 2-м конгрессе Коминтерна, резко разошелся с Лениным по вопросу о колониях, а в 30-х годах окончательно повернулся уже против Сталина.

ОТСУТСТВУЕТ

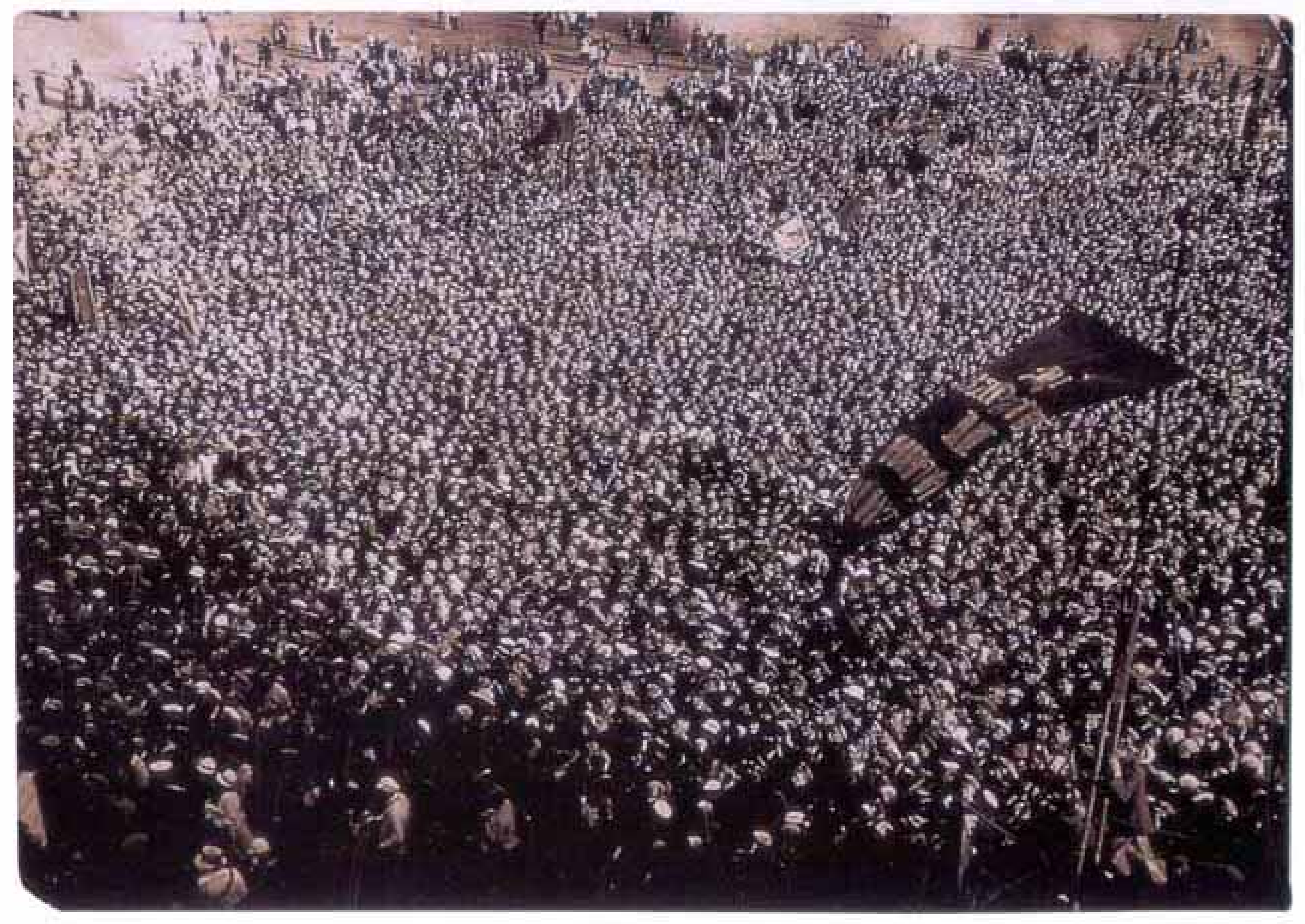
Какую роль играл Сталин в дни революции и сразу после нее иллюстрирует тот факт, что его нет на фотомонтаже с портретами большевистских руководителей (*на стр. 89*), помещенном в парадном альбоме «Октябрь» (обложку см. *вверху*), изданном огромным тиражом по случаю 2-го конгресса Коминтерна. В альбоме, отразившем историю трех лет революции, имя будущего диктатора даже не упоминается. Троцкому же — создателю и руководителю Красной Армии, победоносно закончившей Гражданскую войну — в альбоме отведено одно из самых почетных мест (*вверху, под репродукцией обложки*). Из прочих персонажей альбома лишь очень немногие умерли своей смертью.

Ленин выступает с речью в Петрограде, на Дворцовой площади, 19 июля 1920 г. (*вверху*). Снимок сделал известный фотограф, Виктор Булла, в день открытия 2-го конгресса Коминтерна. Когда фотографию решили опубликовать снова — 17 февраля 1924 г., в посвященном памяти Ленина номере журнала «Красная нива», — то редакторы, видимо, сочли необходимым сильнее акцентировать популярность Ленина. Несмотря на низкое качество типографской техники, бросается в глаза, что Ленина слушает гораздо более внушительная толпа (*справа, на стр. 91, вверху*), чем на исходной фотографии. Толпу сфотогрфировали по какому-то другому случаю.

УПРАВЛЕНИЕ ТОЛПОЙ

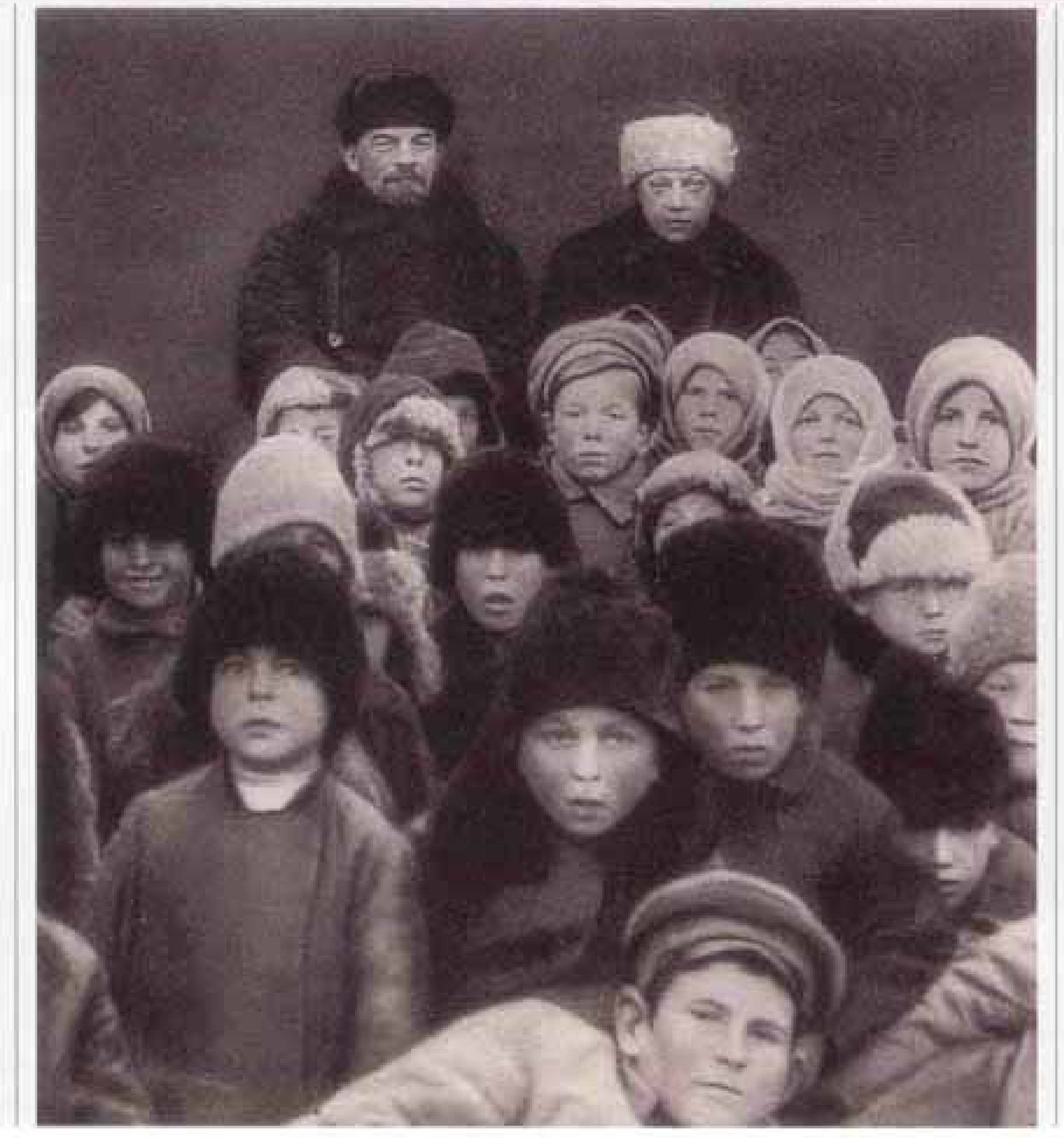

ПЛАНЫ МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Исаак Бродский четыре года (с 1920 по 1924) работал над монументальным полотном «Торжественное открытие II Конгресса Коминтерна». Картина, имеющая скорее историческое, нежели художественное значение, поражает количеством портретов здесь более трехсот российских и зарубежных делегатов, съехавшихся для обсуждения планов мировой революции. Будь картина закончена до 1924 г., фигура Сталина была бы не столь заметна; но работа над эпохальным произведением затянулась, и Сталин явно выделен среди остальных. Троцкий, Бухарин, Радек и Зиновьев выписаны особенно ярко, так же как и Д. Рид, Б. Кун, Д. Серрати (Италия), К. Цеткин и А. Розмер. Картина писалась на основе протокольного списка «ленинской героической эпохи», — ведь, например, Б. Кун на конгрессе вообще не был. Позже на первый план в Коминтерне вышли другие политические деятели, и в 1927 г. полотно убрали в запасник, где оно и пылилось шестьдесят лет. В 1989 г. картина была отреставрирована и выставлена в Москве в Музее Ленина.

ДЕТИ ИЗ КАШИНО

Вверху: Ленин и его жена, Надежда Крупская, среди зажиточных мужиков (кулаков) из Кашино на открытии электростанции. Фотография сделана Ф. Феофановым 14 ноября 1920 г.

Слева: фотография была вновь опубликована спустя девятнадцать лет, в самый разгар «чисток». К тому времени большевики истребили почти всех взрослых жителей деревни Кашино, не щадя, впрочем, и детей. Темный фон, созданный ретушерами, придает снимку зловещий оттенок.

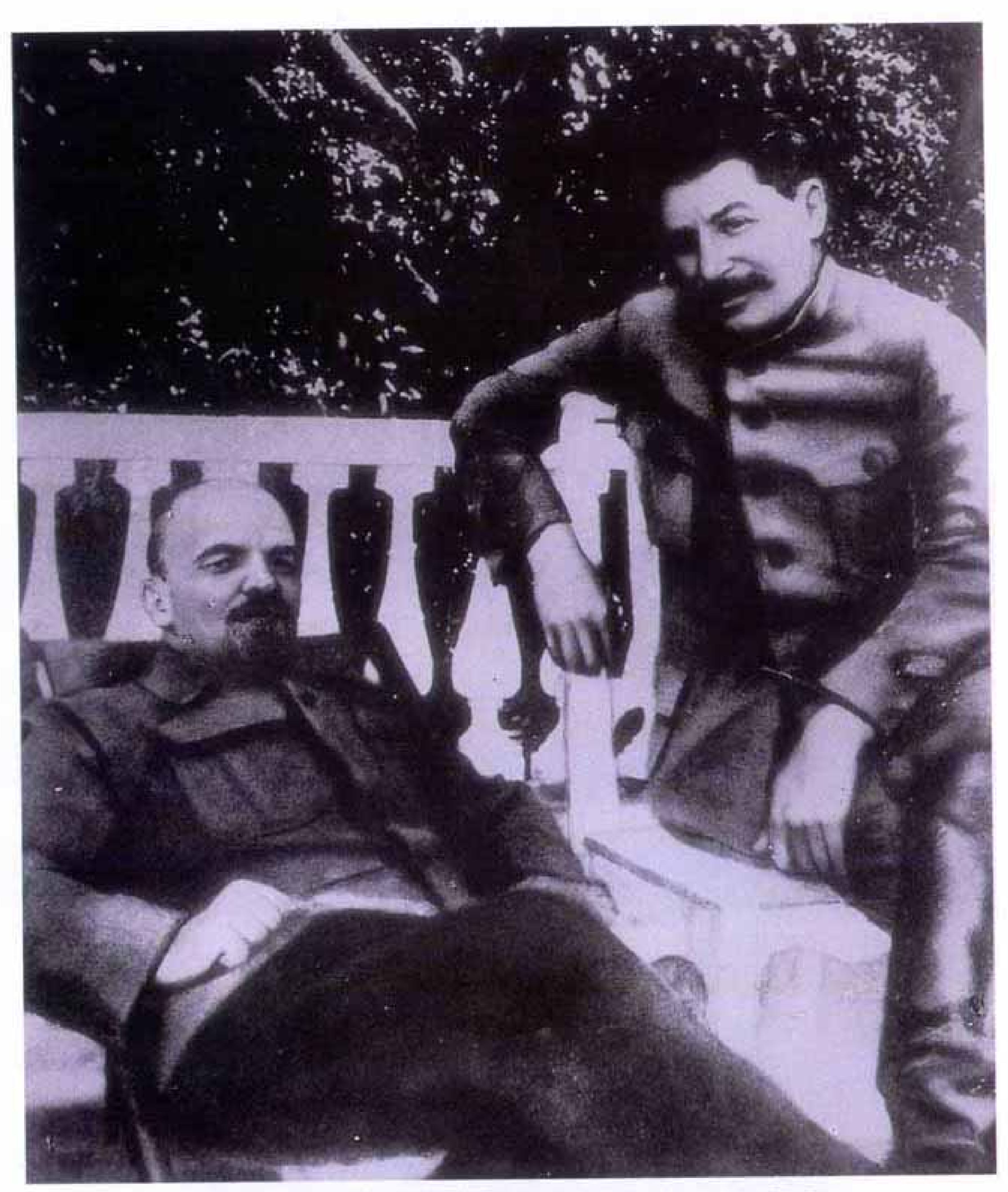
ВРАГИ НАРОДА

Вверху слева: участники XI съезда РКП(б) в апреле 1922 года, Москва. Слева направо: Емельян Ярославский, Михаил Калинин, Сталин, Григорий Петровский и Серго Орджоникидзе. Центральный Комитет именно в это время избрал Сталина — между прочим, по предложению Каменева — Генеральным секретарем; вновь созданный пост предусматривал главным образом ответственность за организацию работы партаппарата. К тому времени Сталин возглавлял уже многие партийные и государственные органы, но все еще не продвинулся на первый план в той мере, в какой хотел бы; в основном он действовал за кулисами. Пока Ленин находился в строю, другого вождя быть не могло.

Ярославский с начала 20-х годов возглавлял Общество атеистов, которое организовывало выступления воинствующих безбожников. Позже написал биографию Сталина, полную лжи и натяжек.

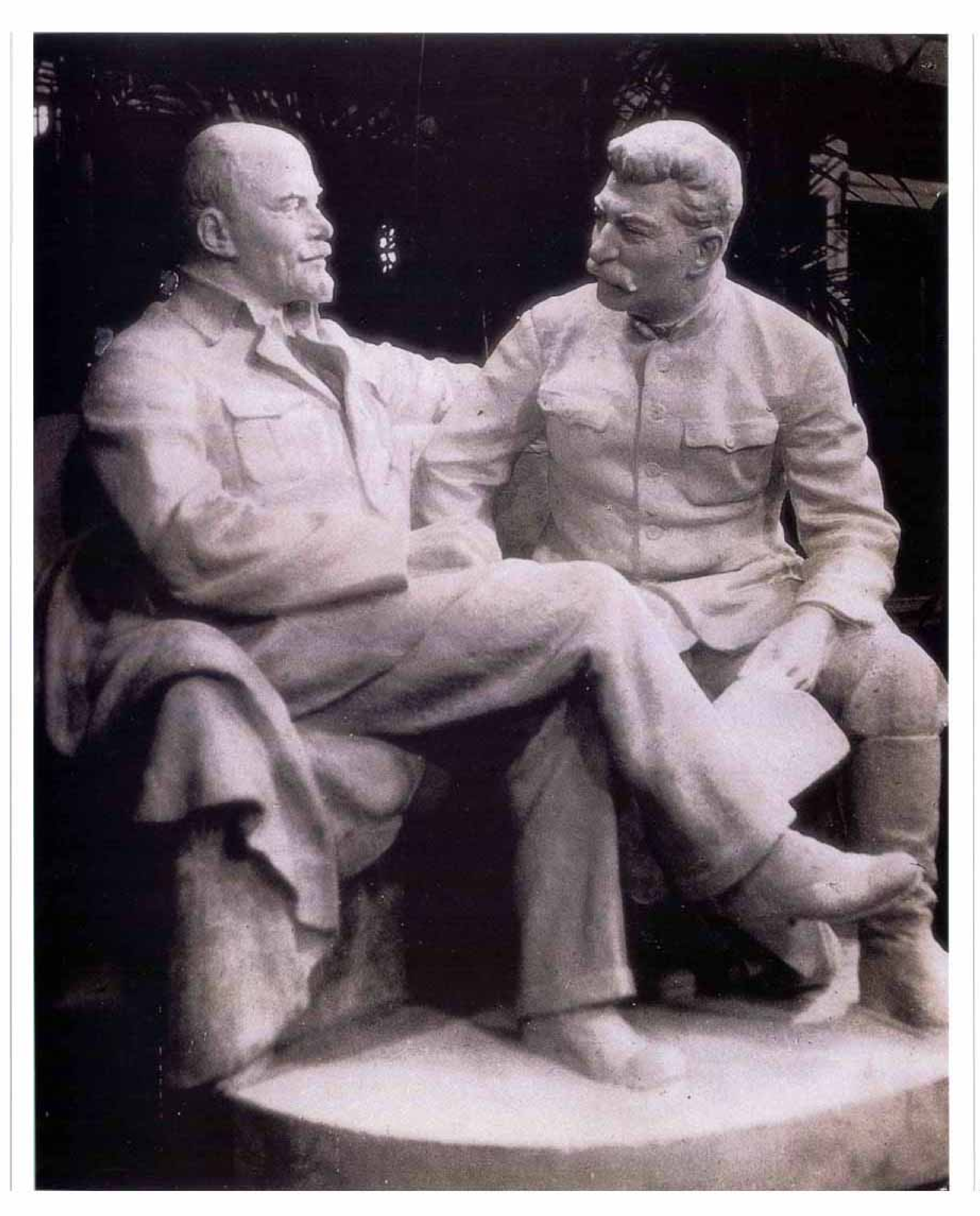
Вверху справа: один из отретушированных вариантов той же фотографии, взятый из альбома, посвященного шестидесятилетнему юбилею Сталина. Петровский исчез, зато Орджоникидзе передвинут ближе к Генеральному секретарю. Петровского, который в течение долгих лет был председателем Всеукраинского ЦИК, обвинили в связях с «врагами народа». С 1938 г. он уже не являлся членом Политбюро, но ареста ему удалось избежать; зато сын и зять его были расстреляны. Сам он стал заместителем директора Музея революции. *Слева:* этот вариант, отретушированный еще сильнее, был опубликован также в 1939 году.

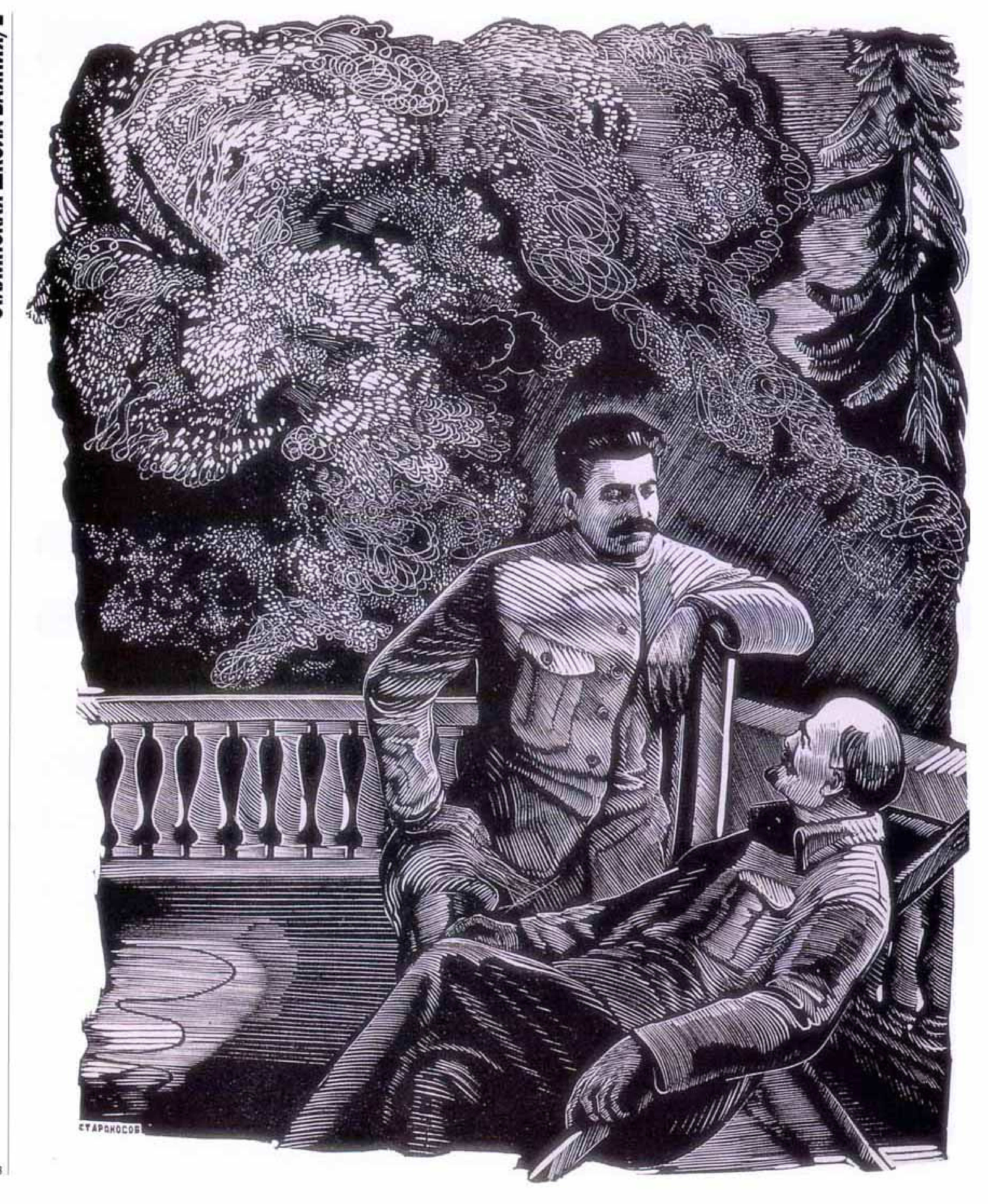

СТАЛИНСКАЯ ШКОЛА ВАЯНИЯ

Сделанная в 1922 г. в Горках фотография, на которой изображены Ленин и приехавший его навестить Сталин, — чистой воды фальшивка. С середины 30-х гг. пропагандистский аппарат, созданный Сталиным, поставил на поток изготовление скульптур и картин, доказывающих — иногда дело доходило до смешного, — что Ленина и Сталина связывала тесная дружба. На самом деле Ленин в конце жизни с нарастающей тревогой наблюдал, как Сталин рвется к власти, и, несмотря на подорванное здоровье, стремился избегать всяких контактов с ним. В мае 1922 г. с ним случился удар. Политбюро сочло, что настал момент искать замену вождю. Выбор пал на недавно избранного Генерального секретаря, Сталина. Здоровье Ленина катастрофически ухудшалось, удар следовал за ударом. В декабре 1923 года художник Ю. Анненков приехал к больному вождю, чтобы написать его портрет для книги о большевиках, руководителях страны. «Лежавший в шезлонге, укутанный одеялом и смотревший мимо нас с младенческой улыбкой человека, впавшего в детство, Ленин мог служить только моделью для иллюстрации его страшной болезни, а не для портрета Ленина» — записал Анненков.

Справа, на стр. 97: эта громоздкая скульптурная группа была изваяна на основе фальсифицированной фотографи
На стр. 98: на этой, не слишком, мягко говоря, талантливой гравюре Петра Староносова, созданной в 1936 г., Сталин взирает на Ленина со снисходительной улыбкой боксера, который только что послал противника в нокаут.
На стр. 99: скульптура В. Пинчука и Р. Таурита «В. И. Ленин и И. В. Сталин в Горках» пользовалась большим успехом н: грандиозной выставке «Иосиф Виссарионович Сталин в изобразительно: искусстве», организованной в 1949 году в Государственной Третьяковской галере

СТАРОКОСОВ

Слева, на стр. 100: снимок, сделанный сестрой Ленина, Марией Ульяновой, которой не чужды были амбиции фотографа. На снимке — ее брат и невестка, Надежда Крупская, в Горках, в конце августа 1922 года. Трудно поверить, что Ульянова не заметила в видоискателе подзорную трубу, которая создает впечатление, что в голову Крупской направлено дуло винтовки.

В 1960 году, когда фотографию опубликовали в ленинском альбоме (*вверху слева*), трубу немного укоротили, но снимок от этого стал лишь более зловещим.

Новый вариант (*вверху справа*) выглядит уже не столь угрожающим, но из «ствола» в сторону Крупской вырывается загадочный пучок света. *Слева:* в середине 80-х годов, незадолго до падения советского режима, ретушеры окончательно убрали из кадра страшный металлический стержень, нарушающий атмосферу покоя, которым веет от этой сцены.

АЗЫ ФОТОГРАФИИ

КОПИИ НЕ СНИМАТЬ

На этом уникальном в своем роде снимке (публикуется впервые) читатель видит шефа ЧК Дзержинского; рядом, словно двенадцать апостолов на тайной вечере, его ближайшие сподвижники. На обороте — штамп Верховного Совета СССР и зловещая надпись: «Копии не снимать».

Вот некоторые из тех, кто фигурирует на снимке: Яков Петерс (второй слева), Иосиф Уншлихт (подпирает рукой подбородок), Вячеслав Менжинский (рядом с Дзержинским, с другой стороны); Генрих Ягода стоит за спиной Менжинского, между Абрамом Беленьким и Мартином Лацисом; правее Филипп Голощекин и Артур Артузов.

Дзержинский умер в 1926 г. от сердечного приступа. Пост его занял Менжинский, который был столь же беспощаден к «врагам народа»; умер он в 1934 г. после продолжительной болезни. Затем политическую полицию возглавил Ягода, принимавший участие во многих террористических кампаниях Сталина. В 1937 г. его арестовали и вскоре расстреляли.

Петерса, прославившегося своей жестокостью, убили в 1938 г. Тогда же был расстрелян Уншлихт, которого Троцкий называл «амбициозным и бездарным интриганом». Начальника личной охраны Ленина, Беленького, в 20-х годах примкнувшего к «ленинградской оппозиции», казнили в 1937-м. Лацис руководил тайной службой ЧК, созданной после покушения на Ленина. В своей книге «Два года борьбы на внутреннем фронте» (1920) он писал, что ЧК не возилась с допросами противника. Она его уничтожала. Он тоже не избежал этой участи: его казнили в 1938 г. Голощекин, который до революции отбывал ссылку вместе со Сталиным, а в 1918 г. из-за кулис направлял расправу над царской семьей, летом 1941 г. был расстрелян во дворе одной из провинциальных тюрем — вместе с сестрой Троцкого, Ольгой Каменевой, и еще полутора сотнями заключенных. Артузов, первый начальник советской контрразведки, погиб в 1937 г.

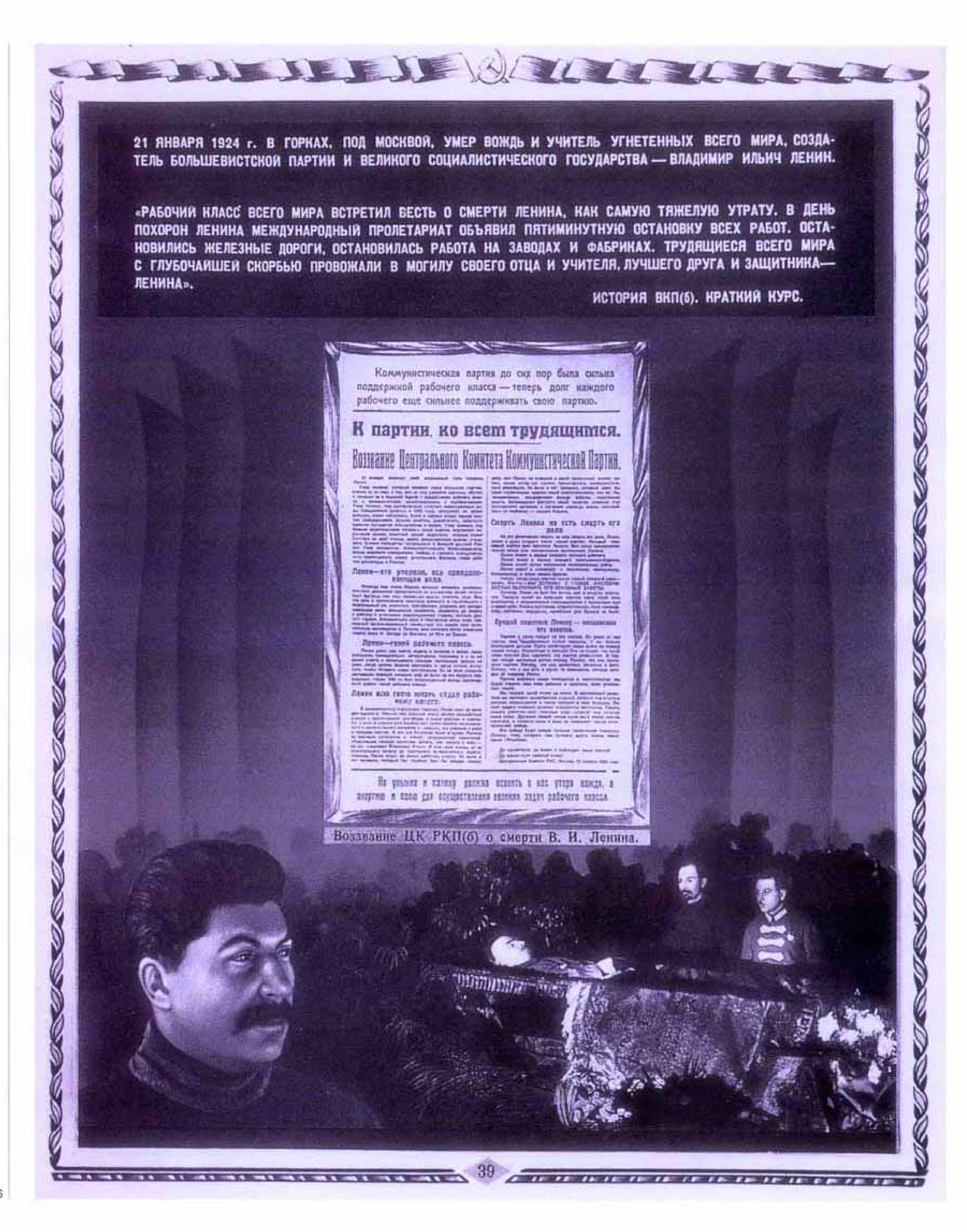

ПОРТРЕТ ПРОРОКА

Юрий Анненков, сторонник кубофутуризма в живописи, был большим поклонником Троцкого и в 1923 году выразил свои чувства к нему в огромном портрете. Троцкий специально приходил в студию Анненкова, чтобы позировать ему.

Готовый портрет пользовался такой популярностью, что в следующем году, на бьеннале в Венеции, стал главной достопримечательностью русского павильона (*справа*). Как сообщалось в каталоге выставки, картина являлась собственностью московского Музея Красной Армии, и можно предположить, что именно из этого музея поступил заказ на изготовление портрета. Сведений о дальнейшей судьбе картины у нас нет, но вряд ли она была уничтожена. Скорее всего, она все еще, вот уже семьдесят лет, валяется где-нибудь в запасниках.

Вверху: Троцкий и Анненков в студии.

21 ЯНВАРЯ 1924 г. В ГОРКАХ, ПОД МОСКВОЙ, УМЕР ВОЖДЬ И УЧИТЕЛЬ УГНЕТЕННЫХ ВСЕГО МИРА, СОЗДАТЕЛЬ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ И ВЕЛИКОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА — ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН.
«РАБОЧИЙ КЛАСС ВСЕГО МИРА ВСТРЕТИЛ ВЕСТЬ О СМЕРТИ ЛЕНИНА, КАК САМУЮ ТЯЖЕЛУЮ УТРАТУ. В ДЕНЬ ПОХОРОН ЛЕНИНА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПРОЛЕТАРИАТ ОБЪЯВИЛ ПЯТИМИНУТНУЮ ОСТАНОВКУ ВСЕХ РАБОТ. ОСТАНОВИЛИСЬ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ, ОСТАНОВИЛАСЬ РАБОТА НА ЗАВОДАХ И ФАБРИКАХ. ТРУДЯЩИЕСЯ ВСЕГО МИРА С ГЛУБОЧАЙШЕЙ СКОРБЬЮ ПРОВОЖАЛИ В МОГИЛУ СВОЕГО ОТЦА И УЧИТЕЛЯ, ЛУЧШЕГО ДРУГА И ЗАЩИТНИКА — ЛЕНИНА».
ИСТОРИЯ ВКП(б). КРАТКИЙ КУРС.
Коммунистическая партия до сих пор была сильна поддержкой рабочего класса — теперь долг каждого рабочего еще сильнее поддерживать свою партию.
К партии, ко всем трудящимся.
Воззвание Центрального Комитета Коммунистической Партии.
Смерть Ленина не есть смерть его дела
Ленин — гений рабочего класса.
Не уныние и панику должна вселить в нас утрата вождя, а энергию и волю для осуществления великих задач рабочего класса.
Воззвание ЦК РКП(б) о смерти В. И. Ленина.
39

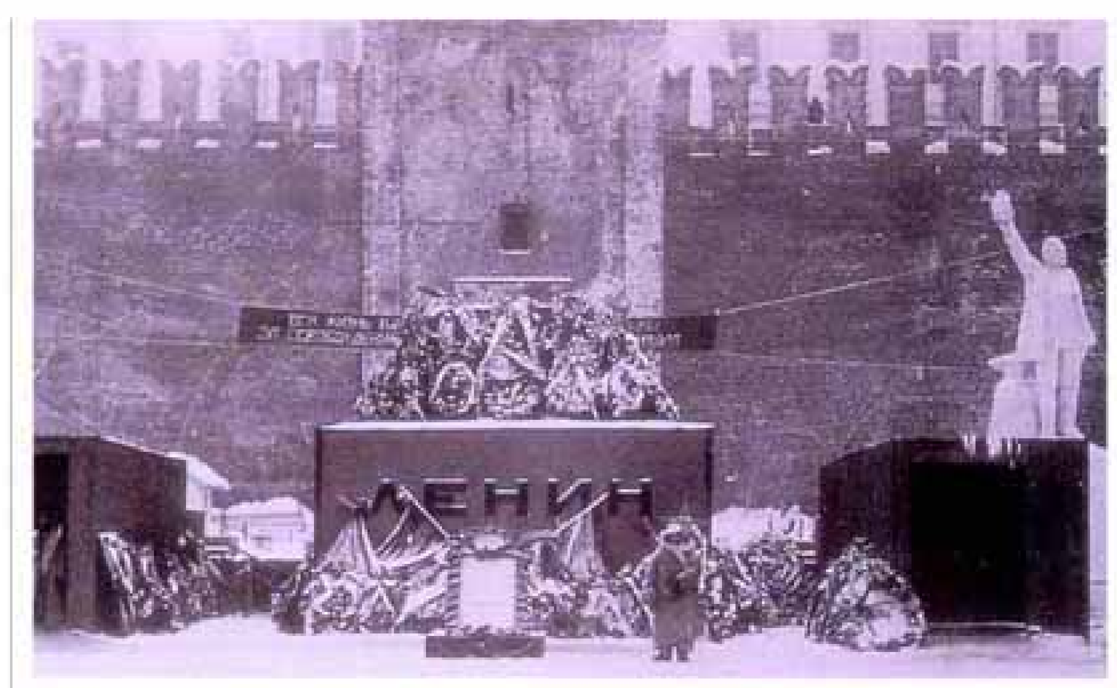
ЛЕНИН КАК РЕЛИКВИЯ

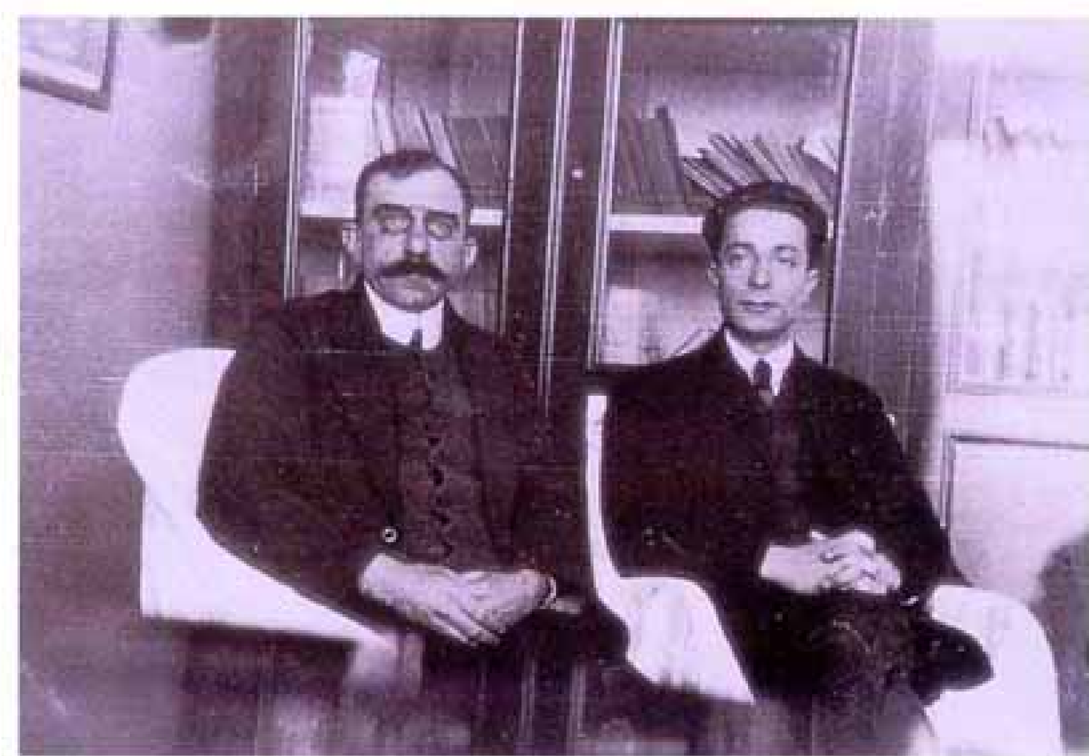
21 января 1924 года умер Ленин. Тело его доставили в Москву и выставили для прощания в Колонном зале Дома Союзов. Затем его перевезли на Красную площадь и положили на покой в огромном деревянном сооружении, облицованном еловым тесом. На фасаде этого временного мавзолея (*справа, верхнее фото*) стояло одно единственное слово «ЛЕНИН». В течение всего февраля температура была настолько низкой, что тело совершенно замерзло. Но весной лед начал таять, а ряды скорбящих росли. Еще раньше Центральный Комитет, по предложению Сталина, нового председателя правительства Рыкова и Калинина, принял решение забальзамировать тело. Напрасно вдова Ленина, Крупская, настаивала на том, чтобы ее мужа просто похоронили: Сталин, ненавидевший Крупскую, и слышать об этом не хотел. Позже он даже пригрозил ей: если она не будет себя вести смирно, он в любой момент найдет Ленину другую вдову. Так началась большевистская канонизация «гения гениев» (как Сталин называл Ленина).

Под руководством специалистов по бальзамированию В. П. Воробьева и Б. И. Збарского (*второе фото сверху*) тело Ленина обработали формальдегидом и глицерином. Внутренние органы были удалены, мозг перенесен в специальную лабораторию и препарирован. (Кстати сказать, после войны, во время антисемитской кампании, Збарский тоже угодил в тюрьму.)

Само же тело было положено в стеклянный саркофаг, спроектированный архитектором-конструктивистом Константином Мельниковым. На месте временного мавзолея был построен постоянный, из дуба (*третье фото сверху*).

В начале 30-х годов деревянный мавзолей был заменен гранитным (*нижнее фото*), который вплоть до начала 90-х годов считался одним из самых священных для коммунистов мест. Тело Ленина до сих пор дважды в неделю осматривают, а раз в полтора года подвергают тщательному обследованию.

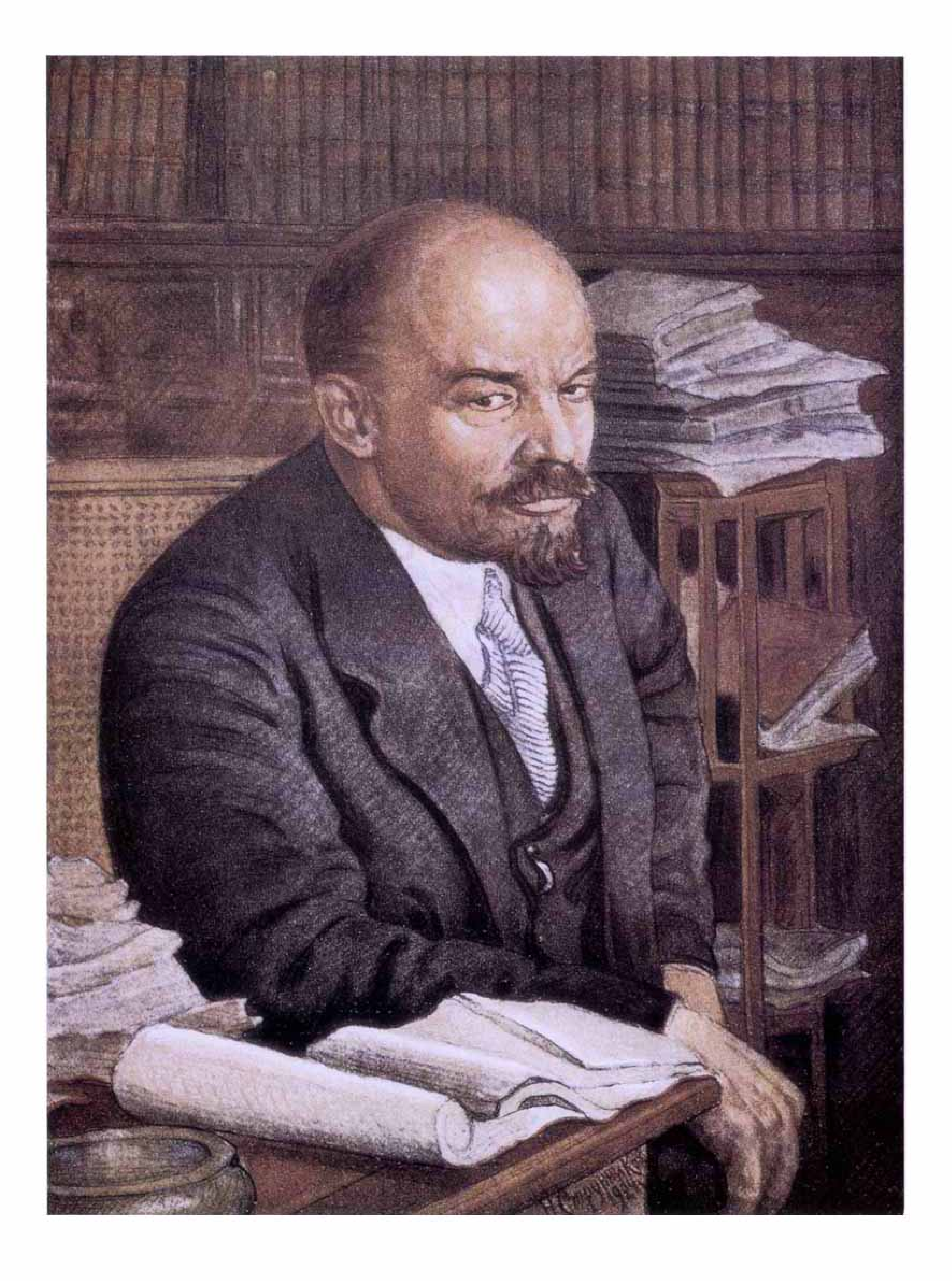

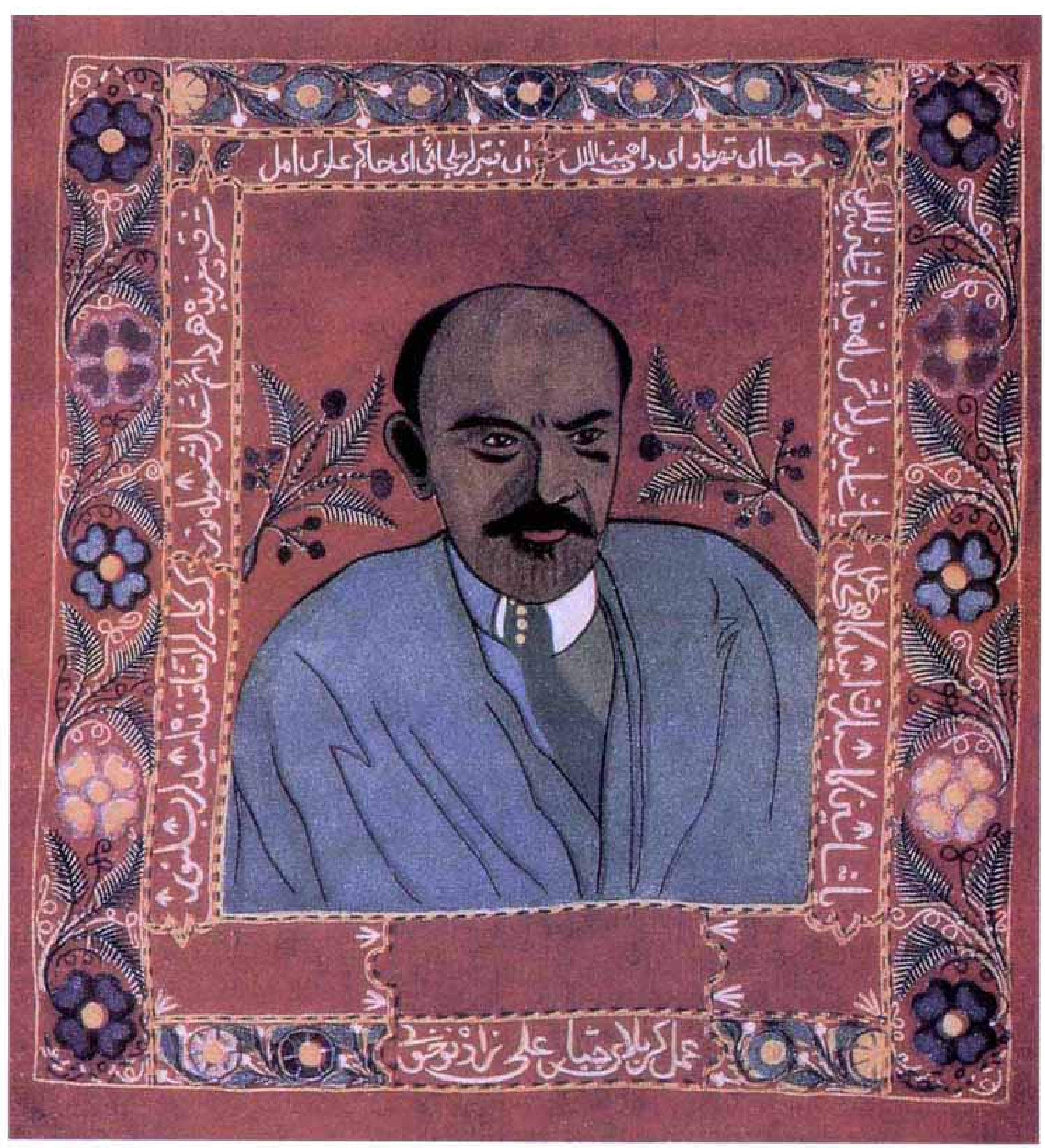

ЛЕНИНСКИЙ ПРИЗЫВ

На стр. 106: этот плакат, изданный в 1939 г., должен был выражать скорбь Сталина при прощании с Лениным; у гроба стоят Дзержинский и Ворошилов.

Как только крышка саркофага над Лениным закрылась, между его наследниками началась борьба за власть. Первой заботой Сталина было устранение соратников Ленина, «старых большевиков», и создание сети собственных союзников. Он скрыл от партии так называемое «Завещание» Ленина — касающиеся будущего партии наброски, которые Ленин хотел довести до сведения делегатов очередного съезда и в которых, среди прочего, высказывал пожелание, чтобы Сталина убрали с поста Генерального секретаря. По инициативе Сталина в партию было принято более ста тысяч новых членов (так называемый «ленинский призыв»); он выдвигал на первый план политически безграмотных людей, которые ничего общего не имели с революционной деятельностью, зато были обязаны ему своим быстрым продвижением. Троцкий метко назвал эту эпоху — «заговор эпигонов». Болезни, которым был подвержен в эти месяцы Троцкий, помешали ему эффективно координировать деятельность оппозиции.

КУЛЬТ ЛЕНИНА

Одновременно Сталин планомерно трудился над созданием культа Ленина. Вождь был еще жив, а по всему Советскому Союзу уже развернулось создание музеев Ленина, памятников Ленину. После смерти его именем были названы города и заводы, его изображения тиражировались в бесчисленных картинах и статуях; грандиозная кампания, развернувшаяся в прессе, выжимала из его имени и наследия все возможное и невозможное. В море книг и альбомов, появившихся в связи с его смертью, можно было встретить, например, издание, где более чем на пятистах страницах воспроизводились фотографии венков, присланных на его похороны, с подробным изложением прощальных слов и подписей. Была выпущена — всего одним номером — четырехстраничная газета «Ленин». Тщетно протестовала вдова Ленина, говоря, что «всему этому он придавал в жизни так мало значения, так тяготился всем этим». Все эти славословия были совершенно необходимы Сталину для осуществления его тайного плана: сначала создать культ Ленина, который должен затем стать прочной основой для его собственного культа. Только так Сталин мог стать в 30-е годы «Лениным сегодня». Вот лишь два ранних, довольно гротескных образчика культа Ленина.

Слева, на стр. 108: на довольно зловещем портрете работы Николая Струнникова мы видим хитрого, расчетливого Ленина. Картина написана по фотографии 1921 года.

Вверху: настенный ковер с изображением Ленина, вытканный в советской Средней Азии (1924 год).

СОВЕТСКИЙ ГЛАМУР

При изготовлении портретов советских и партийных руководителей охотно применялся этот, еще на заре фотографии изобретенный прием: растушевывание контуров снятого объекта. Сталинское руководство не случайно любило такую технику: она создавала вокруг фигур на снимке чуть ли не мистическую атмосферу, возвышая их над реальностью. *Вверху:* этот снимок, сделанный в 1924 г., приписывают М. Наппельбауму. Хотя фон здесь размыт, само лицо отретушировано едва-едва. В 1939 г. фотографию напечатали в альбоме, изданном к шестидесятилетию Сталина (*справа, на стр. 111*), опытный ретушер основательно над ней потрудился. Кожа у Сталина выглядит здесь гладкой, волосы и усы — шелковистыми, словно у какого-нибудь героя-любовника. Лишь жесткий блеск глаз напоминает оригинал.

Поистине непомерное тщеславие Сталина подчеркивается еще и дешевым трюком, который тоже достоин скорее кинозвезды, чем вождя пролетариата: под фотографией поставлена более поздняя дата. В альбоме снимок датирован началом 30-х годов, когда Сталину было уже за пятьдесят, но на самом деле он был сделан на семь лет раньше.

Этот групповой снимок был сделан в апреле 1925 года, на XIV партийной конференции; еще один классический пример фальсификации фотодокументов. На снимке мы видим (слева направо): Михаила Лашевича, Михаила Фрунзе, Ивана Смирнова, Алексея Рыкова, Климента Ворошилова, Сталина, Николая Скрыпника, Андрея Бубнова, Серго Орджоникидзе и Иосифа Уншлихта.

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

Из фигурирующих здесь соратников Сталина лишь один умер своей смертью. Лашевич был активным участником Октябрьской революции, во время Гражданской войны командовал 3-й армией. Выступая на одной из партконференций, Сталин допустил ряд грубых выпадов против него, обозвал «интриганом». Лашевич был фактически сослан в Китай, где в 1928 году покончил с собой.

Фрунзе в октябре 1925 года скончался на операционном столе; не исключено, что причиной его смерти стала «хирургическая ошибка», допущенная по указанию Сталина.

Особую ненависть Сталин питал к Ивану Смирнову, «сибирскому Ленину», которого Ленин назвал когда-то «совестью партии». Смирнов был обвинен в «троцкизме» и после второго московского процесса расстрелян. НКВД арестовал и расстрелял в 1937 году также его жену и дочь.

Рыков после смерти Ленина стал председателем Совнаркома. Спустя некоторое время, в 1929 году, его объявили правым оппортунистом и в 1930 г. освободили от высокой должности, а после третьего московского процесса, в 1938 году, расстреляли.

Ворошилов, соратник и друг Сталина, пережил все чистки. Однако после смерти диктатора оказался среди противников Хрущева, который в 1960 году отправил его в отставку.

Украинец Скрыпник — один из ветеранов большевистской партии. Сталин обвинил его в украинском национализме; в 1933 г. Скрыпник покончил с собой.

Бубнов в 1923 г. возглавил Политуправление Красной Армии; позже занимал высокие посты в партийно-государственном аппарате, был наркомом просвещения РСФСР. Поддерживал политику Сталина, но это не спасло его от ареста. Казнен в 1938 году.

Орджоникидзе во время гражданской войны был одним из политических руководителей Красной Армии. Был рядом со Сталиным и как его сторонник и как соотечественник — грузин. Являлся ключевой фигурой курса на интенсивную индустриализацию первых пятилеток. В 1937 г., во время «больших чисток», покончил с собой.

Уншлихт, еще один активный участник Октябрьской революции 1917 года, в 20-е годы занимал различные посты в ЧК. В 1937 году был арестован и спустя год расстрелян.

Сильно отретушированный вариант той же фотографии, опубликованный дважды: в 1939 и 1949 годах; число персонажей здесь сократилось до четырех. Большую часть участников партконференции также «ликвидировали», стерев из истории их имена.

С ГЛУБОКИМ ПРИСКОРБИЕМ

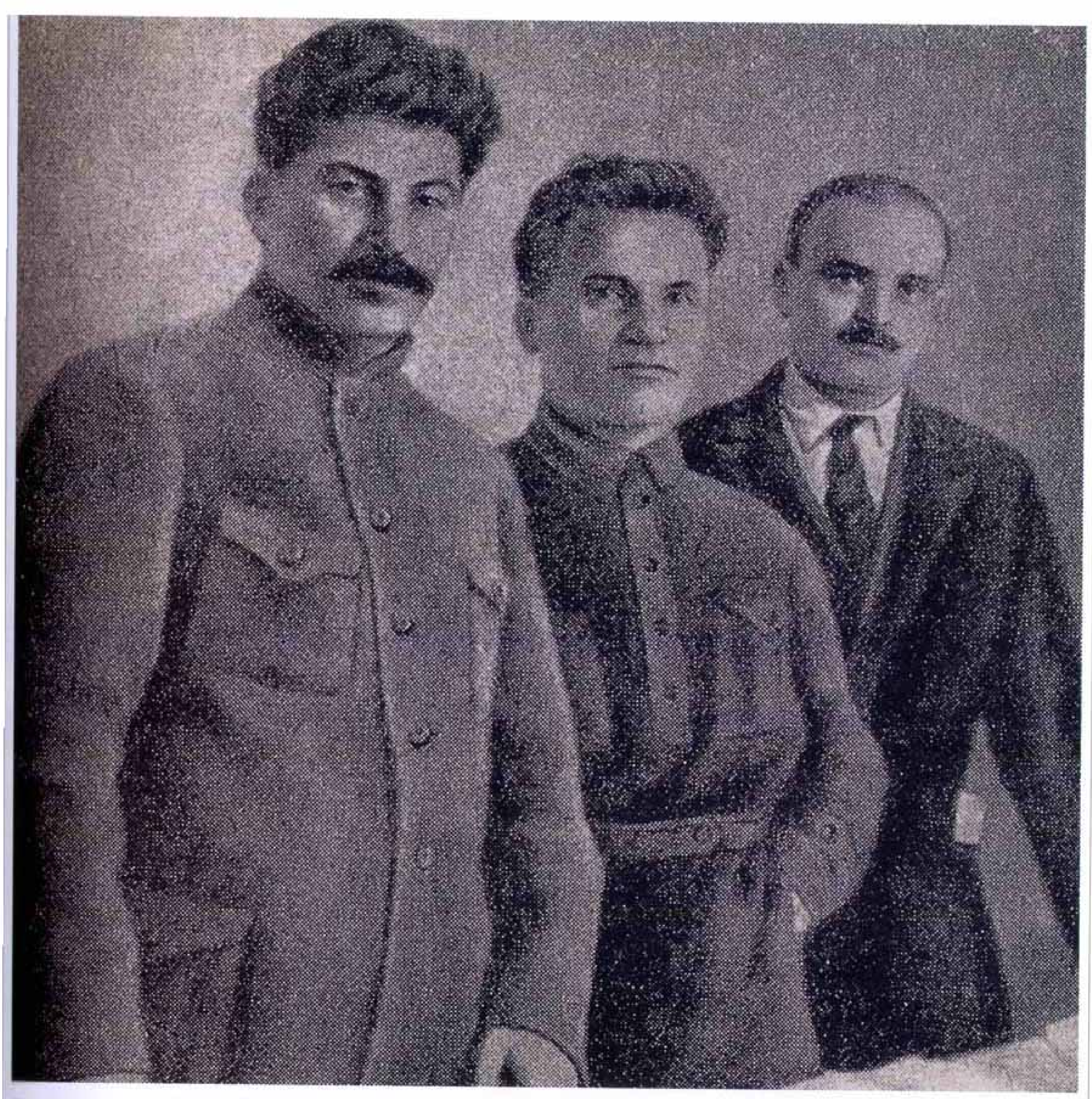
Похороны главы ЧК, Феликса Дзержинского, в июле 1926 г. (*слева*).
Несколькими днями раньше Троцкий, выступив с речью на заседании Центрального Комитета, высказал опасение, что Сталин и Бухарин предали забвению революционные идеи. Дзержинский страстно протестовал против этих обвинений и более двух часов резко критиковал Троцкого, Каменева и других оппозиционеров. Покидая трибуну, он упал: с ним случился инфаркт. В тот же день он скончался.

На фотографии: Рыков, Каменев, Молотов, Бухарин и Сталин несут гроб с телом Дзержинского по улицам Москвы. За гробом видна фигура Троцкого. Слева выстроились работники ГПУ. *Вверху*: открытка конца 30-х годов «И. В. Сталин и Ф. Э. Дзержинский после заседания ЦК». Однако ни Генсека, ни создателя политической полиции на фотографии нет: это актеры, а сцена взята из художественного фильма «Ленин в 1918 году», снятого в 1939 году. Сталина, как и почти всегда, играл грузин Михаил Геловани.

Антипов, Сталин, Киров и Шверник после разгрома «ленинградской оппозиции», руководимой Зиновьевым; дело происходит в 1926 г. Незадолго до этого Сталин назначил Кирова первым секретарем Ленинградского губкома партии.

ЧЕТЫРЕ, ТРИ, ДВА, ОДИН

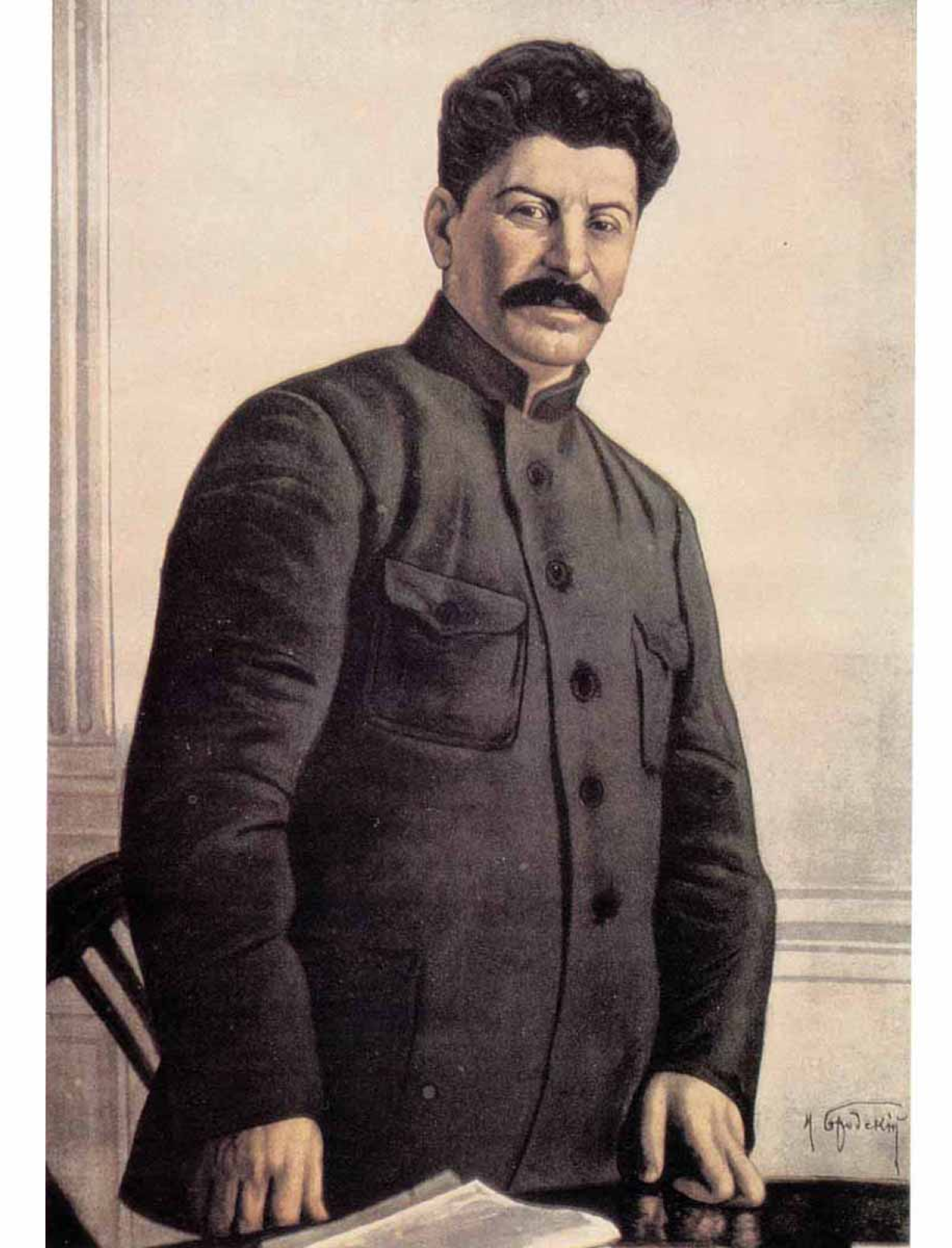
Тот же снимок — в издании «История Союза Советских Социалистических Республик» (Москва, 1940). Антипову и Люстре места на ней уже не нашлось. Антипов примкнул к большевикам в 1912 г., с 1918 г. руководил петроградской ЧК. В 30-х годах он — один из заместителей Молотова. В 1938 г. арестован, а 24 августа 1941 г., во время наступления немцев на Москву, расстрелян.

На стр. 118: неясно, почему с этой фотографии, помещенной в издании «Иосиф Сталин. Краткая биография» (Москва, 1949) и на сей раз тщательно отретушированной, убрали Шверника. Шверник был одним из секретарей ЦК, долгое время руководил профсоюзами. В 1946 г. Сталин назначил его главой государства; на этом посту Шверник и оставался вплоть до смерти диктатора.

Стр. 119: полный лести и раболепия портрет, написанный в 1929 г. И. Бродским (в основу положена та же фотография), Сталин — уже единственный персонаж.

Уже после того, как наш альбом был готов к печати, обнаружился самый первый вариант фотографии (см. *обложку*). Здесь мы видим еще и Комарова, который в течении своей долгой карьеры играл видную роль в жизни ленинградской партийной организации.

Вверху: М. Томский (в верхнем ряду слева); рядом с ним — С. В. Малышев (Ленинград, 1927). Сидят: «всесоюзный староста» Калинин, а также К. Лебедев, И. Котляков и В. Творогов. Томский, бывший наборщик, в 1928 г. выступил с критикой сталинской программы коллективизации, был обвинен в «правом уклоне» и исключен из Политбюро. Вслед за появлением особенно обидной и грубой статьи в «Правде», Томский застрелился. В прощальном письме, адресованном Сталину, он обвинял во всех грехах своих старых товарищей и умолял сохранить жизнь его близким. Несмотря на это, Сталин приказал арестовать семью Томского. Томский был единственным настоящим рабочим в Политбюро «героического периода». Калинин, по происхождению крестьянин, ставший токарем, уцелел в чистках, но даже занимаемого им поста председателя Президиума Верховного Совета СССР оказалось недостаточно, чтобы помешать аресту собственной жены. Она провела в лагерях восемь лет и освободилась только в год смерти мужа, в 1946 году.

Слева и на стр. 121: «покушение» на Томского и Лебедева, предпринятое с помощью пера и чернил неизвестным лицом. Снимок представляет собой найденную в советских архивах копию приведенной выше фотографии.

ПОДЛАЯ ДИВЕРСИЯ ПРОТИВ РАБОЧЕГО КЛАССА

СОМКНУВ РЯДЫ

На фотографии Евгения Ионовича Явно (*справа*) запечатлен Сталин в наполеоновской позе среди соратников на Мавзолее Ленина, 11 ноября 1929 года, во время празднования 12-й годовщины Октябрьской революции. Слева направо стоят: К. В. Уханов, Сталин, К. Я. Бауман, Томский, Калинин, Каганович, Микоян и (частично затемнен) Молотов. Мальчик на левой стороне фотографии — сын Сталина, Василий. Другой мальчик в кепке в центре группы, — по всей видимости, Артем Сергеев, сын героя

Гражданской войны, носившего то же имя. После смерти отца Артем Сергеев-младший несколько лет жил в квартире Сталина в Кремле как друг сына Сталина, Василия. В наши дни он — генерал в отставке.

Фотография отразила поворотный момент советской истории. Сталин беспощадно провел в жизнь коллективизацию и ликвидацию кулачества, которые пришли на смену относительной терпимости эпохи НЭПа, эпохи, которую крепко клеймили за «гнилой либерализм».

Позже Явно внес поправки в свое собственное произведение, вместо впавшего в немилость Томского выдвинув вперед Ворошилова и за спиной у главных сталинистов вмонтировав плеяду последователей. Добавлены следующие персонажи (слева направо): Орджоникидзе, Буденный, Луначарский, Молотов (он занял более достойное место по сравнению с тем, которое досталось ему на первоначальном снимке), Куйбышев, Горький, Рудзутак, Литвинов, Енукидзе и Ярославский.

Николай Бухарин в тот праздничный день также стоял на трибуне, но его присутствие рядом с этой жизнерадостной компанией стало уже весьма шатким: спустя шесть дней его вывели из состава Политбюро. Это обстоятельство и заставило убрать Бухарина с фотографии; больше он никогда не появлялся в одной компании со Сталиным.

«Наполеоновский» образ Сталина также сослужил службу официальной советской живописи: его «поэтика» была подхвачена, усилена и обогащена драматическими эффектами, например, в плакате Густава Клуциса (1932), прославляющем сталинский пятилетний план.

ПОДАЛЬШЕ ОТ СУРОВОЙ МОСКВЫ

Верхнее: в 20-е годы Троцкий часто болел и при любой возможности старался уехать из Москвы с ее сырой, холодной зимой куда-нибудь в теплые края. Фотография была сделана в 1924 году, во время его пребывания в Грузии. Троцкий и его жена, Наталья Седова, сидят на заднем сиденье автомобиля. Перед ними — Серго Орджоникидзе, тогдашний наместник Москвы на Кавказе.
Ретушированный вариант фотографии был опубликован в 1936 году, в книге, посвященной пятидесятилетию Орджоникидзе. «Товарищ Мясников» (который вскоре после съемки стал жертвой авиакатастрофы, произошедшей при невыясненных обстоятельствах) и незнакомец, на первой фотографии стоявший в стороне, здесь загораживают Троцкого и Наталью Седову. В период, когда вышла эта книга, Троцкий уже жил в изгнании, в Норвегии, и там бурно протестовал против московских процессов.
Справа: Троцкий, Зиновьев, Каменев и их товарищи по оппозиции. Редкий момент: у всех у них хорошее настроение (середина 20-х годов).

РОКОВОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Текст постановления о высылке Троцкого из СССР. Это — собственный экземпляр Троцкого; публикуется впервые. Он сохранился в амстердамском Международном институте общественной истории. Самые чудовищные формулировки Троцкий подчеркнул и написал на полях: «Вот прохвосты!»

2

КОПИЯ

ВЫПИСКА

из протокола Особаго Совещания

при Коллегии О.Г.П.У.

от 18 января 1929 года

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
"Дело гражданина Троцкого Льва Давидовича по ст.58/10 Уголовнаго Кодекса по обвинению в контр-революционной деятельности, выразившейся в организации нелегальной анти-советской партии, деятельность которой за последнее время направлена к провоцированию анти-советских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против Советской власти".	"Гражданина ТРОЦКОГО Льва Давыдовича – выслать из пределов С.С.С.Р."

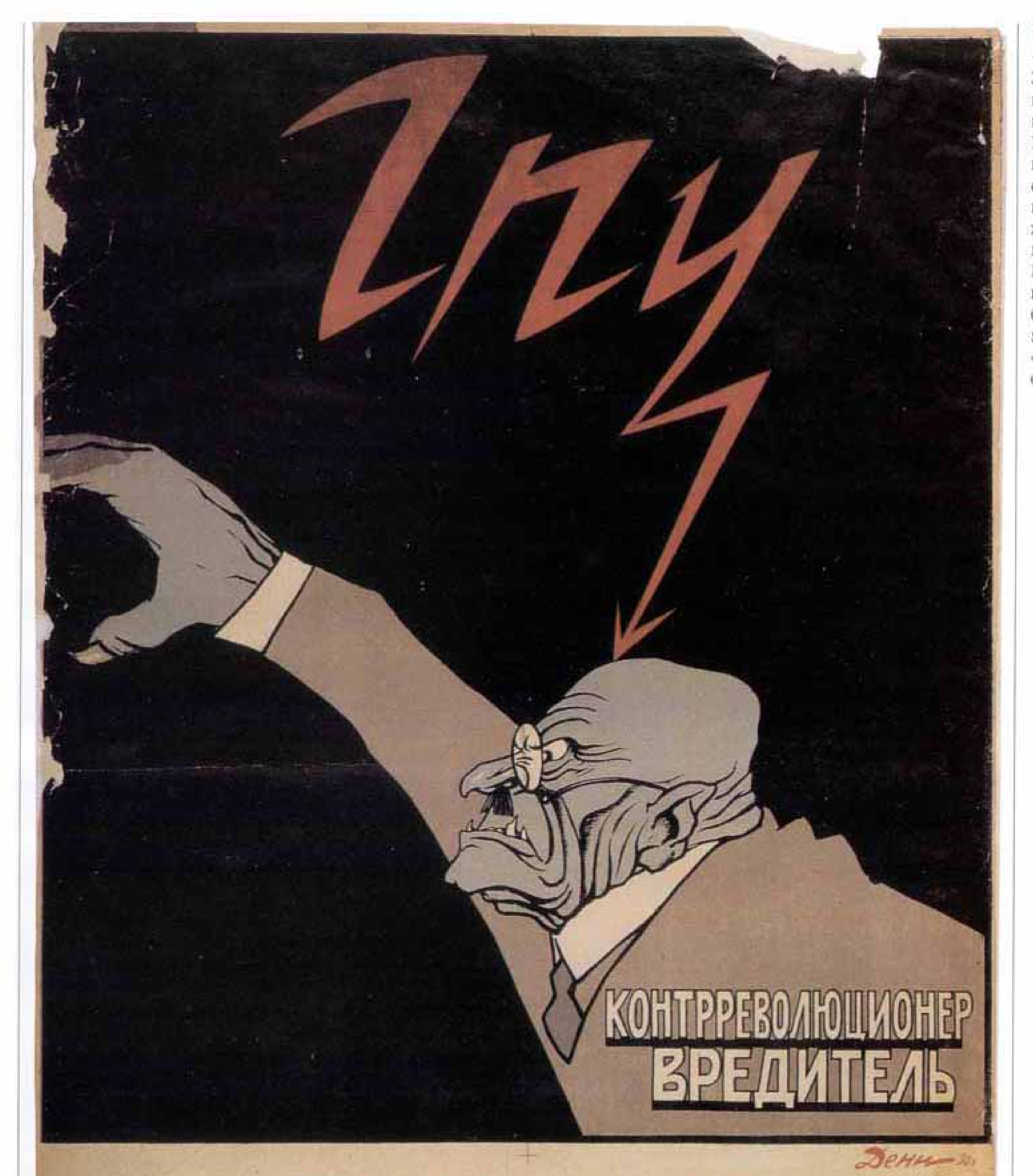
Вот прохвосты!

ВЕРНО:

[illegible] Алма-Атинского Окротдела

г. АЛМА-АТА

20 января 1929 года.

ГПУ

Этот плакат — произведение карикатуриста Виктора Дени, который начинал свою политическую жизнь меньшевиком. Молния, вырисовывающая буквы ГПУ, бьет в макушку «контрреволюционера-вредителя».

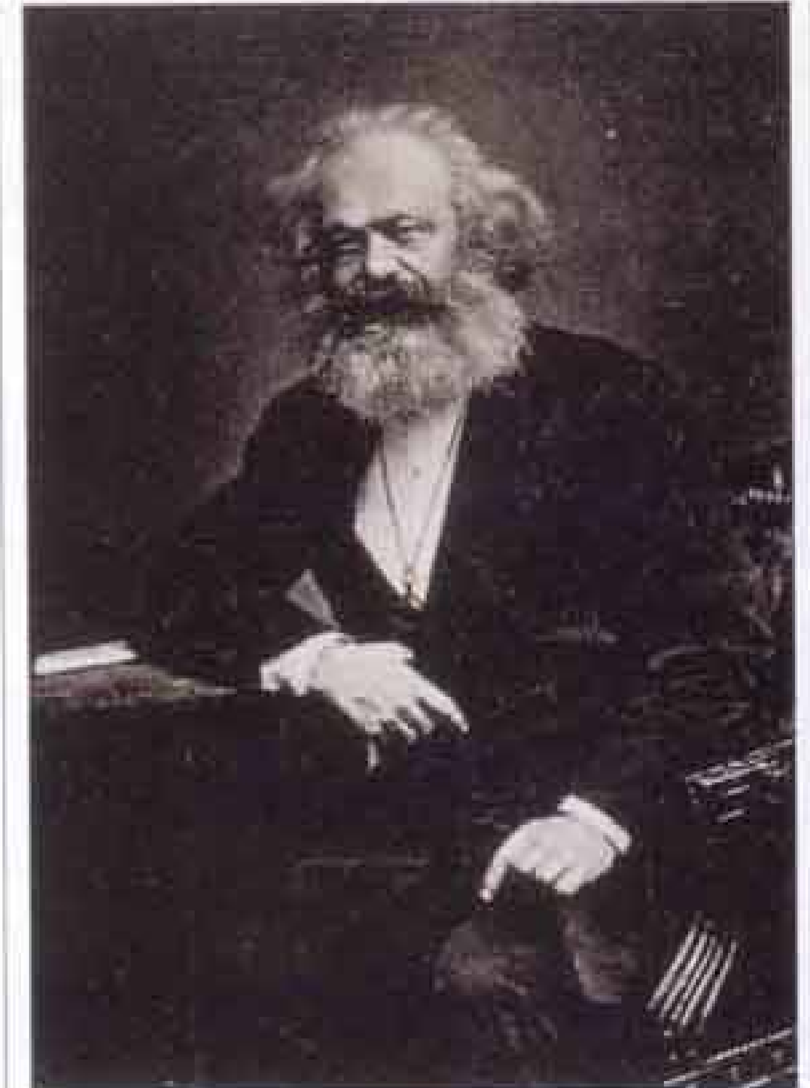
На самом деле Сталин глубоко презирал простой рабочий люд, о чем свидетельствуют хотя бы два варианта этой фотографии, сделанной в 1930 г., когда проходил XVI съезд ВКП(б). На первоначальной фотографии (*вверху*) один из сопровождающих услужливо показывает дорогу «Хозяину» (так часто называли Сталина). Когда снимок немного позже опубликовали в журнале «Прожектор», рабочего уже не было: нечего показывать дорогу вождю.

На XVI съезде царила атмосфера беспрекословного подчинения «Хозяину» и одобрения проводимой им беспощадной политики. Во время съезда из партии в массовом порядке исключались профсоюзные работники, которых Сталин обвинил в том, что интересы рабочих они ставят выше интересов государства. Под лозунгом «Уничтожим кулачество как класс!» истреблялись миллионы крестьян; в разгар этого процесса XVI съезд провозгласил курс на длительную и упорную борьбу за коллективизацию сельского хозяйства.

На стр. 128: 1930 год, узбекские колхозники идут на поля.

Слева: Сталин и его вторая жена, Надежда Аллилуева (в центре), с супругами Ворошиловыми на пикнике в Грузии (1930). Черствость и грубость, с которыми Сталин относился к жене, усугубляли ее и без того тяжелую депрессию. Кончилось тем, что 8 ноября 1932 года Надежда Аллилуева покончила с собой. Оставшиеся годы Сталин прожил в одиночестве. Фотографию сделал Николай Власик, начальник охраны Сталина, впоследствии генерал-лейтенант.

СТАРШЕ И МУДРЕЕ

Справа: Энгельс и Маркс на открытке, выпущенной в 1933 г. издательством «Союзфото» по случаю пятидесятилетия со дня смерти Маркса. Это фотомонтаж: художник поместил рядом друг с другом фотографию Энгельса, изготовленную в Брайтоне (Англия) в 1877 г., и подретушированный портрет Маркса, тоже сделанный по фотографии, снятой в Лондоне 24 августа 1875 г. (*вверху*); в момент съемки каждому по пятьдесят семь лет. Маркса понадобилось «состарить» для того, чтобы рядом с «моложавым» Энгельсом он выглядел более мудрым и почтенным. На самом деле разница в возрасте у них составляла всего два года.

МАРКС и ЭНГЕЛЬС.

ФОТО-КАЛЕНДАРЬ на 1933 г.

СОВЕТСКИЕ ГРАЖДАНЕ

Передовая статья еженедельника «Прожектор» в одном из мартовских номеров 1934 года поведала о прибытии в Москву трех болгарских коммунистов: Георгия Димитрова, Благоя Попова и Васила Танева. Все трое получили советское гражданство и благодаря этому смогли уехать из Германии. На фотографии, слева направо: С. Орджоникидзе, Д. Мануильский, В. Кнорин, В. Молотов, Л. Каганович, К. Ворошилов, Г. Димитров, В. Куйбышев, И. Сталин, Попов и Танев.

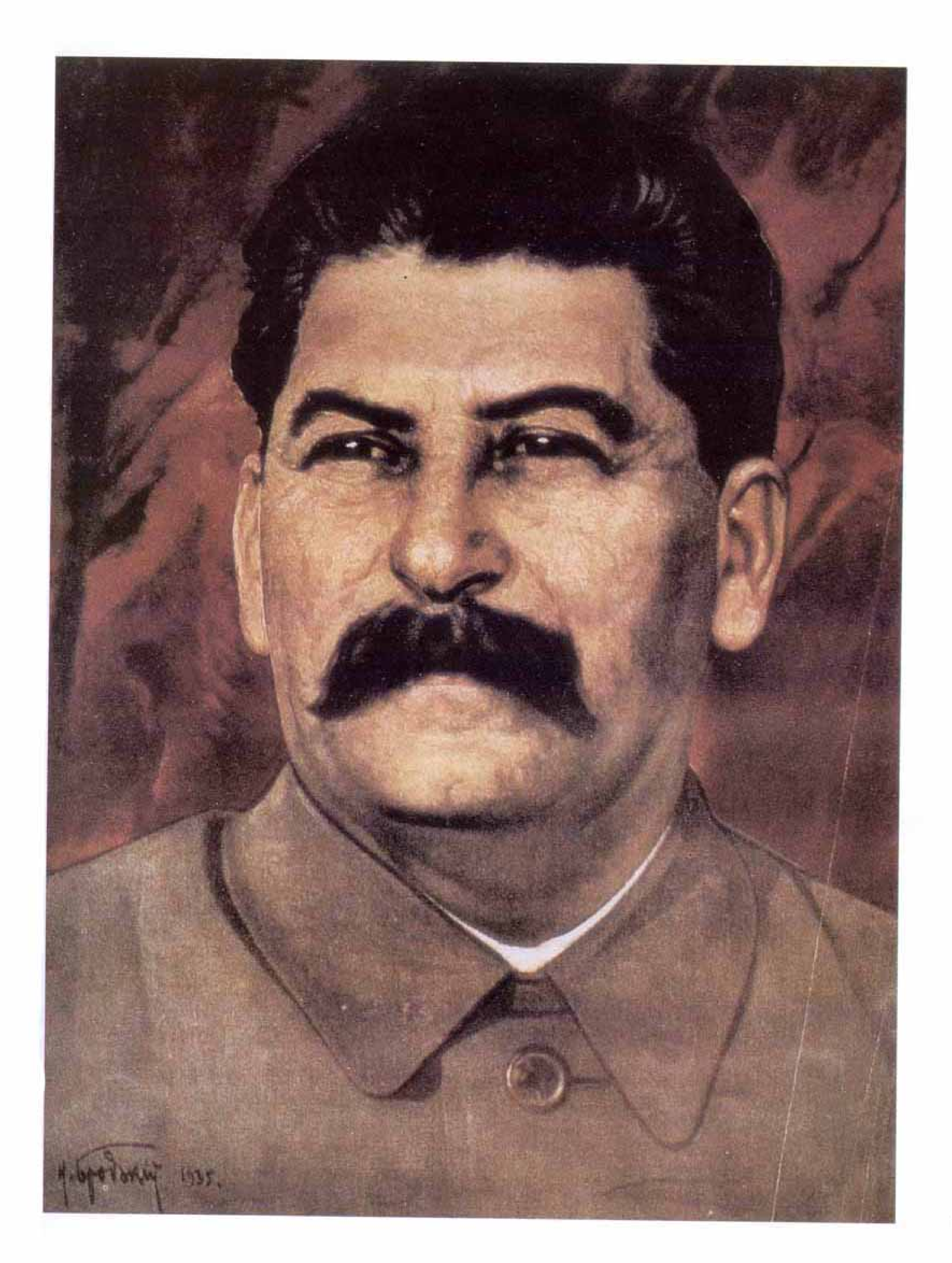
Три года спустя советский суд на основе ложных доносов осудил Попова и Танева — поэтому их нет на отретушированном варианте фотографии, сделанном в конце 30-х годов (*второе сверху*). Нет и латыша Кнорина, которого — по подозрению в «заговоре против Сталина» и в «националистическом уклоне» — подвергли в НКВД пыткам раскаленным железом.

Наконец, в болгарском издании 1949 г., посвященном семидесятилетию Сталина, помещена та же фотография (*слева*), но уже без Орджоникидзе и Мануильского.

Не исключено, что Димитров, в 1946 году назначенный премьер-министром Болгарии, лично распорядился удалить Мануильского, с которым он соревновался за благосклонность Сталина в период «большого террора».

На стр. 133: портрет Сталина, выполненный Исааком Бродским в 1935 году.

И. Бродский 1935.

УБИЙЦЫ

Слева: на этом снимке (публикуется впервые) мы видим прокурора СССР Вышинского (первый ряд, седьмой слева) вместе с 228 его сотрудниками. Снимок сделан 23 апреля 1934 г. во дворе того здания в Москве, которое они превратили в фабрику смерти. Перед нами — те, кто, прикрываясь фразой о «социалистической законности», приговорили к расстрелу, отправили в лагеря миллионы ни в чем не повинных людей. Вместе с коллегами из НКВД они изобретали изощреннейшие методы допросов, пытки одну страшнее другой, ради того, чтобы калечить не только тела, но и души своих жертв. Спустя семь-восемь месяцев после того, как была сделана эта фотография, появился закон, согласно которому смертные приговоры приводились в исполнение немедленно: осужденных убивали, выстрелом в затылок, уже на пути в подвал или казнили внизу.
В первом ряду второй слева — известный своей кровожадностью судья Ульрих (улыбается). Немного дальше сидит (в кепке) Крыленко, нарком юстиции; он был государственным обвинителем на многих политических процессах. Сталин недолюбливал Крыленко — и в 1938 г. приказал арестовать его и расстрелять без суда.

Вышинский и Ульрих регулярно являлись к Сталину, чтобы отчитаться о последних казнях и получить указания относительно дальнейших действий. Вышинский, ревностно следуя лозунгу о «всеобщей бдительности», в 1937 г. с помощью Николая Ежова провел чистку и у себя в прокуратуре. Большинство из тех, кого мы видим на этой фотографии, не дожило до конца десятилетия. Вышинский же и Ульрих пережили все чистки. Они умерли в 50-х годах — и до сих пор покоятся в парадных могилах. Снимок был выставлен в витрине одного московского букинистического магазина уже в годы перестройки.

ПОКУШЕНИЕ

1 декабря 1934 года в коридоре Смольного был убит Киров (*вверху* — прощание с Кировым); его застрелил мелкий служащий по фамилии Николаев, потерявший работу. Причина покушения на руководителя ленинградской парторганизации не до конца ясна и по сей день: материалы следствия никогда не были опубликованы в полном объеме. Зато точно известно, что Сталин очень боялся огромной популярности своего верного союзника Кирова. Он полагал, что Киров является ему потенциальным конкурентом, а потому и опасен. Появление Кирова на XVII съезде ВКП(б) делегаты встретили шумными приветствиями. Волна репрессий против «врагов, поднявших руку на Кирова», дала повод уничтожить по всей стране много сотен «буржуазных элементов» и бывших дворян. Затем были арестованы и отправлены в лагеря многие тысячи «троцкистов и зиновьевцев», а заодно — множество правоверных сталинистов. Волна террора вздымалась все выше.

РЕТУШЬ В АРХИТЕКТУРЕ

Здание КГБ (знаменитая Лубянка); до 1917 г. здесь размещалась страховая компания. В 30-х годах в этом доме днем и ночью работал конвейер пыток и смерти.

Фотографии показывают, как менялось здание. Барочные элементы исчезают под бетонной массивностью, характерной для брежневской эры. Первоначальный облик дома виден на фотографии 1917 г. (*самая верхняя*); снимок слева сделан в 1976 г. Снимок справа показывает, какой серьезной реконструкции подверглось здание к 1984 г.

В центре площади — памятник Дзержинскому. В августе 1991 г., ночью, незадолго до краха советского строя, сорокатонный колосс был свергнут (*справа*).

Без активной помощи политической полиции Сталин не добился бы безграничной власти над партаппаратом и страной. С середины 30-х гг. ОГПУ (его преемником стал НКВД) был настоящим «государством в государстве»; в руках у него находился и послушный судейский корпус, который открыто следовал принципу: любое несогласие со сталинским генеральным курсом является тяжким преступлением. Систему дополняла гигантская, опутавшая весь Советский Союз сеть лагерей, безжалостно перемалывавшая миллионы людей.

Стр. 137: арестованного проводят боковым входом в здание Лубянки.

ТЁПЛАЯ ВСТРЕЧА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Сталин и члены Политбюро (*вверху*) 19 июня 1934 г. встречают челюскинцев. Как известно, «Челюскин» застрял в арктических льдах, команда два месяца жила на льдине. Правительство СССР запретило американцам участвовать в их спасении, боясь, что самолеты США сядут где-нибудь на территории ГУЛАГа. В конце концов команду ледокола, ценой героических усилий, спасли советские летчики.

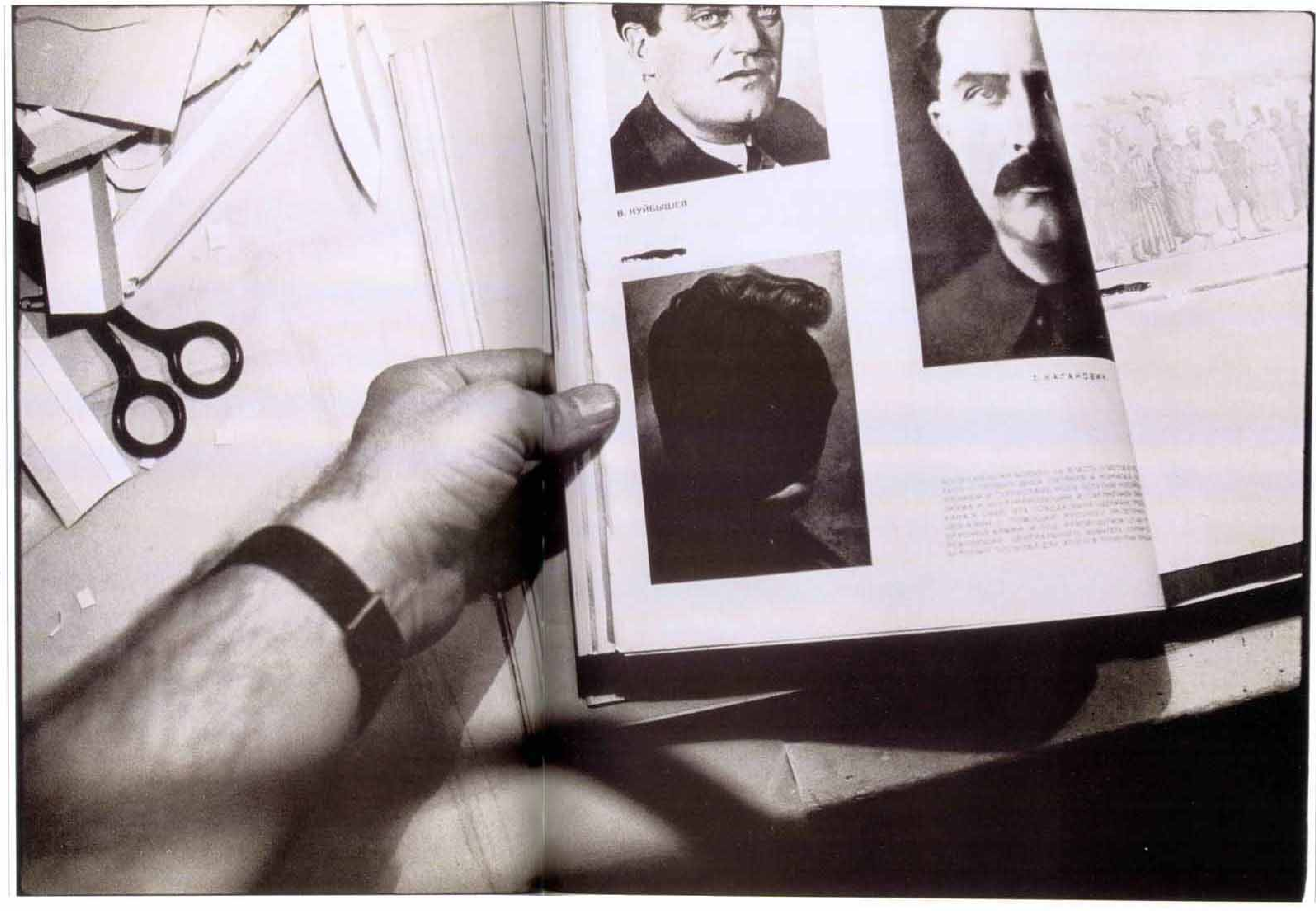
На стр. 139: в альбоме, изданном в честь знаменательного события, поместили и эту фотографию — чуточку изменив ее. Зевак, стоящих на первом фото слева, убрали совсем. Лазарь Каганович, в то время второй человек в партаппарате — на первом снимке его почти полностью загораживает Ворошилов (второй справа), — теперь хорошо виден на правом краю фотографии, за Куйбышевым. Поднятую руку его, правда, убрали, однако кусочек его правого плеча (присмотримся внимательно к обеим фотографиям) так и остался за плечом у Ворошилова. Зато ретушеры старательно убрали весь мусор, валявшийся у наркомов под ногами.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ УЗБЕКИСТАНА

В 1934 году ОГИЗ (Государственное издательство) поручило Александру Родченко оформить альбом «Десять лет Узбекистана» (фото *справа* и *внизу*), который решено было издать к десятой годовщине советской власти в этой среднеазиатской республике. Альбом получился массивный, с огромным количеством портретов высших чиновников, со множеством страниц, на которых живого места не было от обилия фальшивых статистических данных. Несмотря на все это, альбом получился очень интересным, главным образом — благодаря оригинальным художественным решениям, найденным Родченко: сложенным двойным страницам, смелой компоновке и рельефной печати фотографий, многоцветным и двуцветным иллюстрациям. Русскоязычное издание вышло в 1934 году, узбекское же, с некоторыми «политическими» изменениями, лишь в 1935-м. Однако наступил 1937-й год, время «больших чисток», когда Сталин распорядился «проредить» и узбекское руководство. Посыпались головы...

Многие руководители, чьи фотографии напечатаны в альбоме «Десять лет Узбекистана», были расстреляны. Вот почему альбом нежданно-негаданно превратился в нелегальную литературу. А Родченко волей-неволей принялся уродовать свой собственный экземпляр, замазывая портреты толстым слоем черной туши. Результат был одновременно жесток и абсурден. На следующих шести страницах вы увидите шесть портретов — пять мужских и один женский, — испорченные самим Родченко.

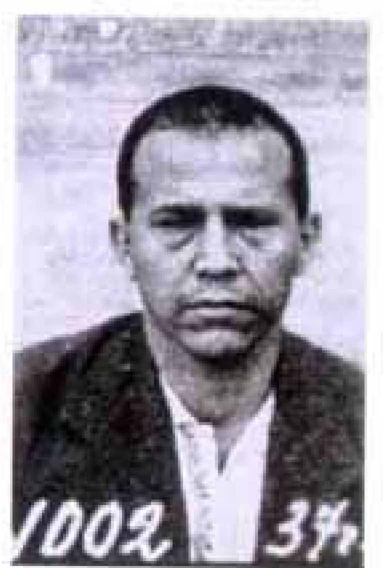

А. А. Цексер, секретарь ЦК компартии Узбекистана. Судьба его неизвестна.

O[redacted]A. A., Oz K (в) P MQ KATIBI

Акмаль Икрамов, Первый секретарь компартии Узбекистана. По приказу Сталина был арестован, отдан под суд и, вместе с Бухариным, Файзуллой Ходжаевым и другими, расстрелян. Сталин, очевидно, не забыл, как в 1934 г., на XVII съезде ВКП(б) — «съезде победителей» — Икрамов предостерегал его от самоуверенности. В разгар «большого террора» Икрамова исключили из партии и 12 сентября 1937 г. передали НКВД. Ташкентские члены партии приветствовали весть о его аресте «бурными аплодисментами».

Последняя фотография Икрамова, сделанная в тюрьме НКВД.

Файзулла Ходжаев, в течение многих лет глава узбекского Совнаркома. В свое время был одним из основателей национального движения младобухарцев и лишь в 1922 году присоединился к большевикам. По приказу Сталина был арестован: его обвинили в национализме и в заговоре, целью которого было «отдать Среднюю Азию англичанам». В 1938 г. был отдан под суд, затем расстрелян вместе с Бухариным, Рыковым и другими партийными и хозяйственными руководителями.

Ozbekstan aidida keŋ imkanlar acilajatir. Ozbekstannin işci-

[redacted], OzSSR MIQ RAIS OKUNBASARI

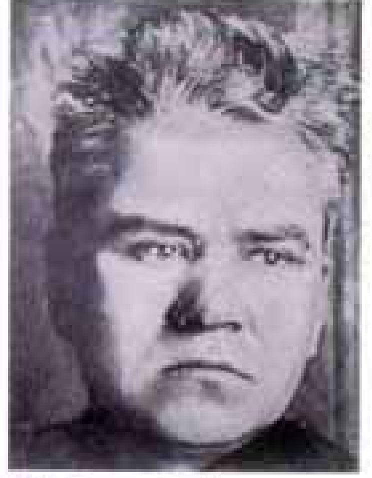
Д. Абидова, член узбекского Совнаркома. Судьба ее не ясна до сих пор. Известно лишь, что она исчезла в годы «большого террора».

Латыш Ян Рудзутак, участник подпольного движения с дореволюционных времен. В партии с 1905 г.; отсидел в царских тюрьмах целых десять лет. В борьбе за власть, развернувшейся после смерти Ленина, поддерживал Сталина. В 1926 г. — кандидат в члены Политбюро. Но в годы борьбы за выполнение Первого пятилетнего плана иногда выступал против грандиозных сталинских прожектов. В мае 1937 г. был арестован на вечеринке вместе с четырьмя женщинами; спустя три месяца тех видели в Бутырке в обносившихся вечерних платьях, в которых они были на злополучном празднестве.
28 июля 1938 г. Ежов послал Сталину список из 138 фамилий, и Сталин, почти не глядя, написал внизу: «Расстрелять всех сто тридцать восемь». В списке был и Рудзутак. Среди выдвинутых против него нелепых обвинений значилось, что он шпионил в пользу Германии. Казнен в 1938 г.

JA. [redacted]

ATKAŞLARI RUS PROLETARIATININ VA QZIL
NNIN JARDAMI BLAN HAMDA PROLETAR INQLA-
STABI BOLGAN BOLŞEVIKLAR PARTIJASI

Латышский большевик Яков Петерс после революции был назначен заместителем начальника ЧК. В 1909–1917 годах жил в эмиграции, работал в пригороде Лондона. Женился на англичанке, Мэй Фриман, был членом Лейбористской партии. После 1917 г. в Советской России играл большую роль в политическом терроре и массовых расправах. По приказу Сталина арестован и расстрелян в 1938 году. Его дочь также была арестована после войны как «английская шпионка».

Вверху: Сталин и члены Политбюро на XVII съезде ВКП(б) в конце января 1934 года. Стоят (слева направо): Авель Енукидзе (секретарь ЦИК), Климент Ворошилов, Лазарь Каганович и Валериан Куйбышев. Сидят: Серго Орджоникидзе, Сталин, Вячеслав Молотов и Сергей Киров.

Справа: в июне 1935 года Центральный Комитет исключил Авеля Енукидзе из партии. «Правда», сообщая об этом, писала о нем как о «типичном образчике ... разложившихся, переродившихся, меньшевиствующих "коммунистов"» и обвиняла его в «гнилом либерализме». На самом деле Енукидзе долгие годы тянул воз повседневной административной работы в Кремле. Однако в глазах своего старого друга — Сталина — он допустил тяжкую ошибку, подняв голос против террора, развязанного в стране после убийства Кирова, совершенного в декабре 1934 года. А за восемнадцать месяцев до того, как его устранили, Енукидзе, выступая перед делегатами XVII съезда, сказал: «Товарища Сталина окружают лучшие люди нашей партии».

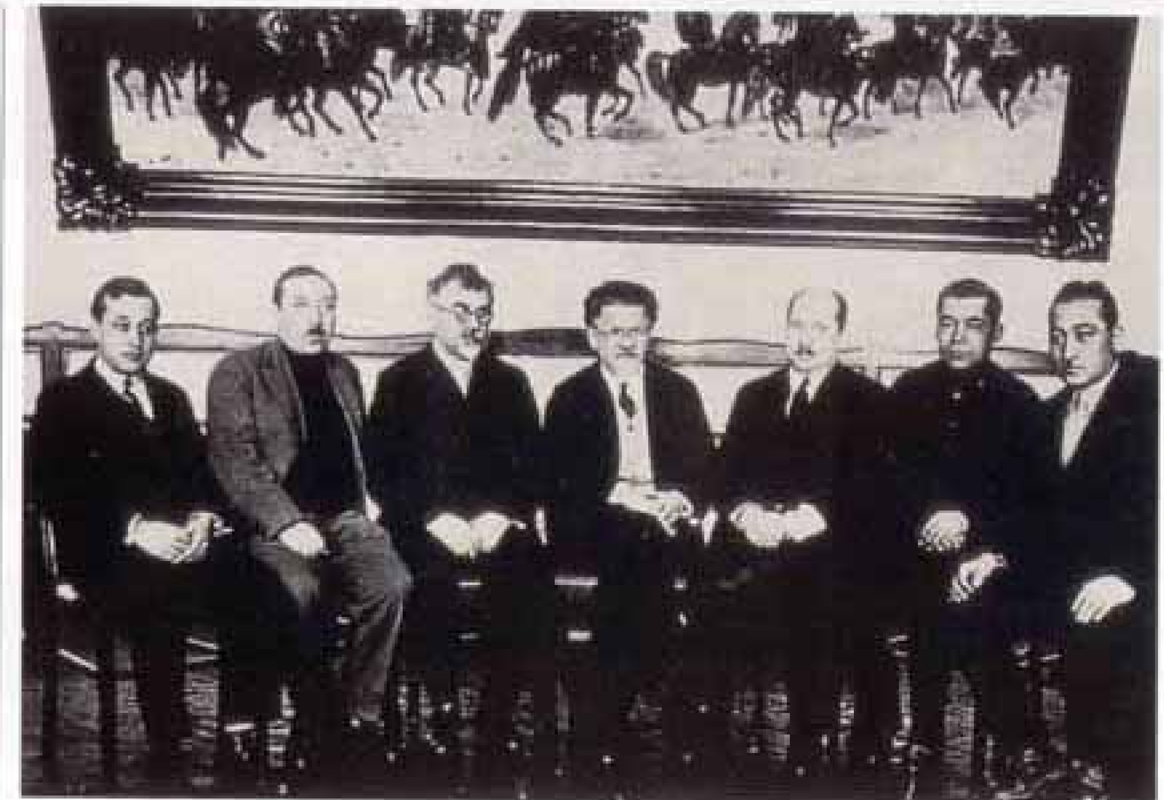
В съезде принял участие 1961 делегат. По прежним официальным данным, 1018 из них были ликвидированы. Сегодня мы знаем, что их было куда больше.

СТАРЫЙ ДРУГ СТАЛИНА

БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ НАЦИОНАЛЬНЫХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Вверху: семь председателей ЦИК Советского Союза с секретарем ЦИК, Авелем Енукидзе (стоит сзади), в 1935 году. Едва ли не всех этих политических деятелей ждал печальный конец. Слева направо: Файзулла Ходжаев (Узбекистан), Газанфар Махмуд оглы Мусабеков (Закавказье), Григорий Петровский (Украина), Михаил Калинин (Российская Федерация), Александр Червяков (Белоруссия), Абдулло Рахимбаев (Таджикистан) и Недирбай Айтаков (Туркменистан). Ходжаева расстреляли в 1938 году. Мусабекова, тоже в 1938-ом, арестовал и застрелил Берия. Червякова в 1937 году обвинили в шпионаже, и он прямо в своем кабинете покончил с собой. Рахимбаева в сентябре 1937 года задержали на параде, посвященном Дню молодежи; его обвинили в том, что он якобы держит гарем, и расстреляли. Айтаков также стал в 1938 году жертвой чисток. Петровский и Калинин умерли после войны, своей смертью, но члены семей обоих прошли через лагеря.

Слева: спустя некоторое время в альбоме, выпущенном в честь съезда, опубликовали почти ту же фотографию; только с нее исчез Енукидзе.

Вверху: групповая фотография из русскоязычного издания альбома «Десять лет Узбекистана». Сидят (слева направо): Ахун Бабаев, Вячеслав Молотов и Авель Енукидзе. Стоят: Ортакулар Блан Бирликда, Заларидан Авезов и Файзулла Ходжаев.

На стр. 151, вверху: узбекский вариант альбома «Десять лет Узбекистана» вышел в 1935 году, уже после того, как Енукидзе вывели из Центрального Комитета. Так что узбекские аппаратчики вместе с Молотовым остались, но с удалением Енукидзе пиджак Ходжаева пришлось основательно перекраивать.

На стр. 151, внизу: результат «корректив», внесенных Александром Родченко в собственный (русскоязычный) экземпляр. В 1937 году Сталин дал добро на расстрел Енукидзе. Он был одним из многочисленных старых большевиков, убитых Ежовым. Вместе с ним погибли члены его семьи.

ЖЕРТВА ДОНОСА ЗАВИСТНИКА

Талантливый латышский художник Густав Клуцис (*справа*), работавший и живший в Москве, во время революции принадлежал к авангардистам, позже стал самым преданным Сталину автором различных политических фотомонтажей и плакатов. Начиная с 1928 года, он без устали, используя весь арсенал супрематистской композиции, динамичной типографики и монтажа, создавал плакаты, прославляющие коллективизацию, индустриализацию, а главное — Сталина. Его громадные, изданные стотысячными тиражами плакаты призывали «народные массы» «выполнить и перевыполнять производственные нормы», «бороться за планы Пятилетки».

В 1938 году некий художник, завидовавший Клуцису, донес на того в НКВД: Клуцис-де — империалистический агент, «работает на англичан». Доказательство было одно: Клуцис знает английский язык. Клуцис был арестован и сгинул в сталинских застенках.

Вверху: известный плакат Клуциса «Под знаменем Ленина», изготовленный в 1930 году и агитирующий за Пятилетку. Теперь, когда мы знаем дальнейший ход событий, плакат обретает зловещий оттенок: размытое лицо Сталина, которое маячит за ничего не подозревающим Лениным, словно бы становится пророческим видением того, как в 30-е годы извратили идеи марксизма.

ВЫШЕ ЗНАМЯ МАРКСА ЭНГЕЛЬСА ЛЕНИНА и СТАЛИНА!

Фотомонтаж был для Сталина идеальной художественной формой. Его изображение, увеличенное до гигантских размеров, оказывалось в одном ряду с портретами великих мыслителей. Художники подчеркивали его единство с народом — в действительности же он избегал всяких контактов с ним.

Вверху: плакат Клуциса «Выше знамя Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина!» (1933).

Справа: неиспользованный вариант этого плаката.

На стр. 155, внизу: демонстрация латышской молодежи (Рига, 1940) в поддержку советских войск, вошедших в Латвию. В руках у демонстрантов — репродукция плаката Клуциса, который в то время уже был репрессирован.

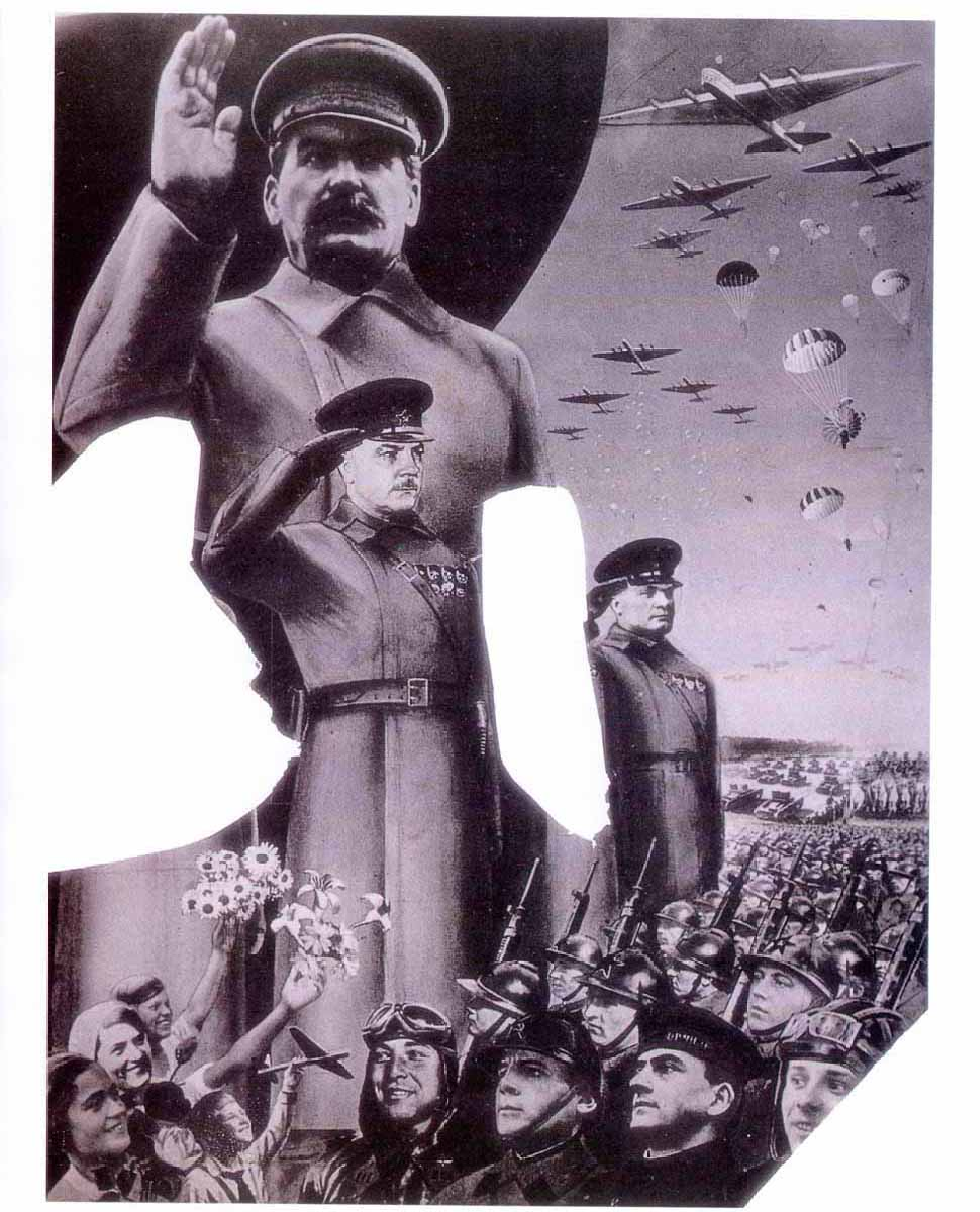

«Да здравствует наша счастливая социалистическая Родина. Да здравствует наш любимый великий Сталин!» — читаем мы на плакате (1935), выражающем апофеоз верности сталинизму (*стр. 156*). Грубое нарушение законов перспективы, несоблюдение масштаба — все это делает плакат ярким образцом советского сюрреализма. На самолетах, летящих над Красной площадью, написано: «Владимир Ленин», «Иосиф Сталин», «Максим Горький», «Михаил Калинин» и т. д. Эскадрильи самолетов составляют в небе слово «Сталин».

На стр. 157: матрица плаката Клуциса «Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия!» Когда маршал Тухачевский и начальник Политуправления РВС Гамарник стали жертвами чистки, добравшейся и до Красной Армии, Клуцис вырезал их, оставив Ворошилова. Маршал Егоров (арестован в 1939 г. и умер под пытками на Лубянке), как видим, на плакате пока присутствует.

ВЛАДИМИР
ЛЕНИН
ИОСИФ
СТАЛИН
МАКСИМ
ГОРЬКИЙ
Клуцис
А ЗДРАВСТВУЕТ НАША СЧАСТЛИВАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РОДИНА.
А ЗДРАВСТВУЕТ НАШ ЛЮБИМЫЙ ВЕЛИКИЙ СТАЛИН!

САРКОФАГ ДЛЯ УДАРНИКА

Слева: татарские делегаты II Всероссийской конференции передовиков производственных кооперативов со Сталиным и членами Политбюро в феврале 1935 года. Фотография сохранилась в настолько плохом состоянии, что стоящие позади товарищи словно бы изрешечены очередью из пулемета. Однако тень рядом со Сталиным — результат сознательного вмешательства. Близость к вождю, будь она идейной или физической, отнюдь не означала гарантию долгой жизни.
Вверху: другой снимок Сталина, сделанный на той же конференции.

ИЩИ ВРАГА!

На фотокомпозиции (*справа*) мы видим выпускников курсов усовершенствования руководящих спецработников (на самом деле это — работники органов внутренних дел) 1935 года. Отсутствующие в верхнем ряду четверо «спецработников», как показывает фото, стали жертвами похода против «саботажников» и «вредителей». «Правда» заявляла, что «ни одна неполадка, ни одна авария не должна пройти для нас незамеченной. Мы знаем, что агрегаты сами по себе не останавливаются, станки сами не ломаются, котлы сами по себе не взрываются. За каждым таким актом спрятана чья-то рука. Не рука ли это врага?». Малейшая ошибка, ляпсус, опечатка подвергались обстоятельнейшему расследованию. Рабочие — в равной степени квалифицированные и неквалифицированные — в массовом порядке становились жертвами репрессий.

Вверху: картина Федора Антонова «Разоблачение диверсанта в цеху» (1938).

Вторая иллюстрация сверху: «Товарищ Сталин с железнодорожниками в Тбилиси в 1926 году». Картина Ираклия Моисеевича Тоидзе была представлена на Выставке социалистической индустрии, организованной в 1939 году. Это сомнительное произведение наверняка было бы давно забыто, если бы не преподносилось как исторический документ. На самом деле Сталин не общался с рабочими и никогда не посещал ни заводов, ни колхозов, так как боялся покушения.

КУРСЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РУКОВОД. СПЕЦ РАБОТНИКОВ системы НКЗ СССР

В.И.ЛЕНИН

июль 1935 г.

Вверху: Президиум VII Всемирного конгресса Коминтерна, открывшегося 25 июля 1935 в Москве. Слева направо: М. Торез, Сталин, М. Кашен, И. Пятницкий, Г. Димитров и В. Пик. Четырнадцать лет спустя, снова публикуя эту фотографию, над ней хорошо поработали (*справа*), убрав Пятницкого, которого Ленин называл «одним из лучших большевиков».

С 1923 г. Пятницкий руководил аппаратом Коминтерна. Летом 1937 г. он выступил перед членами ЦК, протестуя против возрастания могущества НКВД, 7 июля был арестован по обвинению в шпионаже и подвергнут ужасным пыткам, а год спустя расстрелян; вместе с ним на Лубянке было уничтожено еще 137 членов руководящей верхушки СССР. Жену Пятницкого тоже забрали, далее следы ее теряются; старший сын провел много лет в лагерях. «Мы должны вытерпеть все — лишь бы сохранилась партия», — сказал однажды Пятницкий.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Когда руководство СССР провозгласило лозунг о «построении социализма в одной, отдельно взятой стране», мечта о мировой революции, лелеемая в 20-е годы, практически развеялась. В 1943 г. Коминтерн был распущен. *На стр. 163:* в фотомонтаже, где Сталин изображен среди высших партийных работников, не так уж много женщин, чтобы помещать этот монтаж на обложке журнала «Работница» (январь 1935 г.). Этот спецномер был посвящен VIII Всесоюзному съезду Советов. На съезд была возложена важная задача — принять новую советскую конституцию, над которой самоотверженно работали, среди прочих, Бухарин и Радек и которая вошла в историю под названием Сталинской. Позже Бухарин и Радек были ликвидированы. *На стр. 164–165:* картина В. Яковлева и П. Шухмина «Товарищ Сталин в окружении советских людей». Репродукция опубликована в альбоме «Сталинская конституция социализма» (1937).

ДА ЗДРАВСТВУЕТ VII ВСЕСОЮЗНЫЙ С'ЕЗД СОВЕТОВ!

ЖУРНАЛ РАБОТНИЦ и ЖЕН РАБОЧИХ изд. ЦК ВКП(б)

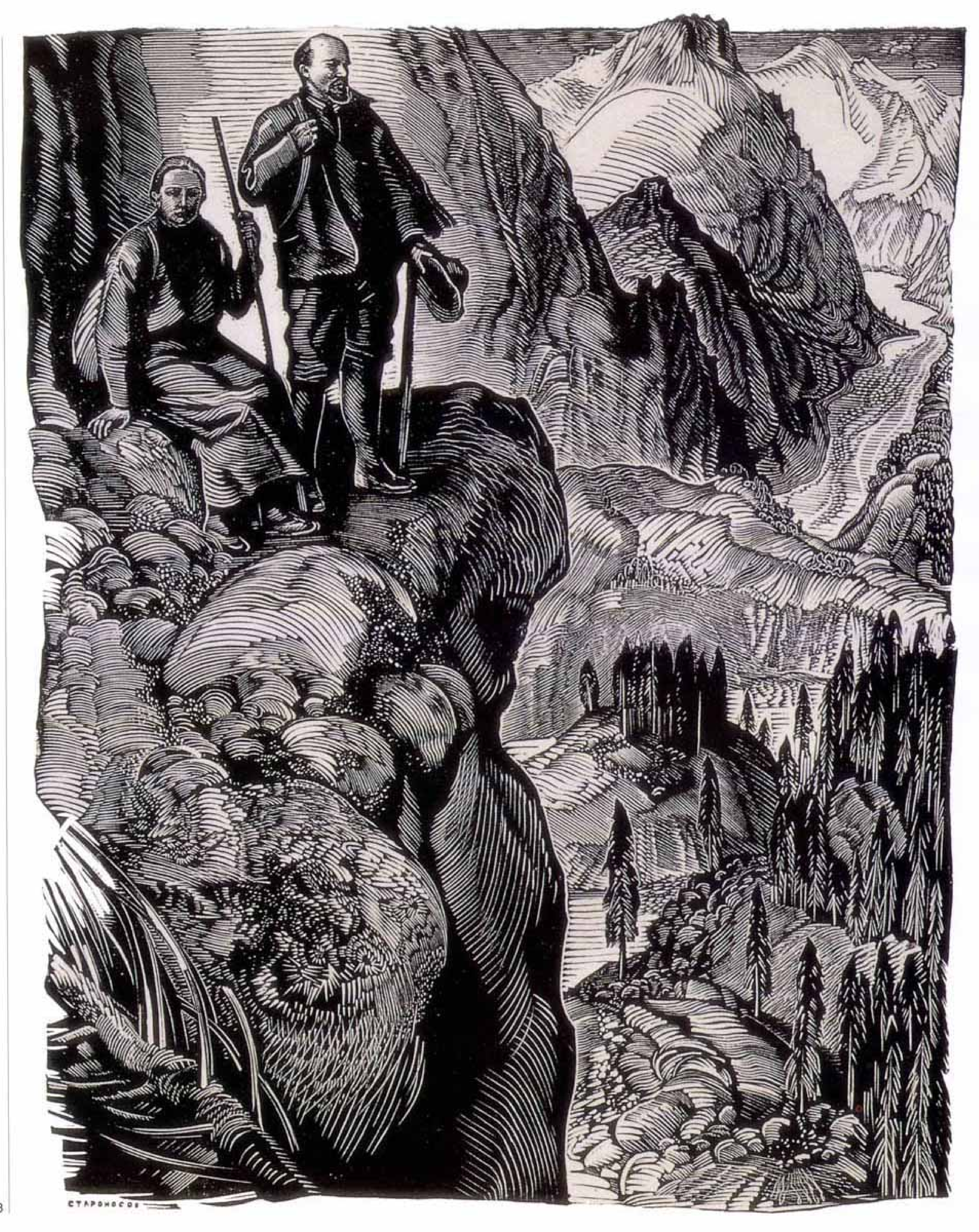
Слева, на стр. 166: эта знаменитая фотография, ставшая в Советском Союзе легендарной, запечатлела «лучшего друга детей» в радостном настроении, с букетом цветов, который преподнесла ему шестилетняя Геля Маркизова. Справа виден Ербанов, первый человек в Бурятской АССР, который здесь тоже выглядит безмерно счастливым. Снимок сделан в 1936 году на приеме в Кремле.

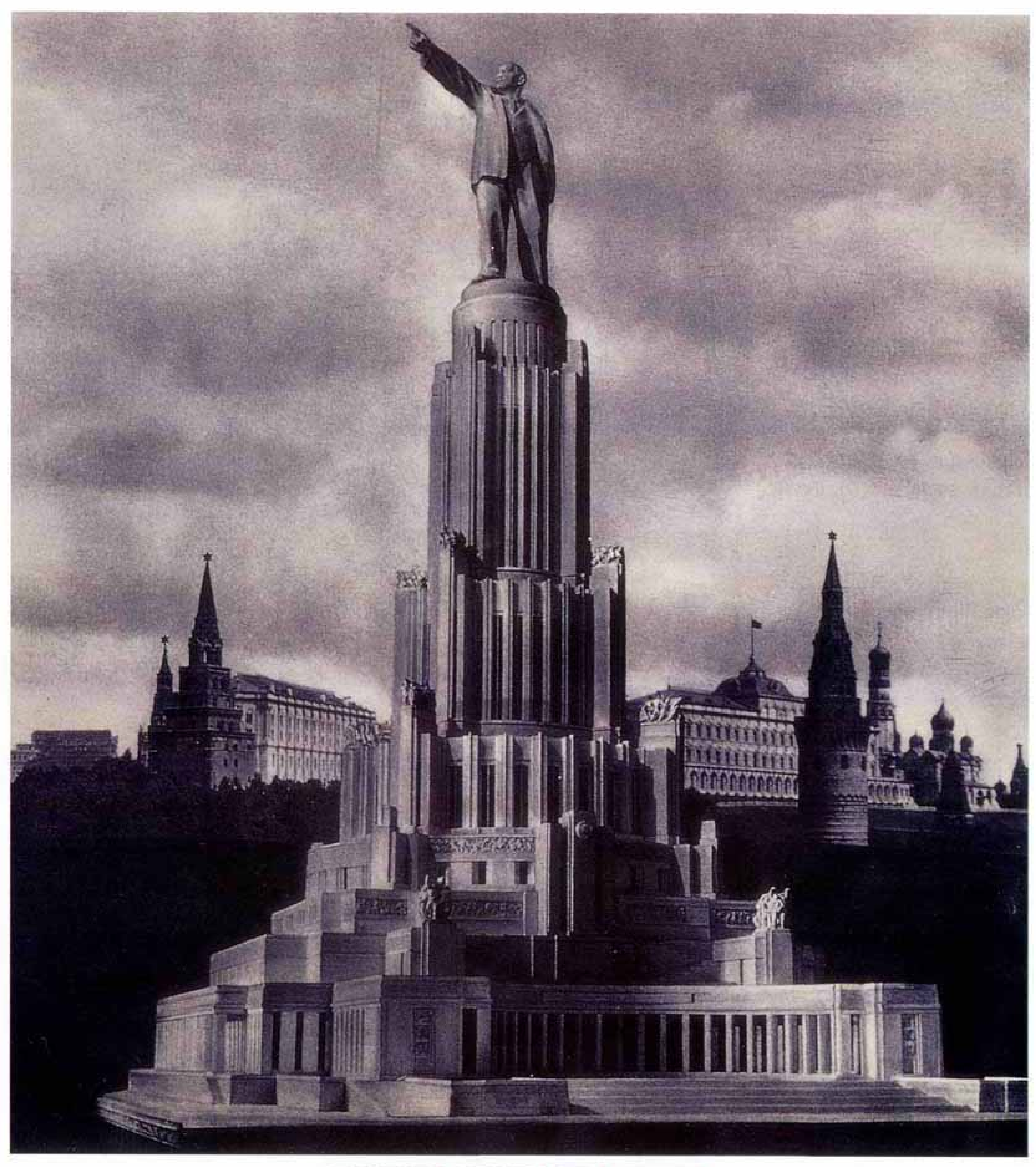
Через год отец Гели, Ардан Маркизов (*вверху, слева*), второй человек в республике, был расстрелян; его обвинили в том, что он был японским шпионом и готовил покушение на Сталина. Мать девочки, Доминика (*вверху, справа*), «жена врага народа», вскоре была убита при загадочных обстоятельствах — настолько загадочных, что власти даже не расследовали это преступление. *Вверху, в середине:* позже расстреляли и Ербанова. Когда фотография была опубликована снова, ему уже не нашлось на ней места.

Фото второе сверху: в 1937 году, в двадцатую годовщину Октябрьской революции, портрет Сталина с Гелей носили в Ленинграде по улицам, как икону. Григорий Лавров увековечил незабываемый момент в скульптуре, которая украсила станцию метро «Сталинская». Когда стало известно, что «лучший друг детей» убил родителей ребенка, скульптура утратила свою пропагандистскую ценность. А сибирский скульптор написал властям повинную.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ МГНОВЕНИЕ

СТАРОНОСОВ

ВСЕ ВЫШЕ И ВЫШЕ!

Культ Ленина достиг кульминации в 30-е годы, когда в Москве задумали построить Дворец Советов. В объявленном конкурсе победил Б. Иофан, чей проект и был утвержден в феврале 1934 года (*вверху*). На башне высотой 361 м должен был стоять памятник Ленину, высотой 91 м. Чтобы освободить место для Дворца, в центре Москвы взорвали храм Христа Спасителя. Однако вмешалась война: Дворец не был построен, успели лишь заложить фундамент. Позже здесь был размещен открытый бассейн «Москва». Мрамор разрушенного храма использовали при строительстве метро. Сегодня храм восстановлен на прежнем месте, но из новых материалов.

Слева, на стр. 168: не столь грандиозная по размерам, но не менее гротескная по исполнению гравюра П. Староносова. Напечатана в 1936 г. в книге «Жизнь Ленина». Мы видим Ленина и Крупскую в Альпах, в весьма театральной обстановке. До революции супруги три года жили в Швейцарии, в эмиграции.

В это время Ленин писал свою знаменитую книгу «Империализм как высшая стадия капитализма».

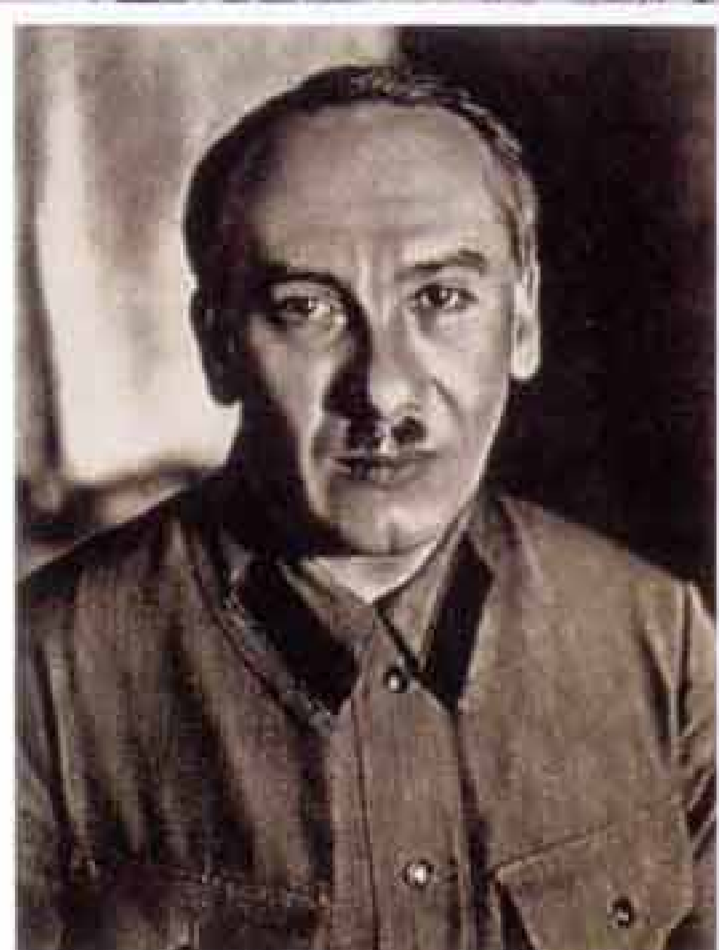
МГНОВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

В июле 1933 г. Сталин, Ворошилов, Киров и Ягода совершили прогулку на пароходе по только что открытому Беломорско-Балтийскому каналу, названному, конечно, именем Сталина. Строительство, на котором работали заключенные, потребовало громадных человеческих жертв. Восемь начальников ОГПУ, руководивших строительством, и среди них Ягода, получили ордена Ленина. Картина (*справа*), запечатлевшая эту прогулку, написана видным представителем метода соцреализма в живописи Д. Налбандяном (умер в 1994 г.). В 1937 г. Ягоду и многих его помощников, «это отребье, состоящее из воров, растратчиков и шпионов», арестовали — среди прочего за то, что «ОГПУ опоздал ... на 4 года» «в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока». Налбандян был в растерянности; но Третьяковская галерея, по указанию Ворошилова, прислала своих реставраторов, которые ликвидировали на картине Ягоду. На его месте, слева от Кирова, появилось брошенное на поручни пальто.

Внизу: заключенные на строительстве канала. Воплощение мечты в жизнь обошлось, по официальным данным, в тридцать тысяч жизней. На самом деле людей там погибло на порядок больше.

Нижнее фото: Ягода, которого в 1938 г. расстреляли на Лубянке.

Вверху: Ежов и Сталин — доверительная беседа. Дело происходит 20 декабря 1937 г. в Москве, на торжественном заседании по случаю 20-й годовщины создания ЧК. С назначением Ежова на пост главы тайной полиции деспотический режим Сталина вступил в новую фазу. Два года «ежовщины» принесли столько смертей, сколько еще не знала русская история. Сталин без устали ставил свою подпись под длинными списками фамилий, а ежовская бригада палачей из двухсот человек приводила приговоры в исполнение. Всякое сопротивление, мнимое или действительное, было сломлено.

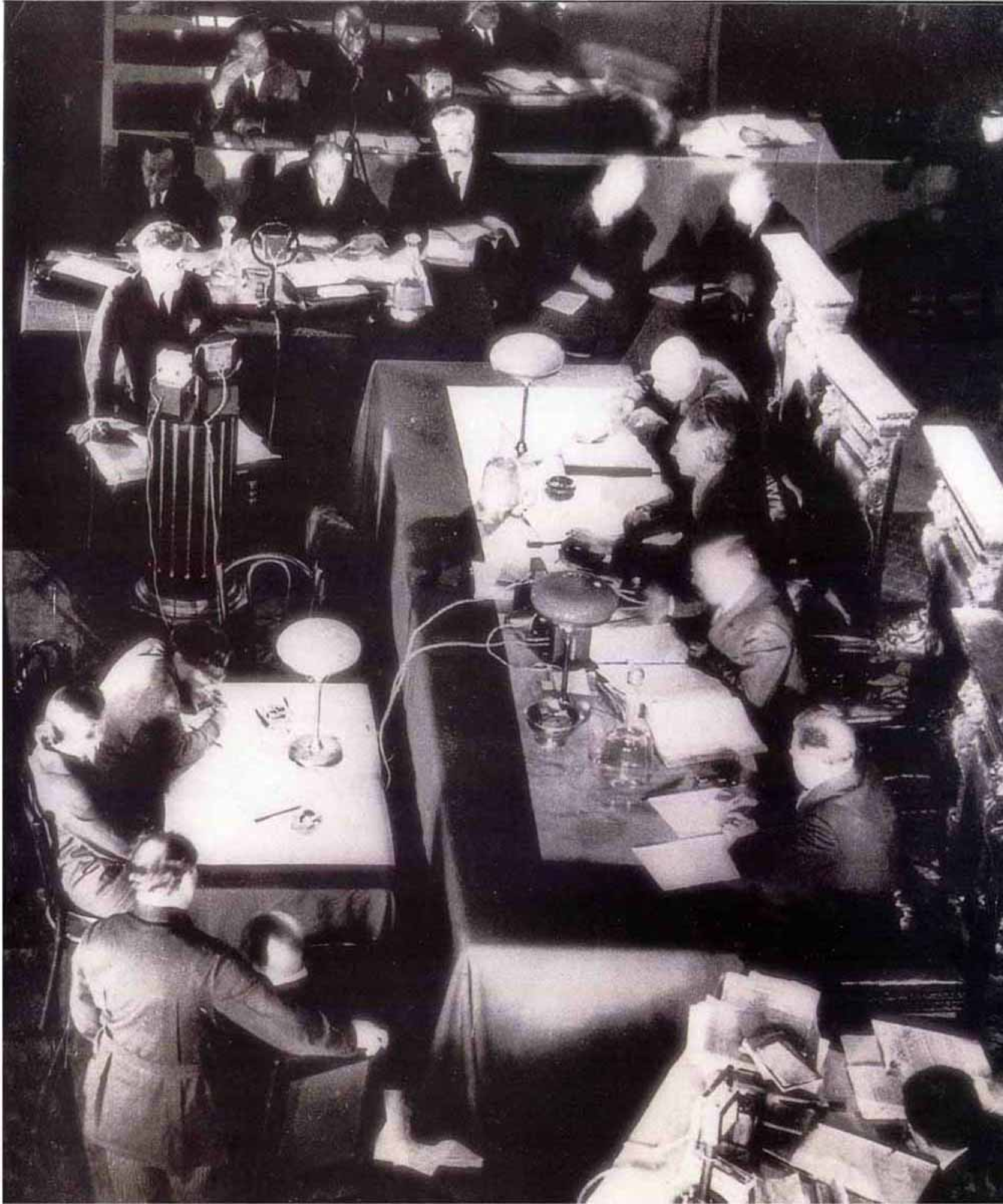

ХОРЕОГРАФИЯ УСТРАНЕНИЯ

Слева: прокурор СССР Вышинский на третьем московском процессе зачитывает обвинение по делу Бухарина, Рыкова, Зеленского и семнадцати их товарищей. «Я требую, пристрелите этих бешеных собак! — кричал он. — Пристрелите их всех до единого!»

Справа, на стр. 173: в зале суда во время одного из московских показательных процессов.

Лев Троцкий, живший в изгнании в Мексике, назвал эти процессы намеренной и заранее отрежиссированной комедией.

НА СТРАЖЕ

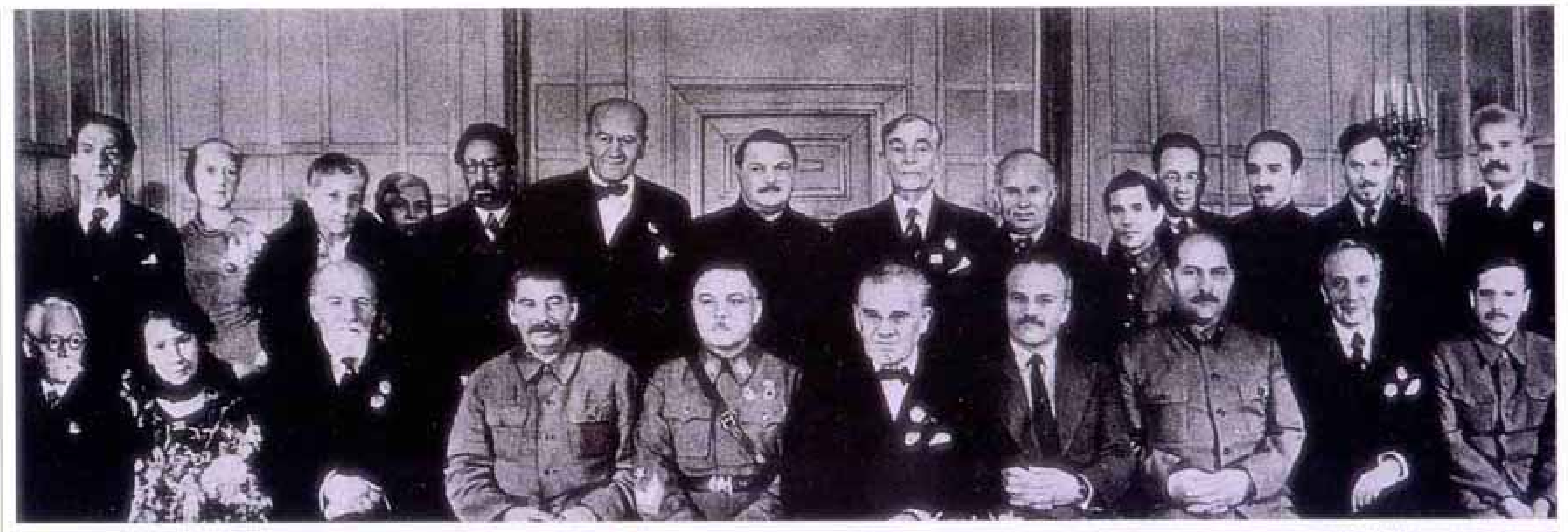
Вторая иллюстрация сверху: Эль Лисицкий, фотомонтаж для фотоальбома «Рабоче-Крестьянская Красная Армия» (1934). Слева: нарком обороны Ворошилов. Верхний ряд (слева направо): Гамарник, Тухачевский, Егоров, Халепский, Орлов, Якир. Нижний ряд: Сергей Каменев, Орджоникидзе, Буденный, Алкснис, Муклевич, Эйдеман, Уборевич.

Чистки в рядах Красной Армии начались весной 1937 г. Маршала Тухачевского и многих военачальников казнили 11 июня. Смертный приговор им подписали четыре советских маршала из пяти: Ворошилов, Буденный, Блюхер и Егоров. В скором времени под расстрел попали и Блюхер с Егоровым. С. Каменев, бывший царский полковник, во время Гражданской войны главнокомандующий Красной Армией, умер раньше; однако люди Ежова разрыли и осквернили его могилу. Ян Гамарник покончил жизнь самоубийством. В целом были уничтожены по меньшей мере 25 тысяч офицеров. Из тех, кто фигурирует на фотомонтаже, кровавую бойню пережили лишь два бездарных полководца, Ворошилов и Буденный: в скором времени они продемонстрировали свою абсолютную неспособность организовать отпор немецко-фашистскому наступлению.

На одном из заседаний Политбюро Сталин хвалил Тухачевского за талант полководца и стремление идти в ногу с быстро развивающимися теорией и военной техникой. А через 11 месяцев маршала расстреляли. Его жена Нина, мать, два брата умерли в тюрьме. Дочь, четыре сестры, почти все друзья были арестованы.

Верхний снимок: «обезглавленная» Красная Армия. Сюрреалистическое напоминание о самых мрачных днях 1937 г. в Москве. Высокопоставленных советских офицеров, стоящих рядом с Буденным, Калининым и Ворошиловым, позже убрали с фотографии.

Слева, на стр. 174: на карикатуре Б. Ефимова изображены Рыков, Сокольников, Бухарин, Раковский и Троцкий как «лакеи нацистов»: они с ногами влезли в корыто, над которым надпись «Фатерлянд». Карикатура появилась в 1938 г., в дни 3-го московского процесса. Вскоре старший брат карикатуриста, известный журналист М. Кольцов, тоже оказался в тюрьме и в начале 1940 г. был расстрелян.

УТОНУВШИЙ В КРОВИ

Верхнее фото: руководители партии и правительства с артистами Московского Художественного театра в день празднования сорокалетнего юбилея труппы, 27 октября 1938 г. Ежов — во втором ряду, пятый справа, рядом с Никитой Хрущевым.

Фото второе сверху: ту же фотографию вновь опубликовали в 1949 году, в связи с семидесятилетием Сталина. Ретушер убрал Ежова и Боярского, бывшего директора Художественного театра, к тому моменту тоже расстрелянного.

8 декабря 1938 г. Ежов был снят с поста наркома внутренних дел. Преемником его стал Берия, который 10 апреля 1939 года лично арестовал Ежова. А 4 февраля 1940 г. Ежов был расстрелян.

Две фотографии над текстом: короткая прогулка по берегу канала Москва – Волга. Ежова, который перед арестом был снят и со второго своего высокого поста — наркома водного транспорта, — на отретушированном варианте рядом с Ворошиловым, Молотовым и Сталиным уже нет. Этот канал, построенный заключенными, тоже потребовал огромных человеческих жертв. Много лет спустя Хрущев сказал, что Ежов был не только алкоголиком, но и наркоманом и «получил то, что заслуживал».

На стр. 177: значок работника НКВД.

НКВД

РЕВНОСТЬ И МЕСТЬ

Две последние фотографии великолепного писателя Исаака Бабеля, сделанные в НКВД 16 мая 1939 г., после его ареста. Очки Бабеля, страдающего сильной близорукостью, по всей видимости, были разбиты во время допроса на Лубянке. Ежов установил за ним слежку еще за год до ареста. Глава НКВД, как утверждают, преследовал Бабеля из ревности: у Евгении Хаютиной в 1927 году, за несколько лет до того, как она вышла замуж за Ежова, была якобы связь с Бабелем (дело было в Берлине). В 1936 году знакомство возобновилось: на сей раз Евгения, редактор журнала «СССР на стройке», предложила Бабелю сотрудничать в журнале. В октябре 1938 года Хаютина с тяжелой депрессией попала в санаторий, а спустя месяц умерла при загадочных обстоятельствах (официальная версия — передозировка люминала). Ежов, которого арестовали в следующем году, в своих показаниях обвинял Бабеля в шпионаже в пользу Франции. Писатель долгое время работал над романом о ЧК; книга так и не была закончена. Автора знаменитой «Конармии» (обложку см. *вверху*) расстреляли 27 января 1940 г.

1772. БАБЕЛЬ ИСААК ЭММАНУИЛОВИЧ 1894г

ЗЕМЛЯ ДЫБОМ

Одновременно с Бабелем был арестован великий режиссер В. Мейерхольд; допрашивали и пытали их одни и те же следователи. 2 февраля 1940 г. Мейерхольд был расстрелян. *На снимке вверху:* он в своем рабочем кабинете, перед портретом жены, актрисы Зинаиды Райх. На вершине своей славы он держал в своей московской квартире блестящий салон, где бывали всемирно известные деятели культуры. Вскоре после ареста Мейерхольда жену его нашли дома мертвой: ее зверски зарезали. Соседи слышали ее крик, но подумали, что она репетирует новую роль. *Ниже:* проект декораций художницы Л. Поповой к осуществленной Мейерхольдом в 1923 г. постановке пьесы «Земля дыбом». У левого края фотографии — портрет Троцкого: свой спектакль Мейерхольд посвятил ему. Именно это стало основным пунктом обвинения, предъявленного Мейерхольду инквизиторами НКВД.

В СОЛНЕЧНЫХ ЛУЧАХ

На залитой солнцем, яркой картине Василия Семеновича Сварога, с подписью: «И. В. Сталин и члены Политбюро среди детей в Центральном парке культуры и отдыха им. А. М. Горького», мы видим счастливые, жизнерадостные лица Кагановича, Андреева, самого «Вождя и Учителя», Молотова, Калинина и Ворошилова. *Вверху:* Снимок с картины был сделан в 1939 году; первоначально на полотне присутствовал, между Молотовым и Ворошиловым, П. А. Смирнов (см. *внизу страницы* и деталь — *над текстом*).

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Годы, предваряющие 60-летний юбилей Сталина (21 декабря 1939 г.), стали увертюрой к новому, едва ли не религиозному этапу его культа.

На картинах и статуях он окружен мистическим светом; он в сущности уже не человек, а Мессия, спаситель человечества. Любой материал: металл, камень, краска, пшеничное зерно — словно бы только и ждут, чтобы запечатлеть его облик. Копия обретает большую реальность, чем оригинал: мраморный Сталин вырастает до невиданных масштабов. *Слева, на стр. 182:* прижизненной канонизации Сталина способствовала и скульптурная композиция З. Снигиря «И. В. Сталин с матерью». Женщина эта схоронила двоих детей, прежде чем родился Иосиф. После 1903 г. Иосиф проводил с оставшейся в Грузии матерью очень мало времени; она же лишь однажды была у него в Кремле. Умерла она в 1937 г. Сталин на похороны не приехал.

Верхняя иллюстрация: картина К. К. Джелишвили «Товарищ Сталин и горийская молодежь». (Гори — родина Сталина). *Ниже:* убогий домик, где родился Сталин, в 1939 г. был накрыт мраморным павильоном и окружен цветниками; за строительством музея лично наблюдал шеф НКВД Лаврентий Берия.

СТАЛИНСКАЯ РОСПИСЬ

Вверху: Сталин пожимает руку министру иностранных дел Германии Риббентропу при подписании пакта Молотова-Риббентропа в Москве в 1939 году.

Сталинисты в течение многих лет ставили знак равенства между нацистами, с одной стороны, и Троцким, а также любой оппозицией диктатору — с другой. В 1939 году компартии всего мира вынуждены были примириться с мыслью о том, что Гитлер, судя по всему, все-таки не представляет собой опасности для мира во всем мире. А вскоре началась Вторая мировая война.

Еще через год Сталин, наконец, осуществил свою давно вынашиваемую мечту: по его приказу был убит последний и самый ненавистный его противник, Лев Троцкий.

Справа: умирающий в госпитале мексиканской столицы Троцкий, которого поразил ударом ледоруба по голове советский агент Рамон Меркадер (21 августа 1940 г.).

ПОБЕДА!

После внезапного нападения немецко-фашистских войск в 1941 году, советский народ, продемонстрировав невероятный героизм и стойкость, в конце концов добился победы. Однако цена ее была огромной. К маю 1945 года, когда нацисты сложили оружие, потери советской стороны составили 25–30 миллионов человек.

В первые дни войны Сталин, которого вероломное нападение застало врасплох, растерялся и впал в глубокую депрессию. Лишь спустя какое-то время, придя в себя, он призвал народ к борьбе — но уже не во имя идей Маркса и Ленина, а под лозунгом русского патриотизма.

На фронте Сталин был всего дважды; правда, Москву он не покинул даже зимой 1941 года, когда столица была на грани падения.

Вверху: картина К. Финогенова «Сталин на передовой под Москвой в 1941 году», написанная в 1947 году, прославляет великого стратега, который и перед лицом смертельной опасности меньше всего беспокоится о себе.

Справа: еще один пример того, как творилась, уже после войны, легенда. Картина П. А. Кривоногова изображает — с исключительной театральностью — взятие Рейхстага в мае 1945 года.

ПРОПАЛИ ИЗ ПОТСДАМА

Вверху: встреча глав трех держав-победительниц: Сталина, американского президента Трумена и английского премьер-министра Эттли в июле 1945 г. в Потсдаме. На фотографии Евгения Халдея члены советской делегации: Вышинский, Молотов (оба смотрят на Сталина), Антонов, начальник Генерального штаба Красной Армии (углубился в бумаги), и Громыко. Спустя сорок лет, в 1985 году, Громыко, министр иностранных дел, уже глубокий старик, сыграет немалую роль в том, что Михаила Горбачева выберут Генеральным секретарем.

Справа: та же — с тех пор много раз публиковавшаяся — фотография четыре года спустя. Но на ней уже отсутствуют адмирал флота Николай Кузнецов, который сидел между Антоновым и Громыко, и заместитель наркома иностранных дел Иван Майский. Во время войны Кузнецов командовал советским флотом; в 1947 году Сталин обвинил его в передаче союзникам военных карт. Кузнецова молниеносно лишили адмиральского звания и послали на Тихий океан. После смерти Сталина обвинение было снято, Кузнецова вернули на прежнюю должность. Позже, во времена Хрущева, он снова подвергся преследованиям, и лишь после смерти Кузнецова его семье сообщили, что ему возвращен чин адмирала. Второй персонаж, который на первом снимке сидит в тени, между Кузнецовым и Громыко, — это широко (даже слишком широко) известный дипломат Иван Майский. В период войны он был послом СССР в Великобритании, в 1947 году его вывели из Центрального Комитета, затем, незадолго до смерти Сталина, арестовали: он-де шпионил в пользу англичан. Позже наследники диктатора вменяли ему в вину даже то, что Берия якобы хотел сделать его министром иностранных дел. На свободу Майский вышел в 1954 г.

Справа, на стр. 189: кроме Сталина в истории было лишь два известных политика, которые требовали именовать себя генералиссимусом: Франко и Чан Кайши. Видимо, это обстоятельство ни капли не смущало украинского художника Резниченко, когда он писал портрет Сталина для альбома «Слава Великому Сталину!», повествующего о победе над фашизмом.

КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ НАД КРЕМЛЕМ

Вверху слева: плакат В. Храповицкого 1947 года «Да здравствует Всесоюзный день физкультурника!».
Вверху справа: картина В. Ефанова «И. В. Сталин и В. М. Молотов с детьми» (около 1950 г.). После 1945 года русский народ на короткое время ощутил надежду, что жизнь после трех десятилетий революции, голода, террора, войны может повернуться к лучшему. Однако культ Сталина все набирал силу, в то время как тень тайной полиции становилась все гуще.

Справа, на стр. 191: еженедельный журнал «Огонек» в декабре 1949 года тоже отметил семидесятилетие «Хозяина». На фотомонтаже, помещенном на обложке номера, в ночном небе над Красной площадью сияет «небесный Сталин». Однако стоящие на площади москвичи, судя по всему, понятия не имеют, куда им положено смотреть.
На стр. 192–193: высокопоставленные партийные руководители на первомайском митинге в конце войны. Слева направо: Георгий Маленков (виден лишь его силуэт), Андрей Жданов (главный идеолог сталинской эпохи), Алексей Кузнецов, Лаврентий Берия, Вячеслав Молотов и Александр Щербаков (который спустя девять дней после того, как была сделана эта фотография, умер после очередной попойки). Кузнецова за мужество, проявленное при обороне Ленинграда, объявили героем войны, но в самом начале 50-х годов он стал жертвой очередной чистки, проведенной в ленинградском партийном руководстве, и был расстрелян.

Следующим шагом, который запланировал Сталин, должна была стать грандиозная антисемитская кампания, но ему помешала собственная смерть.

ОГОНЁК
№ 52 ДЕКАБРЬ 1949
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕРТЬ — ЭТО ЕЩЕ НЕ КОНЕЦ

В начале марта 1953 г. у Сталина произошло кровоизлияние в мозг. Поздно вечером 5 марта, за несколько минут до его смерти, члены ЦК лишили его постов руководителя партии и правительства. Однако истребительный поход Сталина против своих подданных на этом не завершился. Оплакивающие его люди, стремясь прорваться к гробу, выставленному в Колонном зале Дома Союзов, сотнями давили и топтали друг друга на улицах, — невольно возникает мысль, что это было последнее страшное проявление его злой воли.

Вверху: членам сталинского руководства не удается скрыть тревогу на лицах. Фотомонтаж появился в газетах в день похорон.

Справа: высокопоставленные представители русской православной церкви пришли выразить свою скорбь у гроба Сталина.

На стр. 195, слева: весть о смерти учителя потрясла Вышинского. В следующем году он умер от сердечного приступа. В то время уже поговаривали, что скоро начнется разоблачение беззаконий.

На стр. 195, справа: в день похорон Сталина, 9 марта 1953 г., вся страна почтила память Сталина тремя минутами молчания.

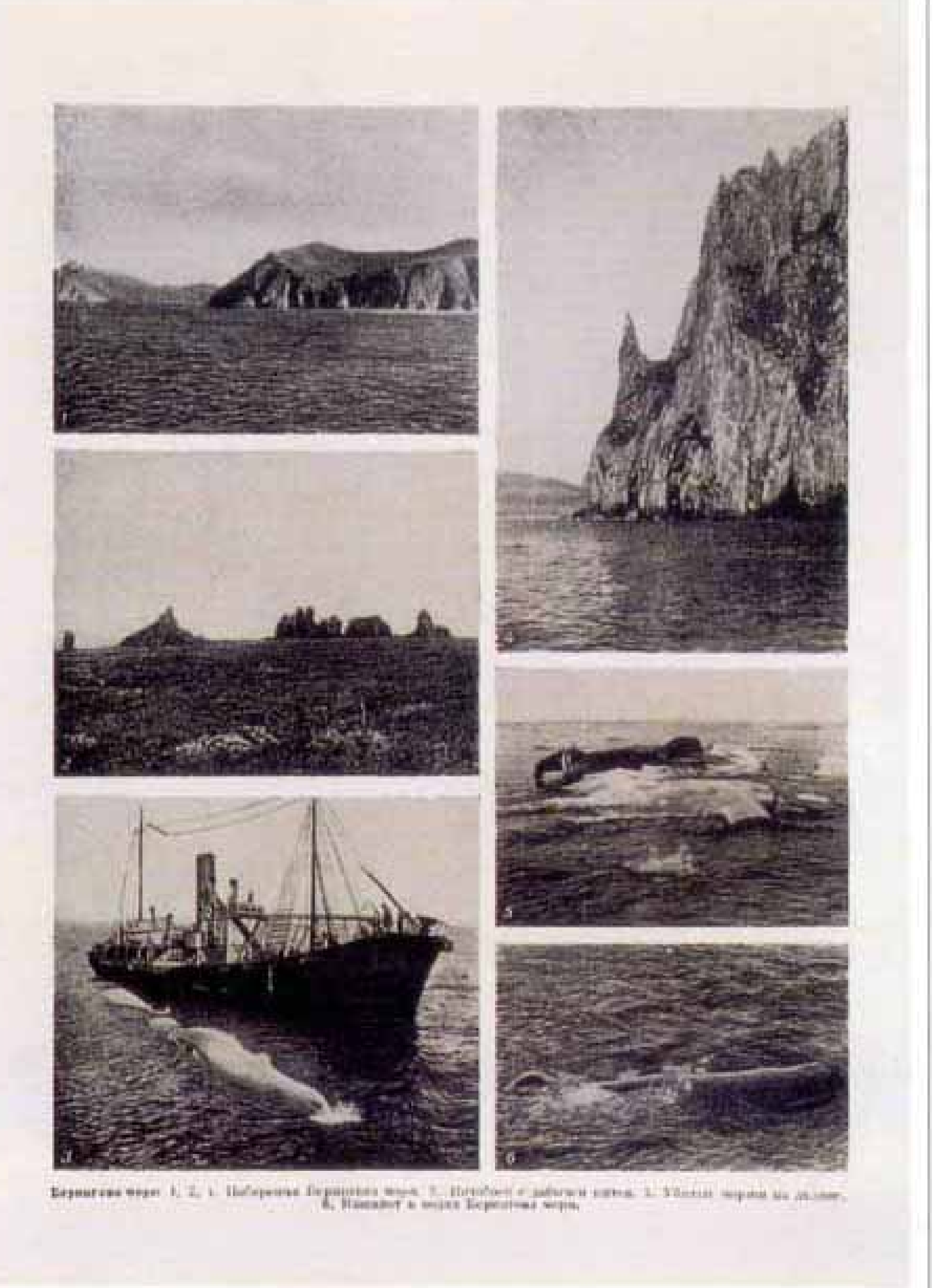

Слева, на стр. 196: шеф секретной полиции Лаврентий Берия. Его 15-летнее управление органами внутренних дел закончилось поздно ночью 23 декабря 1953 года — он был расстрелян после того, как в начавшейся после смерти Сталина борьбе за власть победили Георгий Маленков и Никита Хрущев. Суд над Берией был проведен тайно в одном из московских подземных бункеров, при содействии двух известных военачальников, прославившихся во время Второй мировой войны, Ивана Конева и Кирилла Москаленко. Судьи признали Берию виновным во множестве грехов. «Я невиновен», — были его последние слова.

Должно быть, Берии ужасно понравилось выражение собственного лица на этой парадной фотографии, если он именно этот снимок велел вмонтировать и в штатскую одежду (*вверху, слева*).

Вверху: Берия и Маленков приветствуют народ на Красной площади, Москва, 1953 г.

СКОЛЬЗКИЙ ПРИСПЕШНИК

Едва пуля палача покончила с Берией, как редакторы Большой Советской энциклопедии вынули из тома его портрет и полную обычного подобострастия статью о нем. Дабы заполнить пробел, подписчикам БСЭ во всех концах света вскоре разослали четырехстраничную вставку, содержащую несколько фотографий и некоторое количество «новой информации о Беринговом море» (*вверху, справа*). Китобои с добычей, влекомой на гарпуне — не такая уж плохая метафора судьбы сталинского скользкого приспешника.

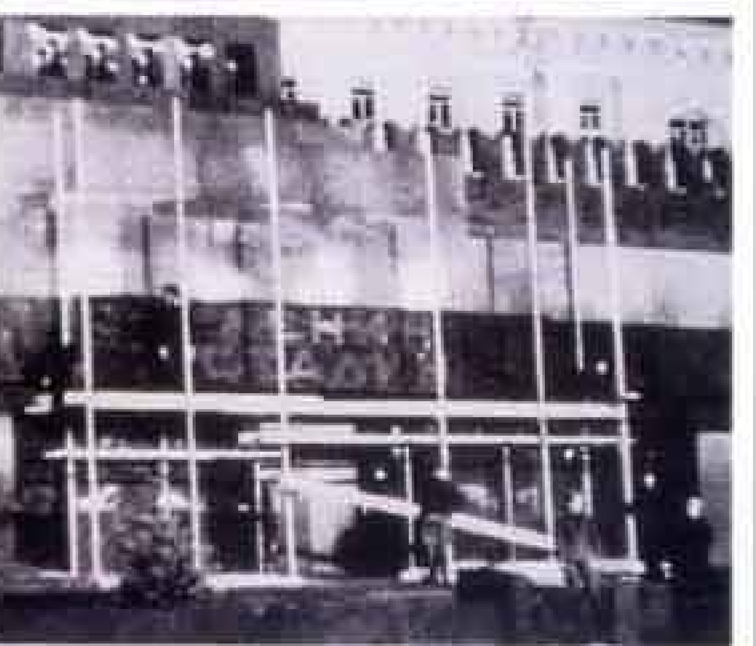
ЛИТЕРАТУРНЫЙ НЕГР

Слева: на этом, прежде не публиковавшемся снимке, мы видим П. Н. Поспелова (в очках) в кругу его сотрудников. Сталинист-ветеран сменил много мест работы: он был сотрудником секретариата Димитрова в Коминтерне, редактором журнала «Большевик», директором Института марксизма-ленинизма, главным редактором «Правды»; в разгар «больших чисток» он стал литературным поденщиком Сталина. Он активно участвовал в написании насквозь лживого «Краткого курса истории ВКП(б)». С его именем связана и изданная миллионным тиражом, насквозь лакейская «Краткая биография» Сталина. А после смерти «Хозяина» Поспелов, прекрасно умевший держать нос по ветру, стал работать на Хрущева. К вящей печали Молотова, Ворошилова и иже с ними, Поспелов, по распоряжению Хрущева, возглавил комиссию по расследованию преступлений периода культа личности. На закрытом заседании XX съезда Хрущев изложил вскрытые комиссией факты. Знаменитый доклад «О культе личности и его последствиях», вызвавший на Западе шумный отклик, в Советском Союзе появился в открытой печати лишь в 1989 г.

Справа: Сталин завещал, чтобы тело его поместили рядом с Лениным, в Мавзолее (*верхний снимок справа*). Лишь в 1961 г., спустя пять лет после секретной речи Хрущева, XXII съезд принял решение удалить из Мавзолея тело Сталина.
С фасада убрали и имя Сталина *(вторая и третья фотографии сверху)*.

Внизу: тело Сталина и ныне покоится позади Мавзолея, в склепе, закрытом тяжелой гранитной плитой.

SZTALIN

ПРОИГРАВШИЕ КОНКУРС

В своей секретной речи 1956 г., осудив «культ личности Сталина», Хрущев пообещал провести в советском лагере жгуче насущные реформы. Венграм, однако, этого было мало. Недовольство сталинистским правительством привело к тому, что поздним вечером 23 октября 1956 г. тысячи жителей Будапешта двинулись к Городской роще (*вверху*), чтобы свалить и разрушить почти двадцатиметровую бронзовую статую ненавистного Сталина, возвышавшуюся в сердце венгерской столицы.

В тот же день демонстрации, начавшиеся как студенческие беспорядки, переросли во всенародное восстание. Появились революционные советы, которые должны были сменить дискредитировавший себя партийный и государственный аппарат. Однако вступившие в Венгрию советские войска подавили венгерскую революцию.

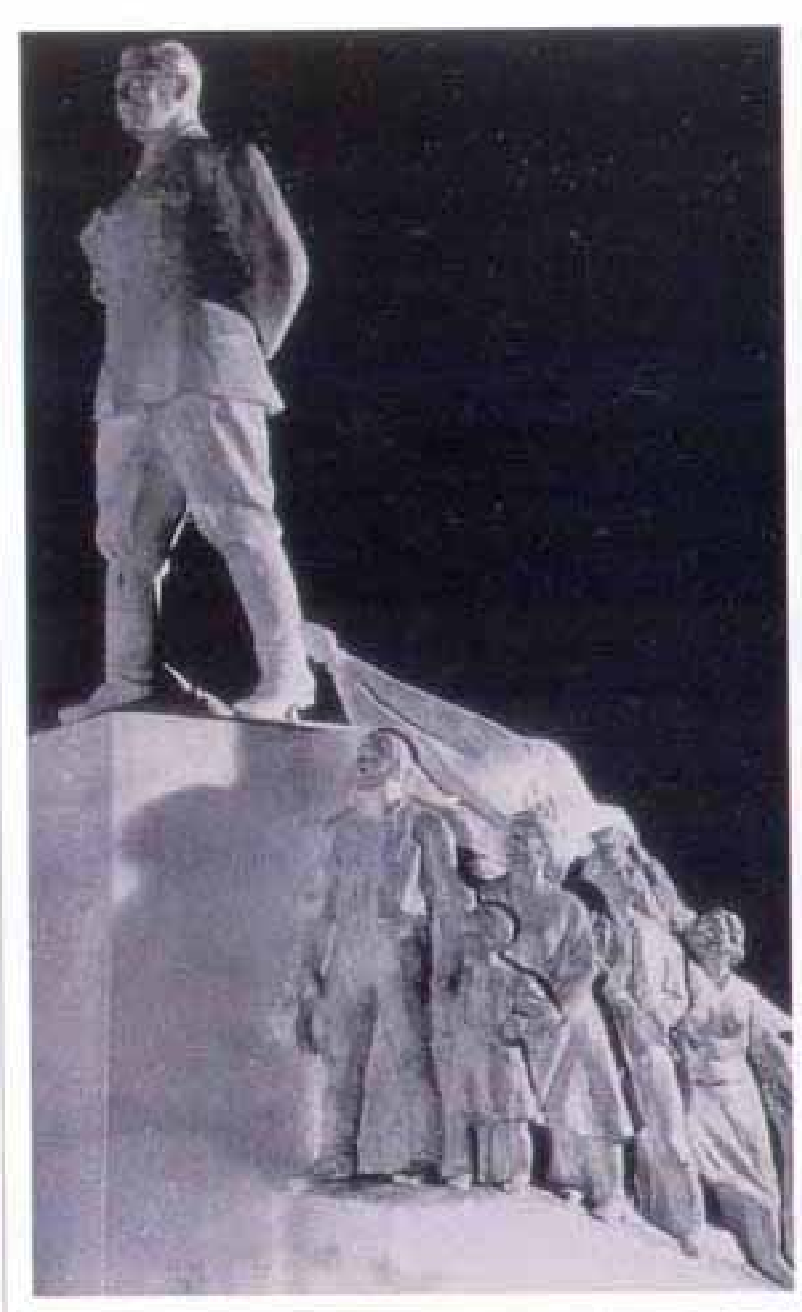
Тот памятник Сталину был произведением Ш. Микуша, победившем на конкурсе, объявленном Партией венгерских трудящихся.

Приведенные здесь фотографии показывают и проекты, которые не победили на конкурсе.

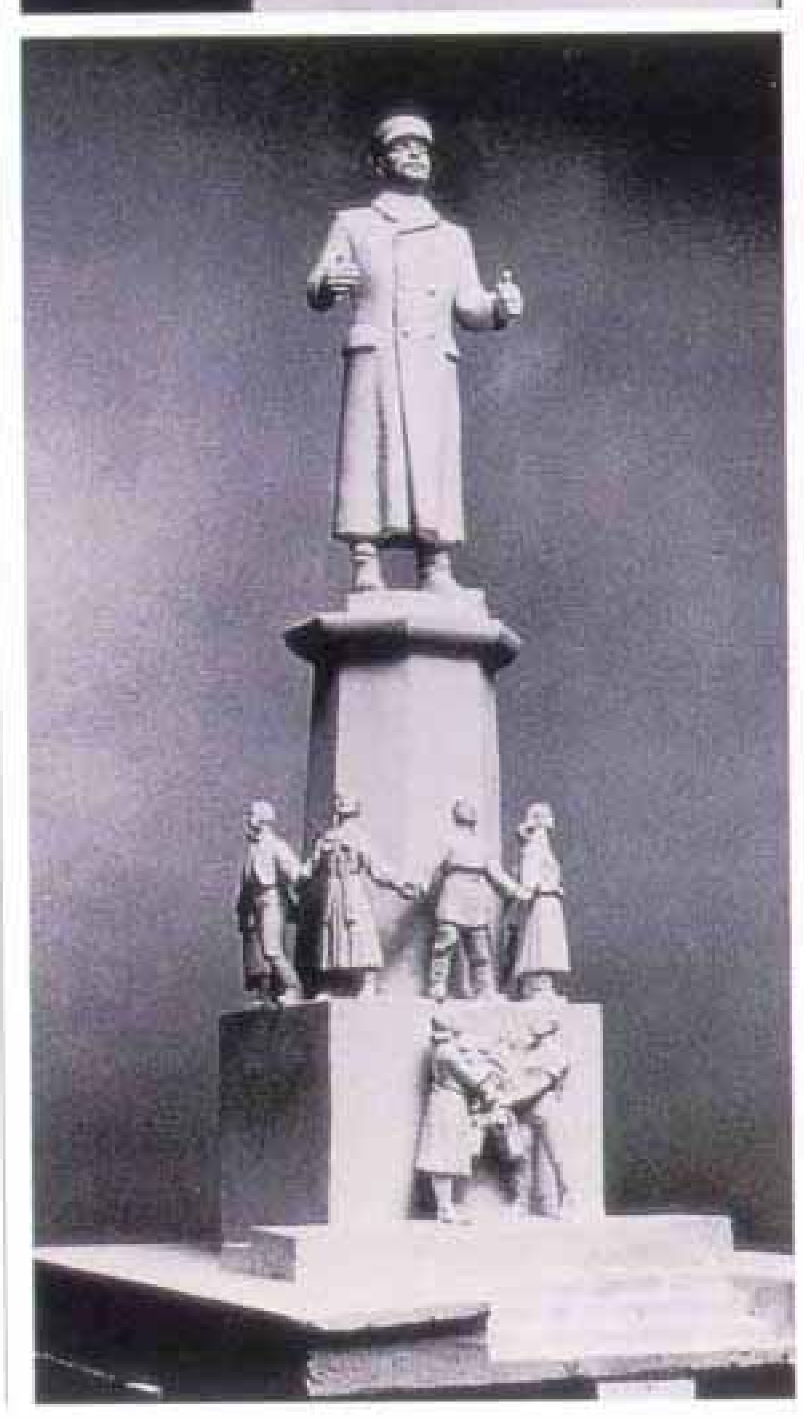
На стр. 200, 202, 203: восемь статуй Сталина, которые так и остались проектами.

Beck András

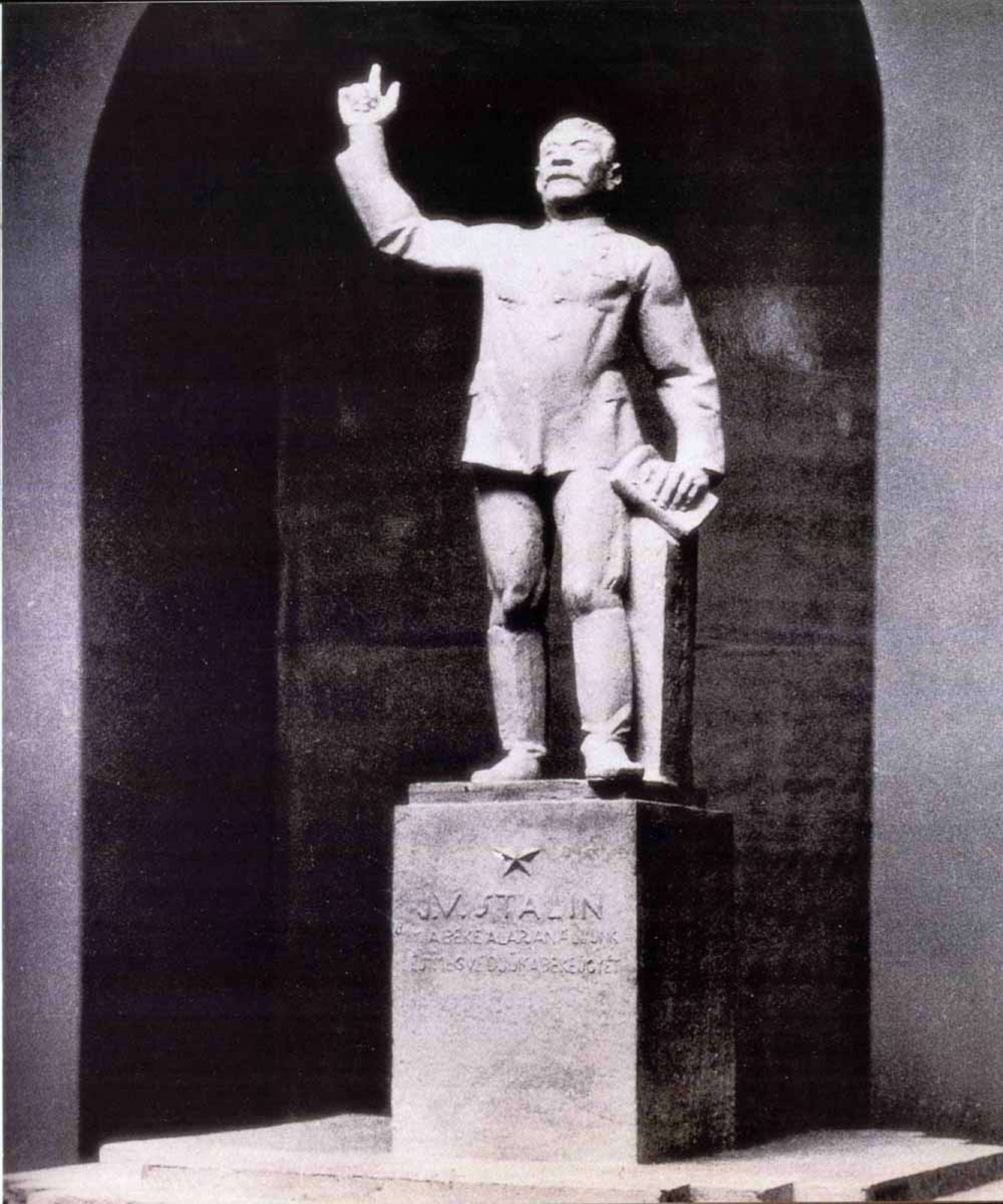

SZTÁL

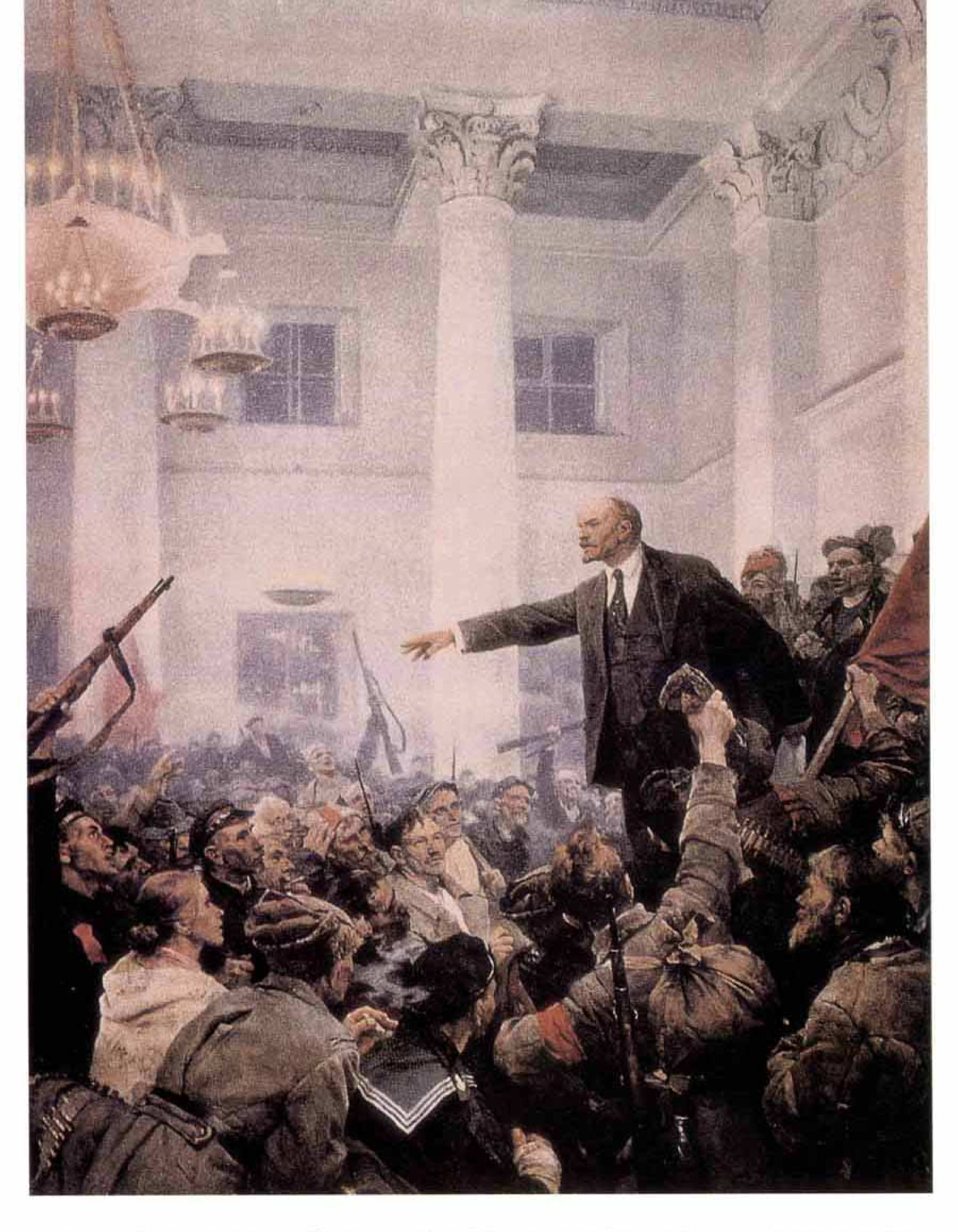

J.V. STALIN

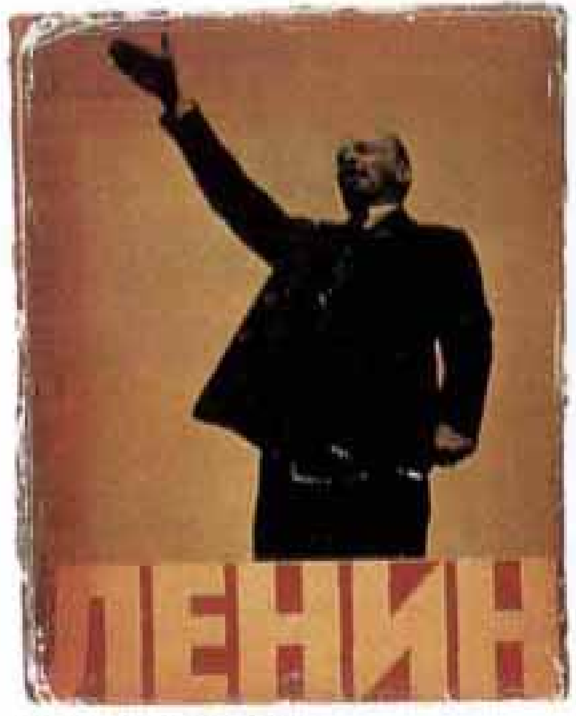

КРУГ ЗАМЫКАЕТСЯ

Картина Владимира Серова «Ленин провозглашает советскую власть на 2-ом съезде Советов», написанная в 1947 г., спустя год была удостоена Сталинской премии. За спиной Ленина — Сталин, Дзержинский и Свердлов.

По требованию Хрущева Серов в 1962 году полностью переписал свою картину: под влиянием десталинизации место соратников Ленина заняли революционные рабочие. Трагедия и ужас этого эпизода достойно замыкают

БЛАГОДАРНОСТЬ

Почти три десятилетия назад я начал собирать книги, плакаты, другие печатные издания, связанные с историей и политической жизнью России и бывшего Советского Союза. В ходе этой работы я встречался в разных концах света с очень многими людьми, которых также весьма интересовала эта тема и которые, благодаря своим знаниям, своему энтузиазму помогли приумножить эту коллекцию.

С особой благодарностью хочу упомянуть Джуди Гровз, Дорис Рау, Фрэнсиса Уиндема, Стивена Коэна и Йорама Горлицки. Без их помощи эта книга вряд ли увидела бы свет.

Большая признательность — моему давнему доброму другу, историку Миклошу Куну, к которому смело можно отнести заглавие английской книги Бабеля: «Ты уж точно все знаешь».

С благодарностью вспоминаю я и замечательного своего друга — уже умершего — Натана Федоровского, чей блестящий юмор, великодушие, осведомленность в советском изобразительном искусстве и фотографии по сей день остаются легендой.

Благодарю:
Dawn Ades, Celia Barnett, Tamás Békés, Ken Campbell, Bruce Chatwin, Susannah Clapp, Ann Creed, Alec Flegon, Ágnes Gereben, Roland Gray, Christabel Gurney, Anthony C. Hall, Adam Hochschild, Gábor Hollósi, Michael Katanka, Francis King, Joseph King, Josephine King, Robin King, Nóra Kovács, Zsolt Kőműves, Alexei Ladyzhensky, Alexander Lavrentiev, Sasha Lurye, Gavin MacFadyen, Harold Landry, Tom Mascher, Claudine Meissner, Niel Middleton, Galina Panova, Howard Garfinkel, Larry Zeman, Sasha Pyshakov, Alexander Rabinovich, Michael Rand, Sylva Rubashova, James Ryan, Wolf Ryzhik, Howard Schickler, Colin Smith, Gabriel Superfin, Sophy Thompson, Richard Weigand, George Weissman.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бабель И. Конармия. М.; Л., 1927.
Иваненко Г. И. и др. Процесс контрреволюционной организации меньшевиков. М., 1931.
Малкин Б. Ф. Ударники. Л., 1930.
Н. К. У. Союза ССР. Процесс антисоветского троцкистского центра. М., 1937.
Панкратова А. Н. История СССР. М., 1940.

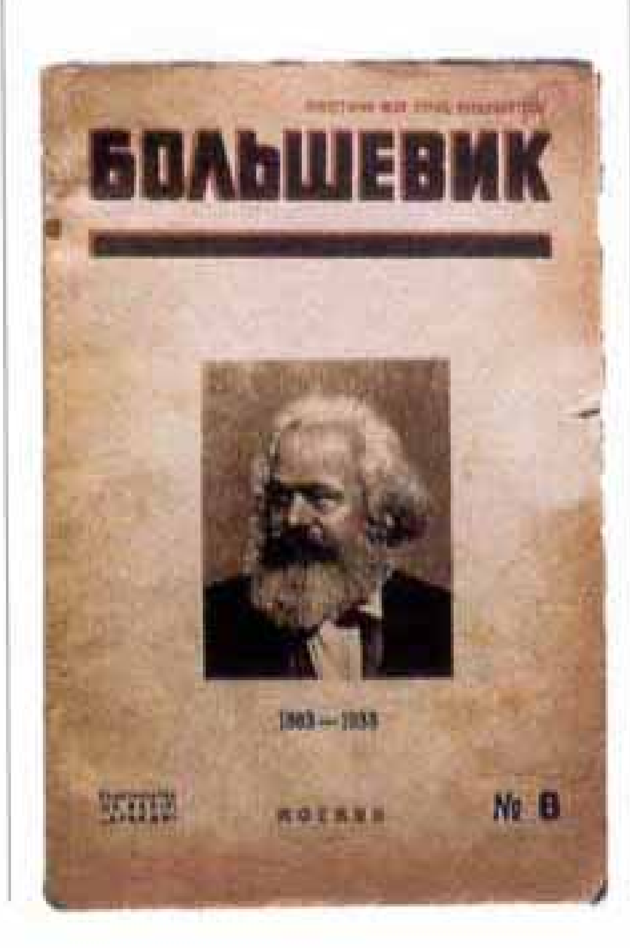
Antonov-Ovszejenko, Anton. The Time of Stalin: Portrait of a Tyranny. New York, 1980.
Bown, Matthew Cullerne. Art Under Stalin. Oxford, 1991.
Cohen, Stephen F. Bukharin and the Bolshevik Revolution. New York, 1973.
Conquest, Robert. The Great Terror. London, 1968.
Darel, Sylva. A Sparrow in the Snow. New York, 1973.
Deutscher, Isaac. The Prophet Armed: Trotsky, 1879–1921. London, 1954.
–. The Prophet Unarmed: Trotsky, 1921–1929. London, 1959.
–. The Prophet Outcast: Trotsky, 1929–1940. London, 1963.
–, *and David King.* The Great Purges. Oxford, 1984.
Erikson John. The Soviet High Command: A Military-Political History, 1918–1941. London, 1962.
Fischer, Louis. The Life of Lenin. London, 1965.
Ginzburg, Evgenyia Semjonovna. Journey into the Whirlwind. New York, 1967.
Hochschild, Adam. The Unquiet Ghost. New York, 1994.
Kerr, Alfred, ed. Russische Filmkunst. Berlin, 1927.
King, David, et al. Trotsky: A Photographic Biography. Oxford, 1986.
Medvedev, Roy. Let History Judge: The Origins and Consequences of Stalinism. New York, 1989.
Nicolaievsky, Boris I. Power and the Soviet Elite. New York, 1965.
Pospelov, P. N. et al. Joseph Stalin: A Short Biography. Moszkva, 1949.
Rivera, Diego, and Bertram D. Wolfe. Portrait of America. New York, 1934.
Schapiro, Leonard. The Communist Party of the Soviet Union. London, 1963.
Shentalinsky, Vitaly. Arrested Voices. New York, 1996.
Solomon, Peter H., Jr. Soviet Criminal Justice Under Stalin. Cambridge, England, 1996.
Sukhanov, N. N. The Russian Revolution, 1917: A Personal Record. London, 1955.
Trotsky, Leon. Stalin an Appraisal of the Man and His Influence. London 1947.
Tucker, Robert C., and Stephen F. Cohen eds. The Great Purge Trial. New York, 1965.
Wyndham Francis, and David King. Trotsky: Dokumentary. Harmondsworth, England, 1972.

ФОТОАЛЬБОМЫ

Бриллиантов А. В. 15 лет Казахской АССР. М.; Л., 1935.
Глебов-Путиловский Н. Н. Октябрь — Фотоочерк по истории Великой Октябрьской Революции (1917–1920). Москва и Петроград, 1920.
Гольцев В. В. Ленин. Альбом — Сто фотографических снимков. М.; Л., 1927.
Горький М. и др. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. М., 1934.
Госплан СССР. Сталинская конституция социализма. М., 1937.
Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП (б). Феликс Эдмундович Дзержинский. М., 1951.
— и Центральный музей В. И. Ленина. Иосиф Виссарионович Сталин. М., 1949.
Карл Маркс и Фридрих Энгельс — Собранные фотографии. М., 1976.
Ленин — Альбом фотографий 1917–1922. М., 1957.
Ленин: Собранные фотографии. М., 1970.
В. И. Ленин — Альбом фотографий. М., 1972.
Владимир Ильич Ленин — Альбом фотографий. М., 1960.
Яковлев Игорь. Lenin's Portrait. M. 1987.
Яковлев Н. М. Сталин — Живопись, плакат, графика, скульптура. М., 1934. Первый альбом о культе личности.
Керженцев П. Жизнь Ленина. С иллюстрациями Шатронова. М., 1936.
Леонидов О. Л. Первая Конная. Оформление Александра Родченко. М., 1938.
Мехлис С. И. др. Героическая эпопея — Альбом фотодокументов. М., 1935.
Орахелашвили М. Д. и др. Серго Орджоникидзе — Биографический очерк. М., 1936.
От Московского Комитета РКП. Товарищу делегату II Конгресса III Коммунистического Интернационала — Альбом. Москва, 27 июля 1920 года.
Позерн Б. П. Сергей Миронович Киров. Л., 1936.
Пироговский Н. Н. и др. Сталин. М., 1939.
Рамзин К. Революция в Средней Азии. М., 1928.
Резниченко А. Слово Великому Сталину от украинского народа. Киев, 1947.
Родионов Ф. Е. Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Оформление: Эль Лисицкий. М., 1934.
Теймин Э. и др. Сталин. М., 1939.
Турсунходжаев М. и др. Десять лет Узбекистана. М.; Л., 1934. (русскоязычное издание) и 1935 (узбекское издание).
Волков-Ланнит Л. Ф. В. И. Ленин в фотоискусстве. М., 1967.

КОЛЛЕКЦИИ ФОТО- И ГРАФИЧЕСКИХ РАБОТ

Союзфото. Чапаев. М., 1932.
Музей В. И. Ленина. Ленин. М., 1939.
Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП (б). Ленин. М., 1934.
Гольцман В. Я. и др. И. В. Сталин в произведениях живописи художников Грузии. М. 1939.
Мицкевич С. И. Пролетарская революция в образах и картинках. М., без даты (прибл., 1924).
Музей революции — Революционное движение в картинках.М.; Л., 1932.
Госкиноиздат. И. В. Сталин (Фотоснимки). М., 1939 .
И. В. Сталин. Фотосерия в 72 листах. М., 1939.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Вверху: министр иностранных дел Андрей Вышинский 14 февраля 1950 г. подписывает китайско-советский договор о дружбе. *Фото второе сверху:* сильно урезанный вариант той же фотографии был напечатан в «Правде» в 1953 году, непосредственно после смерти Сталина. Георгий Маленков, преемник Сталина, пододвинулся гораздо ближе к Сталину и Мао; все остальные исчезли.

Новое советское руководство, возмущенное фальсификацией фотографии в пользу Маленкова, приняло решение, запрещающее любую манипуляцию документами. Жаль, что они не выполнили своего решения.

Подпись владельца И. Зайцев

ЧЕКИСТ ДОЛЖЕН БЫТЬ:
БЕЗЗАВЕТНО ПРЕДАННЫМ
ПАРТИИ ЛЕНИНА—СТАЛИНА,
БДИТЕЛЬНЫМ
И БЕСПОЩАДНЫМ В БОРЬБЕ
С ВРАГАМИ СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВА

НКВД СССР

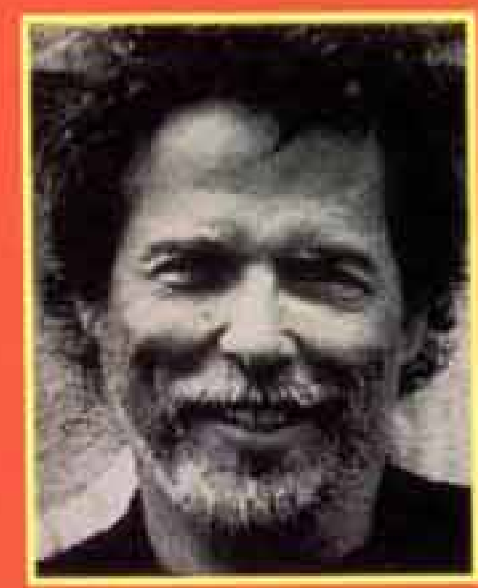
ГРАМОТА

Товарищ Зайцев
Иван Григорьевич
приказом
НКВД СССР № 468
от 7 июля 1943 г.
награжден нагрудным знаком
Заслуженного работника НКВД
№ 2599 за успешную
работу по выполнению
заданий.

Народный комиссар
внутренних дел Союза ССР
Л. Берия
(Л. Берия)

„30“ августа 1944 г.

Вверху: Документ о награждении Ивана Григорьевича Зайцева, офицера НКВД.
На документе — собственноручная подпись, красными чернилами, наркома внутренних дел Берии.

Дэвид Кинг много лет собирает документы, фотографии и произведения искусства, имеющие отношение к советской эпохе. Он является автором, составителем и дизайнером многих иллюстрированных альбомов, посвященных этому времени, включая фотобиографию Льва Троцкого. Его последний альбом — «Рядовые граждане», — это галерея тюремных фотоснимков нескольких десятков обычных людей, ставших невинными жертвами сталинского террора.

Представляемый сегодня российскому читателю альбом Дэвида Кинга «Пропавшие комиссары» получил широкую известность и был переведен на многие языки мира. Материалы альбома легли в основу передвижной выставки, с 1998 года успешно путешествующей из страны в страну.

С 1965 по 1975 год Дэвид Кинг был арт-директором лондонского иллюстрированного журнала «Санди Таймс». В настоящее время продолжает работать как независимый фотограф и дизайнер.

Живет в Лондоне.

Неотретушированная фотография на обложке недавно обнаружена в московском архиве. На этом снимке (справа) еще одна, пятая фигура — Николай Комаров — один из руководителей Ленсовета, расстрелян в 1937 году.

THE COMMISSAR VANISHES
DAVID KING
THE FALSIFICATION OF PHOTOGRAPHS AND ART IN STALIN'S RUSSIA

The first edition of this book was published in English as "The Commissar Vanishes" by David King (Henry Holt, New York, 1997). The following text, discussing the falsification of photographs and art in Stalin's Russia, is reprinted from the author's original introduction.

HEAVY SOVIET LOSSES

Like their counterparts in Hollywood, photographic retouchers in Soviet Russia spent long hours smoothing out the blemishes of imperfect complexions, helping the camera to falsify reality. Joseph Stalin's pockmarked face, in particular, demanded exceptional skills with the airbrush. But it was during the Great Purges, which raged in the late 1930s, that a new form of falsification emerged. The physical eradication of Stalin's political opponents at the hands of the secret police was swiftly followed by their obliteration from all forms of pictorial existence.

Photographs for publication were retouched and restructured with airbrush and scalpel to make once famous personalities vanish. Paintings, too, were often withdrawn from museums and art galleries so that compromising faces could be blocked out of group portraits. Entire editions of works by denounced politicians and writers were banished to the closed sections of the state libraries and archives or simply destroyed.

At the same time, a parallel industry came into full swing, glorifying Stalin as the "great leader and teacher of the Soviet people" through socialist realist paintings, monumental sculpture, and falsified photographs representing him as the only true friend, comrade, and successor to Lenin, the leader of the Bolshevik Revolution and founder of the USSR. The whole country was subjected to this charade of Stalin-worship.

Soviet citizens, fearful of the consequences of being caught in possession of material considered "anti-Soviet" or "counterrevolutionary," were forced to deface their own copies of books and photographs, often savagely attacking them with scissors or disfiguring them with India ink. There is hardly a publication from the Stalinist period that does not bear the scars of this political vandalism. One grim but not unusual story is worth studying in detail.

Isaak Abramovich Zelensky joined the Bolshevik Party in 1906 at the age of sixteen and took an active part in the October Revolution of 1917. In 1922 he was elected a full member of the Central Committee of the Communist Party. As secretary of the Moscow Party organization, Zelensky served on the commission that arranged the burial of Lenin in 1924. In the fall of that year, however, Stalin attacked Zelensky for "insufficient hostility to Kamenev and Zinoviev," who were at that moment in opposition to the future dictator in the power struggle that followed Lenin's death. Zelensky was packed off to Tashkent for seven years to become secretary of the Central Asian Bureau but was recalled to Moscow in 1931 to run the state consumer distribution network. Zelensky was a conscientious, hardworking revolutionary turned party official, albeit one who, like many others, was deeply concerned about the advance of Stalinism.

In October 1937 Isaak Zelensky was arrested, on Stalin's orders, as an "enemy of the people." The state prosecutor of the time was the universally loathed and feared Andrei Yanuarievich Vyshinsky. Vyshinsky plumbed new depths of cruelty in the late 1930s, when he willingly acted as Stalin's mouthpiece in the three notorious Moscow show trials. At these trials he had many of the "Old Bolsheviks"—those who had created the Revolution that he never took part in—put to death. False confessions to ridiculous charges were extracted from the defendants by sadistic interrogators. Independent defense counsel was unheard of. Confession was sufficient to convict.

Soon Vyshinsky and Zelensky were to meet face-to-face as prosecutor and victim. The third and last Moscow show trial took place in the House of Trade Unions in March 1938, where Zelensky appeared alongside twenty other defendants, the most prominent of whom was Nikolai Bukharin. Vyshinsky accused Zelensky of having been a tsarist police agent since 1911. He was said to have used his position as head of the state distribution network to sabotage the distribution of food by "spoiling" fifty truckloads of eggs, as well as "throwing nails and broken glass into the masses' butter with a view to undermining Soviet health." With most of his co-defendants, Zelensky was sentenced to death and shot. For his endeavors at the trials, Vyshinsky was rewarded by Stalin with a seat on the Central Committee.

The haunting image of Zelensky's defaced photograph surfaced nearly half a century later. One night in 1984, I made my way up Kirov Street, which was ill-lit even by Moscow standards, to the studio of Alexander Rodchenko. An archway led into a claustrophobic courtyard hemmed in by several tenement blocks. The studio was situated on the tenth story of one of these, and there was no elevator. I began the long climb up.

Rodchenko was one of the heroes of Russian art, design, and photography from the avant-garde period at the time of the Revolution until the late 1930s. He was married to the equally gifted artist and designer Varvara Stepanova. During the 1920s their studio served as the editorial offices of *Lef* magazine, an arts journal under the editorship of the revolutionary poet Vladimir Mayakovsky.

Rodchenko died in 1956. Three generations of his family continue to reside in the apartment, and by 1984 very little had changed. Paintings by the master leaned against the walls as if he had just finished working on them. The dim light of naked bulbs cast dense shadows from tall cupboards and bookcases. The same dust, Rodchenko's dust, occupied the same crevices and the tops of the same books. I was there to see the books—strangely, the first person to have asked to see them.

Rodchenko had divided his working life in the 1930s between photography and his remarkable output of book and magazine design. Huge photographic albums, with titles like *First Cavalry* and *Red Army*, lined the bookshelves of the Kirov Street studio, side by side with pioneering photo-graphics for special issues of the famous magazine *USSR in Construction*. But one book stood out from the others. It was called *Ten Years of Uzbekistan*.

Looking inside Rodchenko's copy of *Ten Years of Uzbekistan* was like opening the door onto the scene of a terrible crime. A major purge of the Uzbek leadership by Stalin in 1937, three years after the book's publication, meant that many of the official portraits of Party functionaries in the album had to be destroyed. The concept of "personal responsibility" had been forced on the whole country by the Stalinists during a vast campaign of vigilance against the regime's enemies. The names of those who had been arrested or had "disappeared" could no longer be mentioned, nor could their pictures be kept without the greatest risk of arrest. Petty informers were everywhere. The walls really did have ears.

Rodchenko's response in brush and ink came close to creating a new art form, a graphic reflection of the real fate of the victims. For example, the notorious secret-police torturer Yakov Peters had suffered an ethereal, Rothko-like extinction. The face of party functionary Akmal Ikramov, veiled in ink, had become a terrifying apparition. And there, suffering a second death, was Isaak Zelensky, his face wiped out in one great blob and his name obliterated in the caption beneath.

This defacing, forced upon Rodchenko, is only one example among thousands of similar actions from the Great Terror and beyond. The libraries of the former Soviet Union still bear these scars of "vigilant" political vandalism. Many volumes—political, cultural, or scientific—published in the first two decades of Soviet rule had whole chapters ripped out by the censors. Reproductions of photographs of future "enemies of the people" were attacked with disturbing violence. In schools across the country, children were actively engaged by their teachers in the "creative" removal of the denounced from their textbooks. A collective paranoia stretched right through the period of Soviet rule.

Huge numbers of publications were banned from the bookshelves altogether. For example, one directive, issued by the Central Committee of the Communist Party on March 7, 1935, ordered the removal of Leon Trotsky's works from libraries throughout the Soviet Union. This ban continued until the late 1980s, but sometime in between it was toughened up to include even some *anti*-Trotsky material. Publications with titles like *Trotskyists: Enemies of the People* and *Trotskyist-Bukharinist Bandits* also became proscribed reading.

The censors published an extraordinary volume entitled *Summary List of Books Not Available in Libraries and the Book Trade Network*. It contained hundreds of pages in small print, "for official use only," listing alphabetically the publications that were banned. A friend of mine, the manager of an antiquarian bookshop in Leningrad in the 1960s, told me that he remembered well the twice-monthly visits of a matronly lady from the censorship bureau, who spent hours rifling through the thousands of books on his shelves, checking them against her latest copy of the *Summary List* (which was always being updated). Those volumes found to be unacceptable were put in a special garbage can at the back of the store.

There were three possible destinations for this "garbage." The happiest one was when rare and interesting volumes found their way quietly into the many fabulous private libraries assembled, sometimes at great personal risk, by bibliophiles or lovers of history. The unhappiest destination was the shredder. So many beautifully produced books and rare manuscripts ended up there during the 1960s because of the boorish campaign of *Makulatura* (book pulping). Ostensibly due to a shortage of newsprint, a system was introduced whereby old books and papers would be weighed and exchanged at a fixed rate for a few rubles or, say, a new copy of an officially approved novel. The heavier the book, the greater the value. This is why many of the giant photographic and graphic albums published in Russia during the 1920s and 1930s are now so scarce.

The third route for material that was considered a threat to Soviet rule led to the official archives. These archives served a dual purpose for the state. The first was to preserve, the second to banish. Sound recordings, the printed word, movie footage, photographs, paintings, drawings and posters, personal effects—any trace of the "disappeared"—vanished into the "closed sections." Whatever the state considered undesirable was withdrawn from view. In Stalin's time, this was a monumental task. Inquiries were met, after hours of waiting, with deflected answers, a shrug of the shoulders, or a harsh "Not possible!"

My first encounter with the open sections of the photographic archives in Moscow took place in the exceptionally bitter Russian winter of 1970, seventeen years after Stalin's death. When I inquired about photographs of Trotsky, the reply would invariably be, "Why do you ask for Trotsky? Trotsky not important in Revolution. Stalin important!" In the dark green metal boxes containing mug shots of subjects starting with "T" were hundreds of photographs of famous Russians: Tolstoy, Turgenev, etc.—but no Trotsky. They had completely wiped him out. It was at this moment that I determined to start my collection.

Nearly three decades later the collection has grown into a working library that documents visually every important aspect of Soviet history, with particular reference to alternatives to Stalinism. Where did all this material come from? Initially from the Soviet Union itself. The worldwide dissemination of photographs and printed matter through the Communist International was a major objective of the Soviet propaganda machine in the 1920s and 1930s. Vast amounts of material reached the West in those times and can still be found even today. With the relaxation by Gorbachev of foreign travel restrictions for Russians in the 1980s, large numbers of books, photographs, and other documents, hidden for many years, arrived in the West. But it is worth pointing out that it is still an offense under Russian law to export almost anything without official permission, except recent publications.

So much falsification took place during the Stalin years that it is possible to tell the story of the Soviet era through retouched photographs. That is the purpose of this book. The photographs are displayed chronologically, at the time they were taken, rather than when they were doctored. The altered versions are usually shown alongside the originals, or on the following pages. A number of key unfalsified photographs and documents are also included to explain important moments in the story. Paintings, graphics, and other examples of Stalinist hero worship appear as well. Only the most interesting and varied images from a political, cultural, and of course visual point of view are presented here. New examples of falsification are always coming to light. A photograph might appear strange, as a result of heavy retouching. To find the original might take years—and often does. The search continues.

Photographic retouching for publication in books, magazines, and newspapers in Russia started as early as 1917 but did not reach a grand scale until 1935, in the wake of the terror that followed the assassination of Leningrad Party chief Sergei Kirov. No single skyscraper existed where legions of Stakhanovite airbrushers, montagists, and scissor-men would labor through the darkest hours of the night, slavishly fulfilling their work norms for some glowering Ministry of Falsification. Rather, photographic manipulation worked very much on an ad hoc basis. Orders were followed, quietly. A word in an editor's ear or a discreet telephone conversation from a "higher authority" was sufficient to eliminate all further reference—visual or literal—to a victim, no matter how famous she or he had been.

Faking photographs was probably considered one of the more enjoyable tasks for the art department of publishing houses during those times. It was certainly much subtler than the "slash-and-burn" approach of the censors. For example, with a sharp scalpel, an incision could be made along the leading edge of the image of the person or object adjacent to the one who had to be removed. With the help of some glue, the first could simply be stuck down on top of the second. A little paint or ink was then carefully brushed around the cut edges and background of the picture to hide the joins. Likewise, two or more photographs could be cannibalized into one using the same method. Alternatively, an airbrush (an ink-jet gun powered by a cylinder of compressed air) could be used to spray clouds of ink or paint onto the unfortunate victim in the picture. The hazy edges achieved by the spray made the elimination of the subject less noticeable than crude knifework.

Many photographic deletions were not the result of retouching at all but of straightforward cropping. Art departments have always cropped photographs on aesthetic grounds, but in the Soviet Union cropping was also used with political objectives in mind. The subtraction of Stalin's enemies, and even some of his friends, was one problem, but for the General Secretary, addition—the addition of himself—was another. From the time of his birth in 1879 until he was appointed General Secretary in 1922, there probably exist fewer than a dozen photographs of him. For a man who claimed to be the standard-bearer of the Communist movement, this caused grave embarrassment, which could only be overcome by painting and sculpture. Impressionism, expressionism, abstraction—for Stalin, none of these artistic movements was capable of showing his image properly. So he made realism—socialist realism—the central foundation of the Stalin cult. A whole art industry painted Stalin into places and events where he had never been, glorifying him, mythologizing him. Sculpture worked well for him, too. The bronze Stalin, the marble Stalin, were invulnerable to the bullets of the "Zinovievite bandits." The flesh and blood Stalin could safely stay out of the public gaze. Sculpture became the real Stalin—heavy, ponderous, immortal.

Skillful photographic retouching for reproduction depended, like any craft before the advent of computer technology, on the skill of the person carrying out the task and the time she or he had to complete it. But why was the standard of retouching in Soviet books and journals often so crude? Did the Stalinists want their readers to see that elimination had taken place, as a fearful and ominous warning? Or could the slightest trace of an almost vanished commissar, deliberately left behind by the retoucher, become a ghostly reminder that the repressed might yet return?

David King, London, 1997

Overleaf: Stalin lays down the law on collectivisation at a meeting in Moscow on December 4, 1935. The photograph's original owner has dutifully crossed out four participants including, left to right: Tal, Yezhov(!), M.A.Chernov and Ya.A.Yakovlev who were all later purged. Listening to Stalin and surviving in the photograph, left to right: Kaganovich, Molotov, Voroshilov, Shaduntz (Party boss of Tadjikistan), Mikoyan, Andreyev and Shkiryatov.